

Экономика и управление:

научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

Экономическая политика:
стратегия и тактика

Региональная экономика

Человек. Экономика. Общество

Финансы

6/2016

Редакционный совет

Н.З. Арабаджийски, профессор департамента Администрации и управления Нового болгарского университета, д-р экономики, профессор

М.А. Аюпов, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, д-р полит. наук, профессор

В.И. Буренко, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

Ф.Б. Бурханова, главный научный сотрудник Башкирского филиала Института социологии Российской академии наук (РАН), д-р социол. наук, профессор

Р.М. Валиахметов, директор Башкирского филиала Института социологии РАН, канд. социол. наук, доцент

В.М. Валиев, директор НИИ экономических реформ Министерства экономического развития Азербайджана, д-р экон. наук, профессор

Д.А. Гайнанов, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р экон. наук, профессор

Р.Р. Галлямов, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р социол. наук, профессор

А.М. Ганиев, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

М.Н. Грачев, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

О.И. Зазнаев, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета, д-р юрид. наук, профессор

Л.Е. Ильичева, директор программ Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д-р полит. наук, профессор

Г.А. Колобова, и.о. ректора Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ), д-р полит. наук, доцент (председатель Совета)

Ю.Г. Коргунок, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, д-р полит. наук

А.В. Кынев, доцент департамента политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», канд. полит. наук, доцент

Р.Ф. Латыпов, начальник Республиканского центра кадрового тестирования, д-р полит. наук, доцент

Р.Х. Марданов, Премьер-министр Правительства Республики Башкортостан, канд. экон. наук, доцент

В.В. Маркин, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН, д-р социол. наук, профессор

А.Х. Махмутов, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, научный консультант редакции журнала, д-р экон. наук, профессор

А.В. Павроз, доцент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д-р полит. наук, доцент

П.В. Панов, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского Отделения РАН, д-р полит. наук, профессор

О.Б. Подвицнев, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского Отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов, д-р полит. наук, профессор

А.А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономики экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор

А.В. Скиперских, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми, д-р полит. наук, профессор

А.А. Солиев, ректор Финансово-экономического института Таджикистана, канд. экон. наук, доцент

Л.Н. Тимофеева, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

К.Б. Толкачев, председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, профессор

В.И. Трубинков, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-19310, выданное Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал распространяется по подписке на территории Российской Федерации. Подписные индексы в каталоге «Почта России» (Межрегиональное агентство подписки): 11487 – годовая подписка, 24410 – подписка на полугодие.

Экономика и управление: научно-практический журнал

№ 6 (134)

Выходит с 1994 г. 6 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая политика: стратегия и тактика

Р. МИЯНОВ. Россия в глобальной экономике: конкурентоспособность и современные вызовы	4
Р. АХУНОВ, А. ЯНГИРОВ, Ю. ТОКТАМЫШЕВА, А. РАБЦЕВИЧ, А. МУХАМЕТОВА. Проблемы формирования сбалансированного пространства Республики Башкортостан	9
Р. АМИРОВА. Оценка инновационного развития экономики	16
В. ХАСАНОВА, М. КАРИМОВ. Обоснование устойчивого развития Республики Башкортостан	22
М. ВАСИЛЬЕВ. Республиканский центр кадрового тестирования: решение стратегических задач	30

Региональная экономика

Ш. ШАРИПОВ. Энергетическое стратегирование в регионе	34
Е. РОДИНА. Новые инициативы – требование времени	42
Н. РАФИКОВА, А. ХАЗИЕВА. Анализ показателей производства продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота в разрезе зон Республики Башкортостан	45
О. КОМАРЕВИЦЕВА. Новая модель экономики региона: простая программа или путь к развитию?	51

Человек. Экономика. Общество

Р. ГАЛЛЯМОВ. Основные барьеры на пути развития женского предпринимательства в современной России и способы их преодоления	58
---	----

Е. БЕГЛОВА, С. НАСЫРОВА. Безработица молодого поколения как подавляющий фактор человеческого развития	67
Р. МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ, Т. НАДЫРШИН. Религиозные символы в конструировании позитивного имиджа Башкортостана	72
Р. КАРИМОВА, Р. ЯППАРОВА. Сельская бедность в регионе: специфика, причины и пути сокращения	78
И. ДЕМИЧЕВ. Проблема архаизации социокультурной общности: критерии оценки	85

Финансы

Я. ТРОФИМОВА. Дорожные платежи в системе российских налогов и сборов	94
И. ЗУЛЬКАРНАЙ. Одноканальная бюджетная система в экономических реформах Китая 1979–1993 гг.: уроки для России	101

Рецензия

В. ПЕТРОВ. О книге А. Селиванова «Развитие объектов. Наука управления будущим»	107
Аннотации и ключевые слова	109
Содержание журнала за 2016 год	114

Редакционная коллегия

И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора),
Л.А. Исмагилова, С.Н. Лаврентьев, Р.Ф. Латыпов (и.о. главного редактора),
Д.Б. Миннигулова, Б.М. Миркин, Д.Р. Пескова, Г.М. Россинская,
Р.Р. Салахутдинова, Н.З. Солодилова, И.В. Фролова, С.Н. Шкель

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

CONTENTS

Economic Policy: Strategy and Tactics

R. MIYANOV. Russia in the Global Economy: Competitiveness and Current Challenges	4
R. AKHUNOV, A. YANGIROV, Yu. TOKTAMYSHEVA, A. RABTSEVICH, A. MUKHAMETOVA. Problems of Balanced Space of the Republic of Bashkortostan Formation	9
R. AMIROVA. Evaluation of Innovation Development of Economy	16
V. KHASANOVA, M. KARIMOV. Substantiation for Sustainable Development of the Republic of Bashkortostan	22
M. VASILJEV. Republic Center of Personnel Testing: the Strategic Objectives	30

Regional Economy

Sh. SHARIPOV. Energy Strategizing in the Region	34
E. RODINA. New Initiatives – the Requirement of Time	42
N. RAFIKOVA, A. KHAZIEVA. Analysis of Production Growing and Fattening Cattle in the Context of the Republic of Bashkortostan Zones	45
O. KOMAREVTSEVA. New Model of the Regional Economy: a Simple Program or Path to Development?	51

Human Being. Economics. Society

R. GALLYAMOV. The Main Barriers to the Development of Woman's Entrepreneurship in Modern Russia and Ways of Their Overcoming	58
E. BEGLOVA, S. NASYROVA. Unemployment of the Young Generation As the Overwhelming Factor of Human Development	67
R. MUKHAMETZYZANOVA-DUGGAL, T. NADYRSHIN. Religious Symbols in the Construction of a Positive Image of Bashkortostan	72
R. KARIMOVA, R. YAPPAROVA. Rural Poverty in the Region: Specificity, Causes and Ways of Reducing	78
I. DEMICHEV. The Problem of Socio-Cultural Community Archaization: Assessment Criteria	85

Finance

Ya. TROFIMOVA. Traffic Payments in Russian Taxes and Fees System	94
I. ZULKARNAI. Single Channel Budgetary System in the Economic Reforms in China 1979–1993 Years: Lessons for Russia	101

Review

V. PETROV. About A. Selivanov's Book «The Development of Objects. Management Science the Future»	107
Abstracts and Key Words	109
Contents for 2016	114

Россия в глобальной экономике: конкурентоспособность и современные вызовы

Р. МИЯНОВ

Мировая стагнация: реальность и ожидания. Форум лидеров стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) прошел 19–20 ноября в Перу. В качестве главных тем саммита были заявлены следующие: ситуация в мировой экономике, интеграционные процессы на Азиатско-Тихоокеанском пространстве, формирование Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, а также поиск ответов на глобальные угрозы (терроризм, продовольственный кризис, изменение климата и прочее).

Преодолеть последствия глобального кризиса можно только совместными усилиями – с этим утверждением согласились абсолютно все участники форума. Поэтому всем без исключения странам нужно отказаться от идеологии протекционизма в пользу свободной торговли. Данный тезис закреплён в совместном заявлении: мораторий на протекционистские меры с общего согласия продлили до 2020 года. «Мы будем воздерживаться от девальвации и манипулирования обменными курсами в целях повышения конкурентоспособности и противодействовать всем формам протекционизма», – отмечается в документе.

Действительно, торгово-экономическое сотрудничество в мире сильно изменилось за последние 25 лет. До сих пор остается открытым вопрос: почему рост мировой торговли был таким стремительным до кризиса 2008 г. и столь малодинамичным с тех пор?

На этом фоне турбулентность мировой экономики приобрела длительный характер и порождает массу прогнозов и ожиданий.

Согласно экономическому прогнозу **Международного валютного фонда (МВФ)**, темпы роста мировой экономики в 2016 г. составят

3,1%. В развитых экономиках, включая США, темпы роста замедлятся до 1,6 %. Для сравнения: в 2015 г. этот показатель составлял 2,1 %. В следующем году показатель роста мировой экономики должен улучшиться и составить 3,4 %, так как снижение темпов роста развитых экономик компенсируется ростом развивающихся и формирующихся рынков.

Тем не менее, МВФ предупреждает, что «устойчивая стагнация, особенно в развитых экономиках», может подогреть «популистские призывы» к ограничению торговли и иммиграции.

МВФ улучшил прогноз по ВВП России: если в 2016 г. фонд ожидает сокращения ВВП на 0,8 %, то в 2017 г. – роста данного показателя на 1,1 %. В июле МВФ называл менее оптимистичные цифры – -1,2 % в 2016 г. и +1 % в 2017 г.

Учитывая по-прежнему слабый и неустойчивый характер мирового подъема и стоящие перед ним угрозы, МВФ подчеркнул безотлагательную необходимость принятия комплексного, согласованного и координированного подхода к политике для активизации экономического роста, обеспечения его более равномерного распределения и придания ему стойкого характера.

За счет согласованного использования мер денежно-кредитной, налогово-бюджетной и структурной политики – на национальном уровне, последовательно с течением времени и на международном уровне – «целое может стать большим, чем сумма его частей», заключают эксперты МВФ.

Всемирный банк (ВБ) ухудшил прогноз роста мировой экономики на 2016–2018 гг. Прогноз был пересмотрен из-за низких темпов роста развитых экономик, низких цен на

сырьевые товары, слабой глобальной торговли и сокращающихся потоков капитала, отмечается в июньском докладе банка «Глобальные экономические перспективы». Темпы роста мировой экономики – слабые.

Прогноз экономического роста [4; 6]

	Факт 2015г.		Прогнозы			
			МВФ		ВБ	
	МВФ	ВБ	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.
Мировой объем производства	3,2	2,4	3,1	3,4	2,4	2,8
Страны с развитой экономикой	2,1	1,8	1,6	1,8	1,7	1,9
США	2,6	2,4	1,6	2,2	1,9	2,2
Зона евро	2,0	1,6	1,7	1,5	1,6	1,6
Бразилия		-3,8	-0,3	1,4	-4,0	-0,2
Россия*	-3,7	-3,7	-0,8	1,1	-1,2	1,4
Китай	6,9	6,9	6,6	6,2	6,7	6,5
Индия	7,6	7,6	7,6	7,6	7,6	7,7
ЮАР	1,3	1,3	0,1	0,8	0,6	1,1

* В новом «Докладе об экономике России» (ноябрь 2016 года) Всемирный банк в 2016 г. ожидает сокращение экономики России на 0,6 %, в 2017 г. – рост на 1,5 %, в 2018 г. – на 1,7 %.

«В целом глобальная экономика сталкивается с явными рисками затягивания периода слабого роста. Этот мрачный прогноз является базовым в июньской оценке экономики», – отметили представители Всемирного банка.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ожидает рост реального мирового ВВП на текущий год на 2,9 %. На 2017 г. – рост в 3,3%. В 2015 году мировая экономика выросла на 3,1%.

Рост мировой экономики ускорится быстрее, чем ожидалось, в ближайшие месяцы, поскольку избранный президент США планирует снижение налогов и увеличение государственных расходов, что стимулирует экономику страны, прогнозирует ОЭСР.

Прогноз по росту ВВП России в 2017 г. улучшен на 0,3 п.п. – до 0,8 %, говорится в ноябрьском докладе организации. ВВП России в 2016 г., по прогнозу ОЭСР, сократится на 0,8 %. В июньском докладе ОЭСР прогнозировала снижение ВВП РФ на 1,7 % в 2016 году и рост на 0,5 % в 2017 году.

В целом же мировая экономика остается в ловушке низкого роста, где постоянные разочарования в уровне ее роста давят на ожидания роста, что может негативно влиять и на торговлю, и на инвестиции, и на производительность с зарплатами, свидетельствуют эксперты организации.

Экономисты **швейцарского банка Credit Suisse** считают, что в следующем году мировую экономику ждет немало подводных камней и испытаний, но больше всего ей следует опасаться сокращения инвестиций в Китае и возврата в Соединенных Штатах базовой инфляции.

Вместе с тем прошедшие президентские выборы в США привнесли новые прогнозы и ожидания. Одна группа аналитиков уже прогнозирует, что президент Д. Трамп будет угрозой для мировой экономики в целом, а его действия, скорее всего, нанесут больше всего вреда, как минимум в краткосрочной перспективе, экономикам за пределами Америки.

Масштаб и природа этой проблемы зависят от взаимного влияния двух основных элементов экономического популизма Трампа. Во-первых, это шаги по стимулированию совокупного спроса. Трамп предлагает сократить налоги и увеличить государственные расходы на инфраструктуру.

Во-вторых, это торговый протекционизм. Он обещает ввести пошлины на китайский импорт: «Они просто уничтожают нас. Они продолжают девальвировать свою валюту и будут делать это и дальше. Они добьются сильного падения юаня, и это будет разрушительным для нас», – высказался политик. В интервью CNN Трамп также заявил, что «Китай разбогател благодаря Соединенным Штатам, высосав из страны рабочие места».

Он обещает пересмотреть Северо-Американское соглашение о свободной торговле (NAFTA) и другие торговые соглашения, в частности, о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). «Просто представьте, сколько рабочих мест в автомобильной промышленности США будет потеряно, если ТТП будет принято. Это будет катастрофа. Вот почему я сообщил, что мы выйдем из соглашения до того, как оно будет принято», – заявил Трамп. Также он говорил о том, что США может выйти из NAFTA – соглашения о зоне свободной торговли с Мексикой и Канадой, если не будут приняты протекционистские поправки к документу. Так как акцент больше делается на первом элементе (нежели на втором), краткосрочный ущерб американской экономике будет достаточно ограниченным. Но даже в этом случае суммарный эффект президентства Трампа на страны за пределами Америки все равно будет крайне негативным.

Для России победа Дональда Трампа увеличивает шансы на улучшение отношений Москвы и Вашингтона и отмену антироссийских экономических санкций. Вместе с тем российская экономика уже адаптировалась к влиянию западных санкций. «К счастью, наша экономика научилась выживать в различных условиях, в том числе в этих. Поэтому санкции для нас имеют больше символический характер. Ситуация стабилизировалась, хотя говорить о ее кардинальном улучшении пока рано», – заявил В. Путин на совещании по экономическим вопросам с членами правительства.

Глобальная конкурентоспособность России. Хотя российская экономика в 2015 г. сократилась на 3,7 % (и продолжает сжиматься в этом году), Россия вновь улучшила свои позиции в опубликованном рейтинге глобальной конкурентоспособности стран Всемирного экономического форума (ВЭФ) 2016–2017. Россия поднялась на две строчки и теперь занимает 43 место. Рейтинг конкурентоспособности ВЭФ – один из немногих, где Россия последовательно прогрессирует несмотря на экономическую нестабильность и геополитические трения. С 2012 г. (67 место) Россия поднялась на 24 ступени.

Россия показала следующие показатели конкурентоспособности национальных экономик:

1. Качество институтов – 88 место.
2. Инфраструктура – 35 место.
3. Макроэкономическая стабильность – 91 место.
4. Здоровье и начальное образование – 62 место.
5. Высшее образование и профессиональная подготовка – 32 место.
6. Эффективность рынка товаров и услуг – 87 место.
7. Эффективность рынка труда – 49 место.
8. Развитость финансового рынка – 108 место.
9. Технологический уровень – 62 место.
10. Размер внутреннего рынка – 6 место.
11. Конкурентоспособность компаний – 72 место.

12. Инновационный потенциал – 56 место.

Россия получила хорошие оценки по качеству и уровню образования (подъем на 6 позиций), способности к инновациям (подъем на 12 позиций). Высокие оценки Россия получила также по условиям ведения бизнеса.

Однако из-за спада в экономике Россия сильно – до 91 места – опустилась в рейтинге по макроэкономическому индексу. В 2015 г. Россия по значению данного показателя поднялась с 53 на 45 место.

В действующий список лучших по рейтингу стран традиционно вошли Швейцария (занимает первое место уже восьмой год подряд), Сингапур, США, Голландия и Германия. Состав пятерки за год не изменился. Всего в рейтинг WEF вошли 138 стран.

В 2013 г. правительство утвердило «дорожную карту» по созданию международного финансового центра и улучшению инвестиционного климата в России. Одним из контрольных показателей было улучшение позиций в рейтинге глобальной конкурентоспособности ВЭФ: как минимум 45 место к 2015 г., 30 – к 2018 году. В прошлогоднем рейтинге Россия заняла 45 место, выполнив промежуточную задачу.

На повышение конкурентоспособности России в глобальной экономике нацелена и государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (утверждена

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 328), в соответствии с которой предполагалось создание в Российской Федерации конкурентоспособной, устойчивой, структурно сбалансированной промышленности (в структуре отраслей, относящихся к предмету Программы), способной к эффективному саморазвитию на основе интеграции в мировую технологическую среду, разработки и применения передовых промышленных технологий, нацеленной на формирование и освоение новых рынков инновационной продукции, эффективно решающей задачи обеспечения экономического развития и обороноспособности страны.

На усиление позиций России в глобальной экономике, улучшение качественных параметров внешнеэкономической деятельности, повышение вклада внешнеэкономической сферы в решение задач модернизации национального хозяйства нацелена государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 330).

Среди целевых индикаторов и показателей программы отметим следующие:

1. Рейтинг Всемирного банка Doing Business по показателю «Международная торговля», позиция в рейтинге.

2. Темпы роста числа организаций-экспортеров товаров, %, 2011 г. – 100 %.

3. Динамика пропускной способности пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации (нарастающим итогом), %.

4. Доля машин, оборудования и транспортных средств в экспорте товаров, %, в ценах 2011 г.

5. Темпы роста экспорта несырьевых товаров, %, 2011 г. – 100 %.

Россия в рейтинге Doing Business Всемирного банка. «Ведение бизнеса» – глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю создания ими благоприятных условий ведения бизнеса. В рамках проекта оцениваются и отслеживаются изменения нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность местных, прежде всего

малых и средних компаний, на протяжении всего их жизненного цикла – от создания и до ликвидации.

Одна из основополагающих предпосылок исследования заключается в том, что для ведения хозяйственной деятельности требуются качественные правила, которые являются прозрачными и могут использоваться всеми экономическими субъектами.

В нынешнем году первое место по суммарной степени благоприятности условий для предпринимательской деятельности заняла Новая Зеландия, которая сместила на второе место Сингапур, который был лидером рейтинга в течение девяти лет подряд. В первую десятку стран-лидеров также вошли: Дания, Гонконг, Южная Корея, Норвегия, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Швеция и Македония.

Российская Федерация за минувший год поднялась в рейтинге на 11 пунктов – с 51 на 40 место. За минувший год Россия улучшила условия ведения бизнеса лишь по двум из 10 показателей, рассматриваемых в исследовании, хотя еще годом ранее входила в первую пятерку экономик по числу проводимых реформ в области регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые показатели Российской Федерации имеют следующие значения:

1. Простота регистрации бизнеса – 26 место.

2. Простота регистрации прав собственности – 9 место.

3. Обеспечение исполнения контрактов – 12 место.

4. Возможности кредитования – 44 место.

5. По уровню защиты инвесторов – 53 место.

6. По уровню налогообложения – 45 место.

7. По уровню ведения международной торговли – 140 место.

8. По показателю простоты ликвидации предприятий – 51 место.

9. Возможности подключения к системе электроснабжения – 30 место.

10. По показателю простоты получения разрешений на строительство – 115 место.

В соответствии с рейтингом Всемирного банка в России лучше всего обстоят дела с регистрацией собственности (9 место в мире), регистрацией предприятий (26 место), причем по последнему индикатору Россия поднялась на 11 позиций.

Президент России Владимир Путин 12 ноября 2016 г. на заседании президиума Госсовета по мерам по повышению инвестиционной привлекательности в российских субъектах в Ярославле назвал достойным 40 место России в рейтинге Doing Business. Достижение высоких позиций Россией в рейтинге являются одной из задач, прописанных в майских указах президента от 2012 года. Россия должна подняться со 120-й позиции в 2011 г. до 50-й в 2015 году и до 20-й в 2018 г.

На заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 25 ноября 2016 года обсуждались вопросы поддержки несырьевого экспорта и улучшения экологической ситуации в стране. Уже по итогам следующего, 2017 года, Россия должна иметь действующую, эффективную систему поддержки несырьевого экспорта и экологических программ, увидеть реальные результаты ее работы.

Наиболее значимыми и перспективными направлениями развития экспорта, обеспечивающими конкурентоспособность российской экономики, являются:

1. Экспорт сельхозпродукции. По данным Минсельхоза, с начала года Россия поставила за рубеж сельскохозяйственного сырья и продовольствия на \$16,5 млрд (в прошлом году поставки российского продовольствия на внешние рынки превысили \$16,2 млрд. В текущем году, по оценкам экспертов, этот показатель составит около \$17 млрд).

2. Переход предприятий ОПК на выпуск гражданской продукции позволит «...увеличить сбыт российской промышленной продукции, обеспечить широкий выход отечественных предприятий на внешний рынок», – подчеркнул президент.

3. Создание системы господдержки экспортеров. Это, прежде всего, укрепление Российского экспортного центра как ключевого института развития, в том числе через создание его региональной инфраструктуры; расширение

присутствия экспортного центра в приоритетных странах; развитие регуляторной среды бизнеса.

4. Финансовое обеспечение несырьевого экспорта, расширение мер финансовой поддержки экспортеров и др. Президент поручил правительству уделить особое внимание финансовому обеспечению предложений по поддержке несырьевого экспорта. Поддержку получают порядка 7,5 тыс. компаний-экспортеров к концу 2018 г. и не менее 12 тыс. экспортеров к концу 2025 г. Данные показатели сопоставимы с уровнем поддержки экспортными агентствами в развитых странах.

Проблема определения уровня конкурентоспособности национальной экономики и разработки мер его повышения особенно обострилась после того, как мировой финансовый и экономический кризис внес фундаментальные изменения как в динамику развития мировой экономики, так и в экономическое развитие огромного числа стран. Только комплексный подход к этой проблеме, государственное стимулирование и учет накопленного опыта стран в области внедрения стратегий повышения конкурентоспособности способны оказать воздействие на конкурентоспособность России на качественном уровне и способствовать ее повышению в среднесрочный и долгосрочный период.

Литература

1. Вести «Экономика» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/>
2. Всемирная организация кредиторов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.woc-org.com/>
3. Всемирная торговая организация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wto.ru>
4. Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/tca/russian>
5. Всемирный экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <http://weforum.org/>
6. Международный валютный фонд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org>
7. Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru>
8. Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/>

Проблемы формирования сбалансированного пространства Республики Башкортостан

Р. АХУНОВ, А. ЯНГИРОВ,
Ю. ТОКТАМЫШЕВА,
А. РАБЦЕВИЧ, А. МУХАМЕТОВА

В русле современных глобальных и национальных тенденций поляризация в социально-экономическом развитии муниципальных образований Республики Башкортостан неизбежна и объективна. Однако углубляющаяся территориальная дифференциация все в большей степени препятствует динамичному развитию всей республики, что проявляется в отставании от среднероссийских значений по таким показателям, как валовой региональный продукт (ВРП), заработная плата, инвестиции и др.

Оценка сложившейся дифференциации территориального развития Республики Башкортостан. Оценке неоднородности между муниципальными образованиями посвящено значительное количество публикаций (см., например, [3; 5; 6]). Все они представляют собой поиск некоего компромисса между простотой измерения и глубиной отражения межмуниципальной дифференциации.

В дополнение к существующим методам для более адекватного анализа благополучия жителей муниципалитета, прежде всего, со стратегической точки зрения предлагается использовать интегральный показатель, также претендующий на комплексность и включающий в себя: естественный, миграционный

приросты, среднемесячную заработную плату, долю налоговых и неналоговых доходов местного бюджета в общем объеме собственных доходов бюджета муниципального образования [2].

В развитие оценки по предлагаемому интегральному показателю проведено нормирование этих показателей в коэффициенты по методике линейного масштабирования. Методика линейного масштабирования заключается в том, что при расчете каждой из составляющих используются фиксированные стандарты минимального и максимального значений (расстояние между ними), с которыми сравниваются фактические показатели по муниципальному образованию (а именно расстояние между фактическим и минимальным значениями показателя):

$$t_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{i \min}}{x_{i \max} - x_{i \min}}, \quad (1)$$

где i – номер показателя, j – номер муниципального образования, x_{ij} – фактическое значение показателя по муниципальному образованию, $x_{i \min}$ – минимальное значение показателя по всем муниципальным образованиям, $x_{i \max}$ – максимальное значение показателя по всем муниципальным образованиям.

Ахунов Рустем Ринатович, канд. экон. наук, доцент, ДВА, директор Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ)

Янгиров Азат Вазирович, д-р экон. наук, профессор, заместитель директора ИНЭФБ БашГУ по научной работе, заведующий кафедрой «Макроэкономическое развитие и государственное управление» БашГУ. E-mail: jangirovav@list.ru

Токтамышева Юлия Семеновна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Макроэкономическое развитие и государственное управление» ИНЭФБ БашГУ. E-mail: tokt-yuliya@yandex.ru

Рабцевич Андрей Александрович, старший преподаватель кафедры «Макроэкономическое развитие и государственное управление» ИНЭФБ БашГУ

Мухаметова Айгуль Данияровна, ассистент кафедры «Макроэкономическое развитие и государственное управление» ИНЭФБ БашГУ. E-mail: aigulmd@yandex.ru

Затем путем расчета среднеарифметической получен интегральный коэффициент по каждому муниципальному образованию (T_j):

$$T_j = \frac{\sum_{i=1}^n t_{ij}}{n} \quad (2)$$

Значения интегрального показателя T_j находятся в области $[0;1]$. Соответственно, $T_j = 1$ достигается только в том случае, если j -ое муниципальное образование обладает лучшими значениями по всем частным параметрам.

Анализ интегрального показателя в разрезе территорий Республики Башкортостан

показал, что сохраняется достаточно высокая его неравномерность: в 2010 г. разрыв между муниципальными образованиями составлял 5,5 раза, в 2014 г. – уже 10,8 раза.

На основе интегрального показателя получен картографический профиль республики и произведена группировка муниципальных образований на четыре группы в зависимости от значения показателя: высокий уровень; выше среднего; ниже среднего; низкий уровень (рис. 1).

Для группировки муниципальных образований использована следующая шкала интегрального показателя:

Высокий уровень:

$$T_h = \frac{T_{\max} - T_{\text{cp}}}{2} < T_j \leq T_{\max}; \quad (3)$$

Уровень выше среднего:

$$T_{\text{cp}} < T_j \leq T_h; \quad (4)$$

Уровень ниже среднего:

$$T_l = \frac{T_{\text{cp}} - T_{\min}}{2} < T_j \leq T_{\text{cp}}; \quad (5)$$

Низкий уровень:

$$T_{\min} \leq T_j \leq T_l, \quad (6)$$

где $T_{\max}$ – максимальное значение интегрального показателя по всем муниципальным образованиям; T_h – пороговое значение интегрального показателя для высокого уровня; T_{cp} – среднее по муниципальным образованиям значение интегрального показателя; T_l – пороговое значение интегрального показателя для низкого уровня; $T_{\min}$ – минимальное значение интегрального показателя по всем муниципальным образованиям.

Причины дифференциации между муниципальными образованиями. В числе наиболее существенных (табл. 1) причин дифференциации в интегральном показателе можно отметить разрыв по среднемесячной заработной плате (именно заработная плата в сочетании с занятостью в муниципальном образовании в конечном счете выступает одним из главных факторов межмуниципальной миграции [1]), который превышал 2 раза, по налоговым и неналоговым доходам на душу населения – 2,4 раза, по инвестициям в основной капитал на душу населения – 16,1 раза.

Таблица 1

Разрывы в отдельных показателях между муниципальными образованиями Республики Башкортостан в 2014 г., в размах

№	Показатели	2005 г.	2010 г.	2014 г.
1	Плотность населения, чел. на 1 кв. км	785,4	856,4	924,3
2	Среднемесячная заработная плата, руб.	3,3	2,3	2,1
3	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	19,7	24,9	16,2
4	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя кв. м	1,5	2,0	2,2
5	Обеспеченность населения больничными койками в расчете на 10 000 человек населения, ед.	5,8	8,1	8,5
6	Налоговые и неналоговые доходы на душу населения, руб.	–	–	2,5

Источник: расчеты авторов.

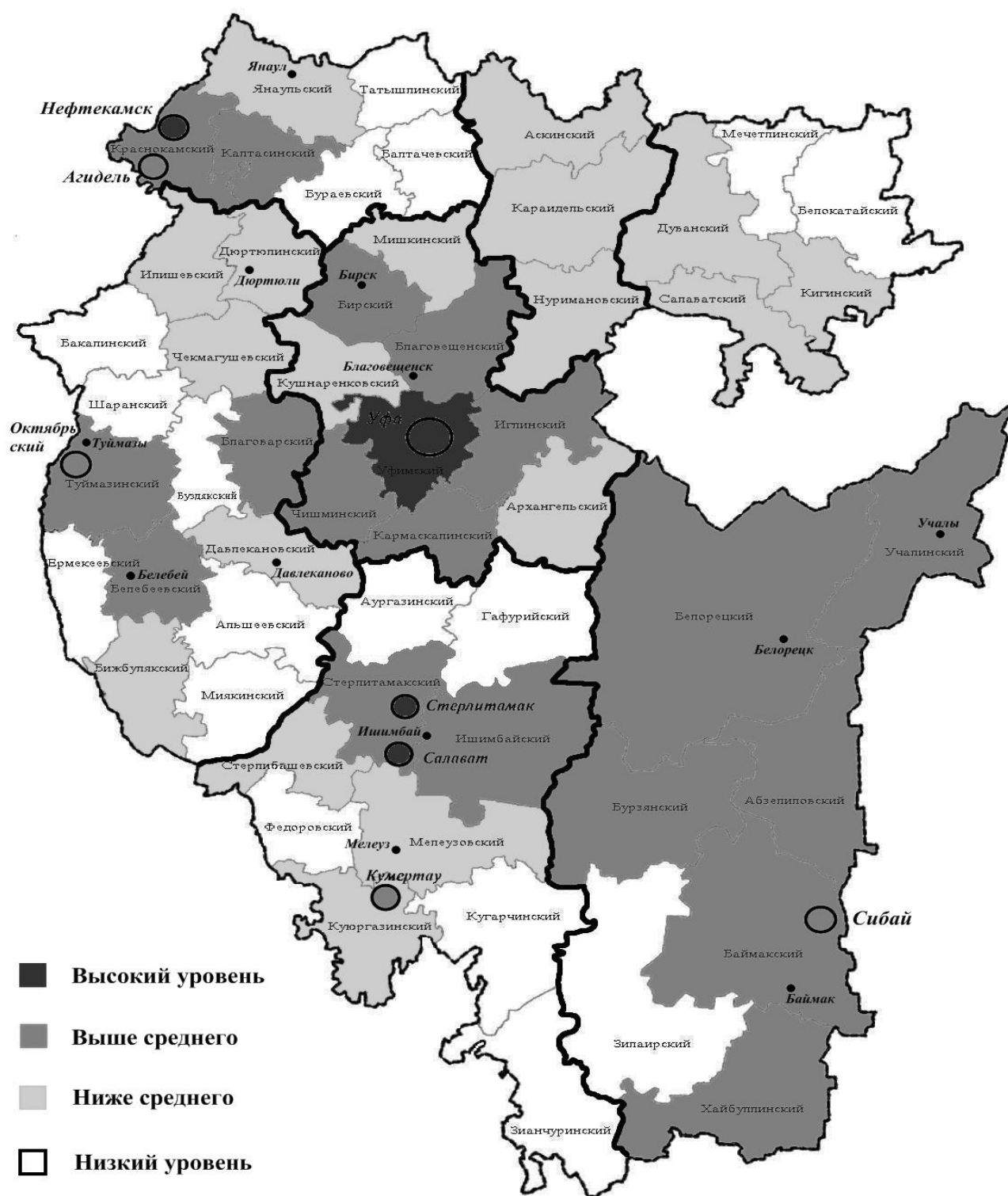

Рис. 1. Интегральный показатель (включающий в себя естественный, миграционный приросты, среднемесячную заработную плату, долю налоговых и неналоговых доходов в общем объеме собственных доходов местного бюджета) в разрезе муниципальных образований Республики Башкортостан в 2014 г.

Источник: расчеты авторов.

Установлено, что территориям Республики Башкортостан приходится развиваться в достаточно сильном конкурентном окружении (см. табл. 2).

Таблица 2

**Республика Башкортостан: макроэкономические показатели
в сравнении с соседними регионами (2014 г.)***

	Республика Башкор- тостан	Пермский край	Свердловская область	Челябинская область	Оренбург- ская область	Респуб- лика Татарстан	Респуб- лика Удмуртия
Численность населения, место среди регионов России	7	18	5	10	24	8	30
ВРП, место среди регионов России	9	14	7	13	19	6	34
Доля в общероссийском ВРП, %	2,1	1,6	2,8	1,7	1,2	2,8	0,7
ВРП на душу населения, место среди регионов РФ	33	21	18	41	22	12	39
ВРП на душу населения, % от среднероссийского уровня	76,1	91,0	95,3	70,5	90,5	107,8	72,2
Инвестиции в основной капитал, место среди регионов России	11	21	7	15	25	5	40
Доля в общероссийском объеме инвестиций в основной капитал, %	2,1	1,4	2,7	1,7	1,1	4,0	0,7
Инвестиции в основной капитал на душу населения, место среди регионов России	36	34	27	42	32	7	54
Инвестиции в основной капитал на душу населения, % от среднероссийского уровня	75,6	76,0	92,3	70,7	81,0	151,9	63,8
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости), место среди регионов России	20	9	6	14	25	8	40
Доля в общероссийских основных фондах (по полной учетной стоимости), %	1,4	1,8	3,2	1,6	1,1	2,3	0,7
Среднедушевые денежные доходы в месяц, место среди регионов России	25	19	13	37	56	16	54

Источник: расчеты авторов.

*Заливкой выделены показатели соседних регионов, которые превосходят значения макроэкономических показателей, характерных для Республики Башкортостан.

Отсюда приграничные муниципальные образования республики демонстрируют ощутимую зависимость в своем развитии от близлежащих регионов-субъектов федерации. Сильное конкурентное окружение приводит к тому, что соседние регионы ввиду своей географической близости «оттягивают» часть ресурсов из Республики Башкортостан.

Анализ динамики изменения численности населения за 2005–2015 гг. позволил определить ряд муниципальных образований, где численность населения ощутимо снижается (рис. 2). В таблице 1 было показано, что стремительно возрастает с 2005 г. разрыв по плотности населения по городам и районам в расчете на 1 кв. км.

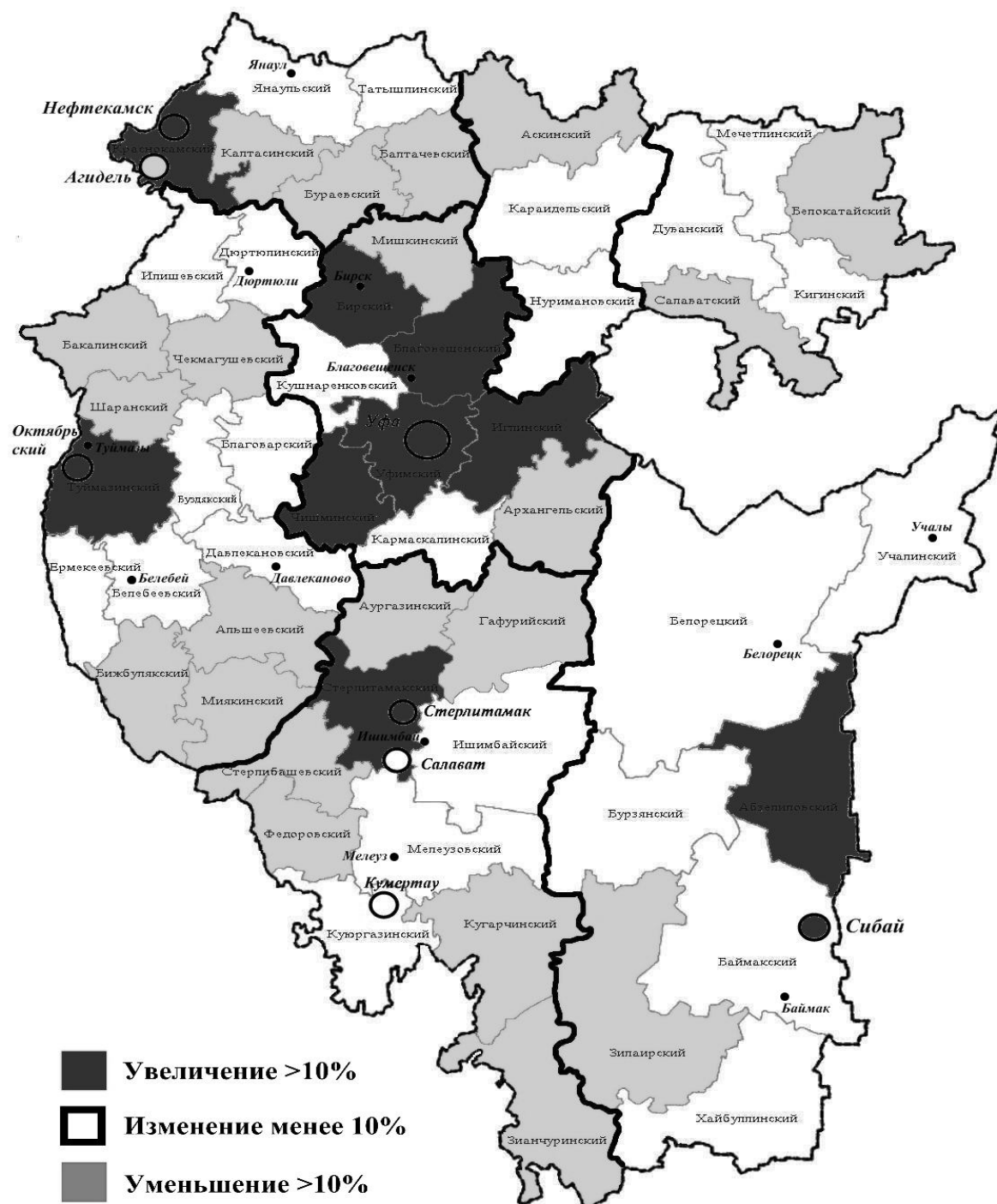

Рис. 2. Изменение численности населения в разрезе муниципальных образований Республики Башкортостан за 2005–2015 гг.

Если предположить, что будет продолжаться реализация сложившихся тенденций в динамике численности населения, то значительно повышается риск фактического «обезлюдения» целых районов республики. Прогноз населения республики по 4 сценариям [4] – базовому, низкому, среднему и высокому – предполагает сокращение населения региона – от 3782 тыс. при низком до 3969 тыс. чел., соответственно, при высоком к 2030 году, а в территориальном разрезе это предполагает концентрацию населения в Уфимской и Южно-Башкортостанской агломерациях.

Установлено, что трассы М5 и М7, обеспечивающие основные потоки перевоза товаров и населения по территории республики, способствуют развитию тех муниципальных образований, по которым эти трассы проходят, – города Октябрьский, Уфа, Туймазинский, Уфимский районы и другие; трансконтинентальный проект маршрута «Шелковый путь», связывающий Китай и Европу, пройдет по наименее развитым муниципальным образованиям республики – это Куяргазинский, Федоровский, Стерлибашевский, Миякинский, Бижбулякский, Ермекеевский районы. В этой связи проект «Шелковый путь» может стать одним из инструментов выравнивания территориального развития республики.

Муниципальные образования, расположенные около развитого города – Уфы (Бирский, Благовещенский, Нурымановский, Иглинский, Уфимский, Кармаскалинский, Чишминский и Кушнаренковский районы), могут составить Уфимскую агломерацию, что обеспечит им конкурентные преимущества по сравнению с другими районами Республики Башкортостан. В то же время такие хорошо развитые города Республики Башкортостан, как Стерлитамак, Салават (способные сформировать Южно-Башкортостанскую агломерацию), не обеспечивают адекватного развития близлежащих к ним территорий: Федоровского, Стерлибашевского, Аургазинского, Стерлитамакского, Ишимбайского, Мелеузовского и других районов. В то же время именно в этих агломерациях и сосредоточена

деловая активность республики (по оценкам авторов статьи, около 70 %).

Крупнейшие предприятия республики (обеспечивающие 60–70 % производства продукции всей экономики региона) оказывают прямое влияние на муниципальные образования, в которых они расположены.

Еще одним фактором, усугубляющим, по нашему мнению, неравномерность территориального развития, является существующая практика территориального управления экономическим развитием в масштабах республики, которая неоправданно сместилась в сторону атомарного подхода, то есть на уровень отдельных муниципальных образований. Подобный подход в условиях наличия 63 муниципальных образований не способствует комплексному развитию Республики Башкортостан и лишь усиливает дезинтеграцию районов и городов.

При сохранении существующей практики управления в перспективе до 2030 г. неравенство будет сохраняться или незначительно снижаться, что будет являться фактором, препятствующим динамичному развитию республики.

Предлагаемый подход к формированию сбалансированного пространства Республики Башкортостан. Проведенный анализ мирового опыта проведения территориальной политики, главным образом в странах Европейского Союза, показывает, что решение находится в плоскости межмуниципального взаимодействия. В этой связи необходим поиск путей интеграции муниципальных образований, межмуниципального сотрудничества и взаимодействия в РБ.

Авторами настоящей статьи предлагается формирование субрегионального подхода к социально-экономическому развитию Республики Башкортостан на основе экономических зон.

Модель заключается в создании управленческого механизма развития муниципальных образований через их взаимодействие в рамках экономических зон (М2М).

Данное решение в сфере стратегического развития отличается от реализуемых в настоящее время тем, что направлено на усиление

интеграции территорий Республики Башкортостан, формирование пространственных конкурентных преимуществ муниципальных образований.

Межмуниципальное взаимодействие (М2М) предлагается реализовать в несколько ступеней вовлечения муниципальных образований в межмуниципальную интеграцию: информационная, интерактивная, программно-проектная и кластерная. Этапами формирования межмуниципального взаимодействия выступают следующие: 1) подготовительный; 2) выявление потенциала взаимодействия; 3) разработка конкретных проектов; 4) организация и координация реализации проектов межмуниципального взаимодействия.

Основными институтами и организационными формами выступают координационные советы и проектные офисы.

Таким образом, сбалансировать пространство Республики Башкортостан возможно через формирование центров развития на базе экономических зон Республики Башкортостан.

Сбалансированность пространственного развития Республики Башкортостан может достигаться на основе системных инструментов развития для муниципальных образований, создания точек роста в пространстве республики, предотвращения отставания территорий с неустойчивым социально-экономическим развитием.

К числу дальнейших шагов развития результатов представленного исследования могут быть отнесены: 1) научно обоснованное прогнозирование численности населения до 2030 г. в разрезе муниципальных образований с учетом половозрастной структуры; 2) уточнение и обоснование выбора экономических зон; 3) поиск стратегических проектов развития этих зон на основе вписывания их в межрегиональные кластеры.

Литература

1. Ахунов Р.Р., Янгиров А.В. Трудовые ресурсы: демографические вызовы и межрегиональная конкуренция // Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / Под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиной, Н.М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015.

2. Ахунов Р.Р., Янгиров А.В., Мухаметова А.Д., Рабцевич А.А., Токтамышева Ю.С. Социально-экономическое районирование территориального развития региона (на примере Республики Башкортостан) // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3. С. 165–177.

3. Ванчикова Е.Н., Корытова Е.В. Оценка пространственной дифференциации муниципальных образований региона по уровню социально-экономического развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2011. № 1. С. 41–47.

4. Галин Р.А., Прудников В.Б., Утяшева И.Б., Шамсутдинова Н.К. Возможные демографические перспективы Республики Башкортостан на период до 2030 г. // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3. С. 204–211.

5. Чернова Т.В. Статистические характеристики дифференциации экономического развития муниципальных образований // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2015. № 1. С. 138–143.

6. Шмидт Ю.Д., Денисенко В.А. Дифференциация и регулирование социально-экономического развития муниципальных образований региона // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2008. № 3. С. 3–14.

Оценка инновационного развития экономики

Р. АМИРОВА

В современных условиях критерии оценки не достаточно полно охватывают процесс инновационного развития. В этой связи необходимо пересмотреть, дополнить существующие критерии, расширив их.

Большой вклад в исследование инноваций внесли такие ученые, как Й. Шумпетер, М.А. Гусаков, И.Г. Дежина, В.Г. Зинов, Б.Н. Кузык, В.Г. Медынский, Ю.П. Морозов, М. Робсон, Б. Санто, Дж. Стейндл, Ш. Тацуно, Ф. Тейлор, Э.А. Уткин, Р.А. Фатхутдинов, С.Ю. Ягудин, в трудах которых исследованы закономерности социально-экономического развития и их динамики.

Научно-методологические и прикладные аспекты анализа и управления инновационными процессами в регионе рассматривались в трудах И.А. Баева, А.А. Куклина, С.В. Кортова, Е.В. Попова, О.А. Романовой, А.Ф. Суховой, А.И. Татаркина, И.Н. Ткаченко и др.

Существует ряд определений инновационного развития. Рассмотрим некоторые из них.

Под инновационным развитием традиционно понимают как продолжение научно-технической революции, но в новых условиях [9, 7], так и разработку и внедрение новых, модернизацию существующих технологий, выпуск инновационных продуктов и услуг, инновации в управлении, которые соответствуют современному мировому уровню [1, 121]. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой инновационное развитие рассматривается как производство инновационной продукции, основанной на инновационных (новых) решениях [6, 129].

Если рассматривать инновационное развитие в ретроспективе, то следует отметить, что во времена Советского Союза приоритет в экономической политике всегда формировался в пользу разработок в научно-технической сфере.

Это отчасти было связано с необходимостью ускорения экономического роста и нежеланием отставать от западных стран по темпам инновационного развития, что обосновывалось также идеологией партийной номенклатуры. В этой связи в СССР была сформирована весьма стойкая инновационная система. Разработки в области фундаментальной и прикладной науки осуществлялись силами Академии наук СССР, которая гибко сочетала в себе элементы академического самоуправления и целеполагание системы государственного управления. Кроме того, существовало большое число НИИ и конструкторских бюро при университетах и крупных производствах, на базе которых преимущественно и осуществлялась апробация различных технических решений.

Однако в современной России развитие инновационного процесса, как на региональном, так и на национальном уровне, происходит нестабильно, нелинейно, с высокими рисками. Не в полной мере отвечает требованиям динамичного развития также степень развития соответствующей инфраструктуры. К примеру, рынок интеллектуальной собственности оказался не способным перераспределять инновации в те области, где они наиболее востребованы. Очевидно, что портал «Банк патентов» с этой задачей не справляется. Представляется рациональным требование прилагать к различным стратегиям федерального и регионального уровня перечень новых разработанных, но не внедренных технологий с расчетом сопоставительной себестоимости аналогичной зарубежной технологии. Эту меру следует внедрять в соответствующих концептуальных документах на региональном уровне, для федеральных разработок – на национальном, а для отраслевых задач необходимы документы, согласующие межрегиональное взаимодействие,

Амирова Регина Ирековна, младший научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: regina.yumakaeva@yandex.ru

что слабо развито в современной экономике России [3, 129]

Инновационные разработки и внедрение различных высоких технологий, как известно, являются основными факторами, формирующими конкурентоспособность продукции на мировом рынке. Критериальным признаком здесь является уровень затрат на НИОКР в ВВП. К примеру, в так называемых новых индустриально развитых странах его рост составил за

период 1991–1997 гг. в Южной Корее и Швеции 1 процентный пункт (п.п.), в Финляндии – 0,7 п.п., в Ирландии – 0,5 п.п., в Дании – 0,3 п.п. В США, где наиболее высокий объем затрат на НИОКР, доля расходов на НИОКР в ВВП выросла на 0,5 п.п. за последние 20 лет и достигла 2,79 % в 1999 г. [9, 15].

В России за период 2000–2014 гг. отмечен относительно устойчивый рост внутренних затрат на исследования и разработки к ВВП (табл. 1).

Таблица 1

**Внутренние затраты на исследования и разработки,
в % к валовому внутреннему продукту [12]**

2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1,05	1,07	1,13	1,09	1,13	1,13	1,19

В дополнение к прочим характеристикам инновационного развития, на наш взгляд, следует добавить рейтинг страны в перечне глобальных индексов инноваций, формируемый Всемирным банком. В таблице 2 представлен рейтинг стран по этому показателю за период 2014–2016 гг.

Таблица 2

Рейтинг стран мира и России по глобальному индексу инноваций за период 2014–2016 гг.

Страна	2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Рейтинг	Индекс	Рейтинг	Индекс	Рейтинг	Индекс
Швейцария	1	64,8	1	68,30	1	66,28
Великобритания	2	62,4	2	62,42	3	61,93
Швеция	3	62,3	3	62,40	2	63,57
Финляндия	4	60,7	6	59,97	5	59,90
Нидерланды	5	60,6	4	61,58	9	58,29
Соединённые Штаты Америки	6	60,1	5	60,10	4	61,40
Сингапур	7	59,2	7	59,36	6	59,16
Дания	8	57,5	10	57,70	8	58,45
Люксембург	9	56,9	9	59,02	12	57,11
Гонконг	10	56,8	11	57,23	14	55,69
Россия	49	39,1	48	39,32	43	38,50

Источник: <http://www.wipo.int/edocs>

Как видно из данных таблицы 2, инновационное развитие в России несколько «набирает обороты». Так, если в 2014 г. она занимала 49 место, то в 2016 г. переместилась на 43 место.

Следует отметить, что глобальный индекс инноваций представляет собой отношение затрат и получаемого эффекта. Как правило, он используется для оценки эффективности усилий

по развитию инновационной деятельности, и увеличение его значения указывает на положительную тенденцию для России в данной сфере [11, 56].

Оценка инновационной активности. На сегодняшний день разработано множество критериев и показателей для оценки инновационного развития региона. Поскольку на практике нет единой общепринятой методики оценки, среди наиболее распространенных ее показателей отметим следующие [5, 19]:

- количество студентов на 10000 человек населения;
- количество исследователей на 10000 человек населения региона;
- удельный вес занятого трудоспособного населения, имеющего высшее образование;
- количество публикаций ученых и исследователей;
- доля организаций, осуществляющих инновации, в общем числе организаций;
- удельный все затрат на НИОКР в ВРП;

– доля внебюджетных средств в затратах на НИОКР;

– производительность труда.

Можно дополнить отмеченные показатели критериями использования интеллектуальной собственности в виде показателей динамики заявок, выдачи патентов и созданных технологий, а также критерием ресурсной обеспеченности науки в виде показателя потенциала воспроизводства кадров высшей квалификации.

Одним из показателей, который наиболее полно характеризует инновационную активность, является динамика патентной активности.

Для анализа качества динамики патентного рынка в России, на наш взгляд, необходимо рассмотреть соотношение заявок на выдачу патентов как патентный потенциал и количество выданных патентов как инновационный потенциал.

Графически соотношение количества поданных заявок и выданных патентов выглядит следующим образом (рис. 1).

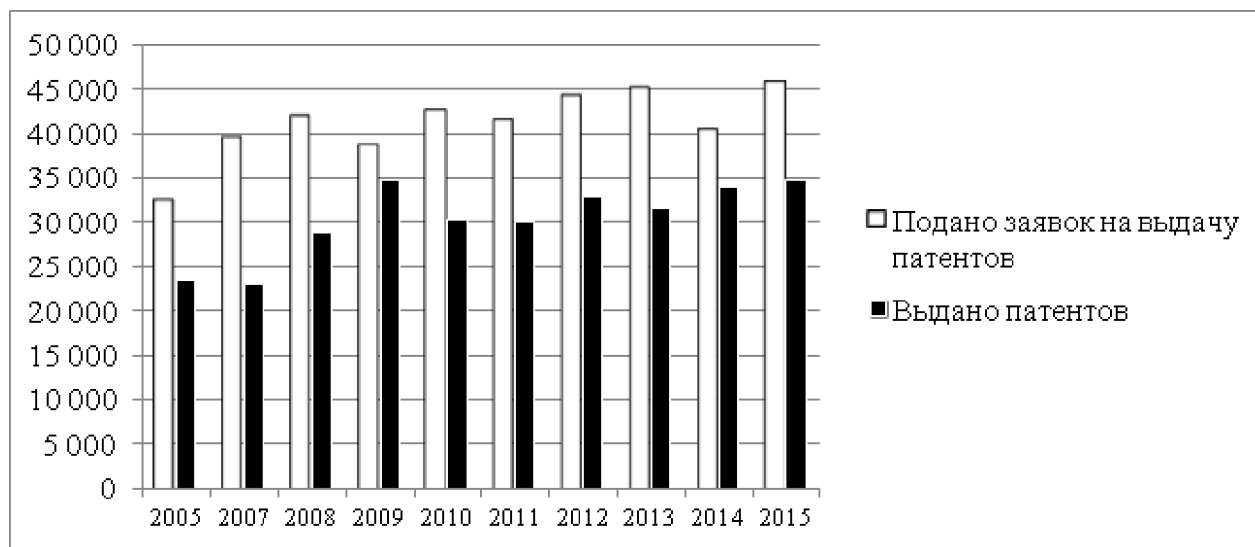

Рис. 1. Динамика поданных заявок и выданных патентов в России [12]

Как видно из рисунка, общее число поданных заявок и выданных патентов растет из года в год, а количество поданных заявок в России существенно превышает количество выданных патентов. Динамика числа разработанных и используемых передовых производственных технологий представлена в таблице 3.

Таблица 3

Созданные и используемые передовые производственные технологии в РФ, единиц [12]

	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Разработанные передовые производственные технологии, всего	637	780	787	789	864	1138	1323	1429	1409	1398
Используемые передовые производственные технологии, всего	140983	180324	184374	201586	203330	191650	191372	193830	204546	218018

Как следует из данных таблицы, число разработанных передовых производственных технологий в РФ за период 2005–2015 гг. возросло с 637 до 1398 единиц (в 2,2 раза). Число используемых передовых производ-

ственных технологий за период 2005–2015 гг. возросло в 1,5 раза.

Рисунок 2 демонстрирует темпы роста по разработанным и используемым передовым производственным технологиям.

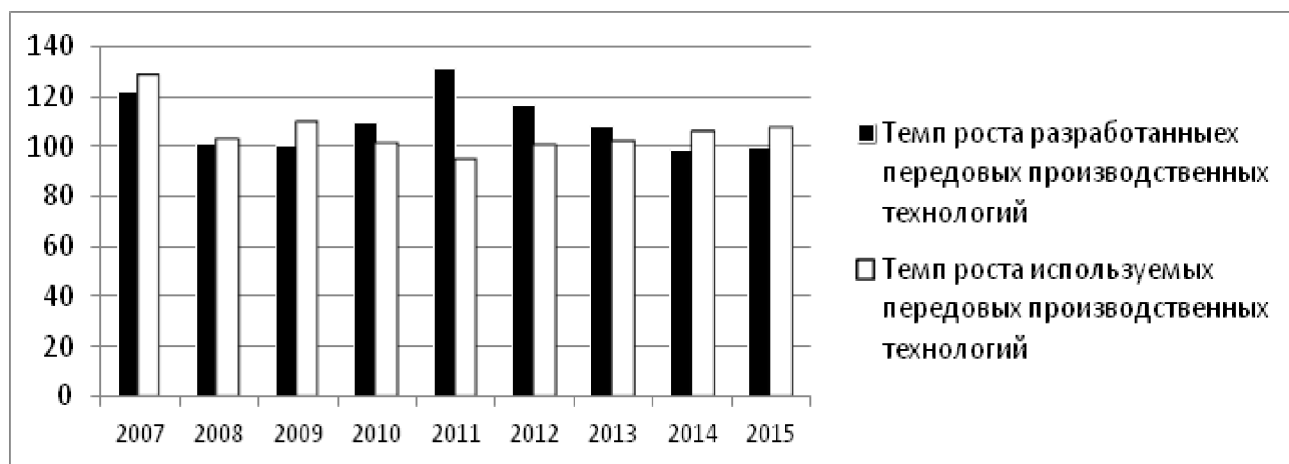

Рис. 2. Темпы роста разработанных и используемых передовых производственных технологий в РФ [12]

Темпы роста по разработанным передовым производственным технологиям имеют скачкообразный характер. Резкие темпы роста были отмечены в 2011 г. Темпы роста по используемым передовым производственным технологиям также неровные: если в 2007 отмечен рост, то в последующие годы наблюдается снижение.

Россия имеет потребность в большом числе высококвалифицированных ученых и специалистов, так как именно они определяют инновационный потенциал региона. Для них главной задачей является не только проведение собственных исследований и разработок, но и освоение лучших достижений в области

западных технологий. Для этого рассмотрим динамику численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками.

Как видно из рисунка 3, существуют заметные диспропорции в структуре персонала, занятого исследованиями и разработками. Численность исследователей начиная с 2000 года значительно уменьшается. Снижается численность вспомогательного и прочего персонала, к которому относятся следующие категории: работники планово-экономических, финансовых и информационных служб, монтажных и ремонтных служб, работников бухгалтерии, отдела кадров, канцелярии.

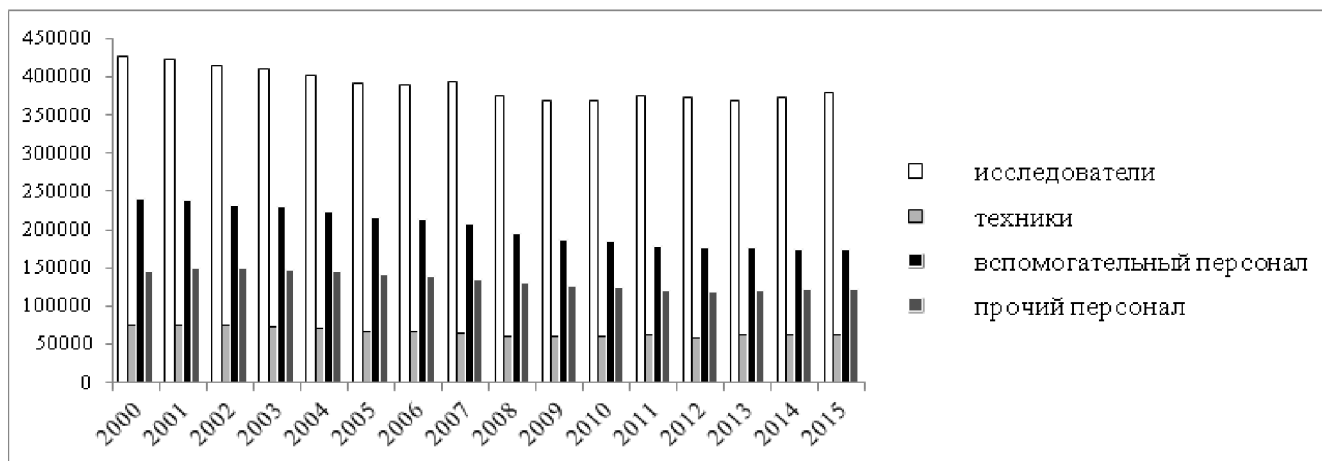

Рис. 3. Динамика численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям, чел. [12]

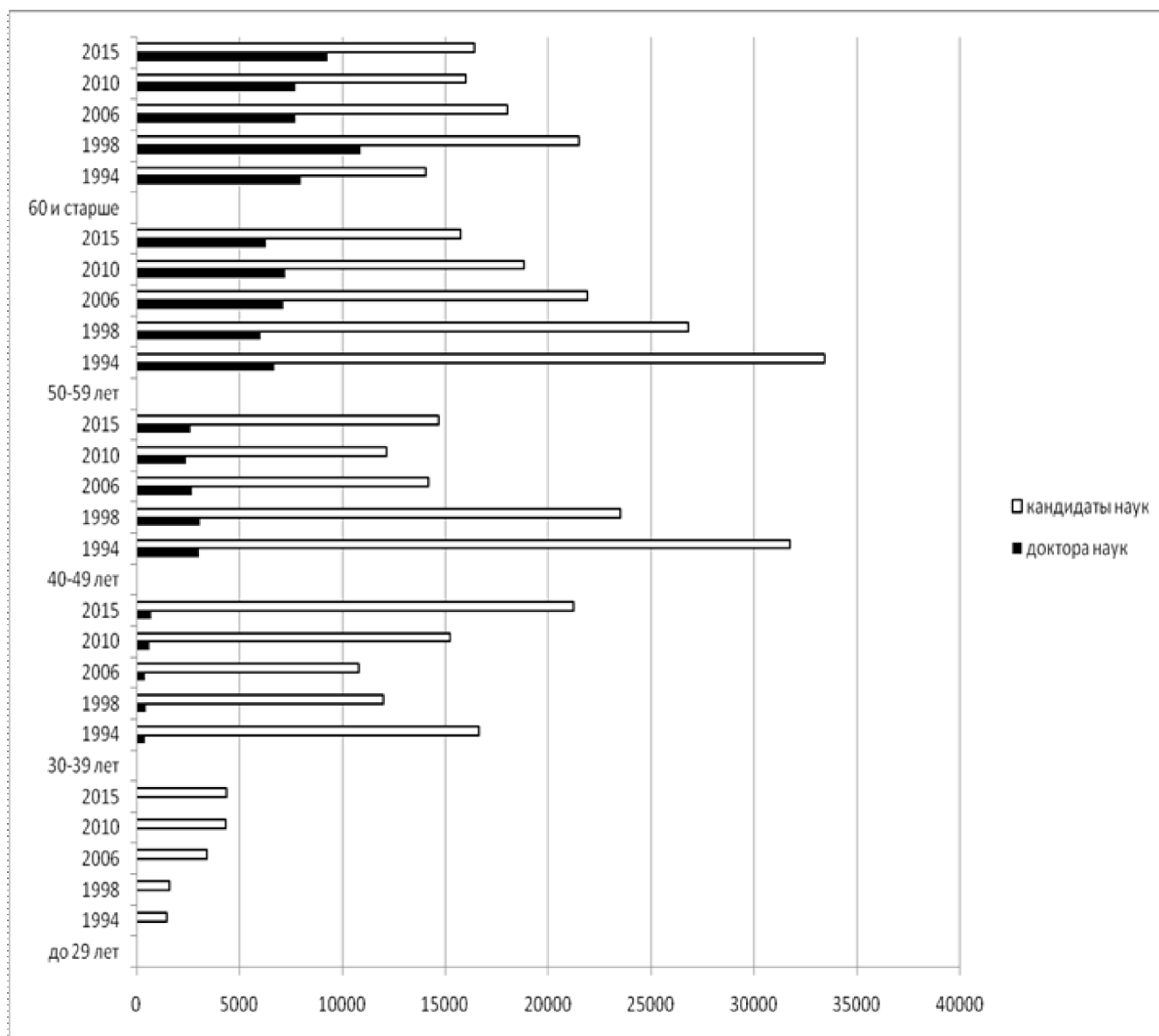

Рис. 4. Исследователи по возрастным группам, чел. [12]

Имеются серьезные проблемы, вызванные старением большей части научных и инженерно-технических кадров и окончанием их трудовой деятельности (рис. 4). Они не могут быть полностью компенсированы из-за длительных сроков подготовки специалистов соответствующего уровня. Происходит максимальное выбытие ресурсной составляющей научного потенциала.

После 2000 г. научный персонал, занятый в сфере инноваций, заметно «постарел», его численность также снизилась.

Данные показывают, что приток молодежи весьма незначителен, а целенаправленная государственная политика поддержания научно-технического потенциала страны отсутствует, происходит «чистое выбытие» научных кадров по возрасту и создаются предпосылки для неуклонного возрастания доли специалистов пенсионного возраста.

В нашей стране ограничены возможности мобильности научных кадров. Все еще актуальным является уход работников научной сферы в другие сферы деятельности или выезд из страны. Следует отметить, что попытки, которые предпринимаются с целью возврата российских ученых, не совсем эффективны, так как отсутствует механизм действенной финансовой поддержки, позволяющей эффективно организовывать и проводить исследования и разработки, а также обеспечивающей ученому уровень материальной обеспеченности, который даст ему возможности сосредоточения всего своего потенциала на основном виде деятельности, исключая «подработки».

Таким образом, из вышеизложенного следует, что показатели использования интеллектуальной собственности (динамика заявок на выдачу патентов, число выданных патентов и динамика созданных технологий), а также показатели потенциала воспроизводства кадров высшей квалификации (возрастной состав в динамике) являются существенно важными с точки зрения оценки как самого уровня инновационного развития в России, так и его потенциала в будущем.

Литература

1. Алтынбаев Р.З. Инновационное развитие регионов [Электронный ресурс]. URL: <http://federalbook.ru/>
2. Багриновский К.А. Современные методы управления технологическим развитием. М.: «Росспэн», 2001. 256 с.
3. Биглова Г.Ф. Некоторые аспекты управления инновационным процессом в экономике на региональном и национальном уровнях // Экономическое возрождение России. 2015. № 4.
4. Биглова Г.Ф. Инструменты оценки инвестиционной привлекательности региона // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2014. № 4.
5. Бортник И.М. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. 2012. № 9.
6. Егорова М.В. Рыночная концепция управления инновационным развитием территории: маркетинговая модель региона // Вестник Казанского технологического университета. 2007. № 5.
7. Иншаков О.В. Институциональность экономического пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 5–21.
8. Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его функционирование. М.: Прогресс, 1976. 760 с.
9. Киселева О.В., Лядова Е.В. Сравнительный анализ инновационной активности в России и за рубежом // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2013. № 4.
10. Матвеева Л.Г. Формирование регионального модуля национальной инновационной системы. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. 361 с.
11. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966.
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://gks.ru/>

Обоснование устойчивого развития Республики Башкортостан

В. ХАСАНОВА, М. КАРИМОВ

В документе ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» отмечается, что к 2030 году необходимо разработать, в дополнение к показателю валового внутреннего продукта, и другие показатели измерения прогресса устойчивого развития, и отражено, что предусматривается продолжение работы, начатой в период действия целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия [4]. Последняя [2] представляет собой «дорожную карту» развития до 2015 г., в которой сформулированы цели развития тысячелетия (ЦРТ) и отражена система индикаторов для оценки эффективности действий по решению социальных проблем и развитию человеческого потенциала в разных странах мира. Существенная особенность ЦРТ состоит в установлении конкретных количественных значений и временного периода контроля достижения поставленных целей.

Концепция «Цели развития тысячелетия +», представляющая собой систему ЦРТ, адаптированную для России, представлена в таблице 1.

Проблеме сокращения бедности уделяется пристальное внимание как одной из приоритетных целей развития. В мировой статистической практике в настоящее время не выработано единого подхода к определению понятия «бедность». Бедность как социально-экономическое явление тесно связана с уровнем экономического развития стран. Каждая страна на различных этапах может использовать разные подходы к определению бедности в зависимости от целей проводимых исследований. В исследованиях, посвященных проблемам бедности и социальной маргинализации, необходимо

выделить работы Евростата по созданию системы показателей для измерения бедности, а также европейский проект, посвященный проблемам бедности и социальной безопасности. Например, возможно использование показателей сокращения бедности, отражающих цели развития тысячелетия (ЦРТ) [29], адаптированные к российским условиям социально-экономического развития (табл. 2).

В качестве черты или границы бедности в России используется величина прожиточного минимума.

Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения (трудоспособное население, пенсионеры, дети) определяется ежеквартально и устанавливается Правительством РБ [12].

Динамика доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Республике Башкортостан представлена в таблице 3.

Тенденция снижения уровня бедности в республике прервалась в 2012 г., когда данный показатель составил 10,3 %, а в последующие годы наблюдается тенденция его увеличения, и он превышает целевой показатель ЦРТ на 0,8 %.

Определение абсолютной бедности не дает возможности в полной мере оценить степень социальной дифференциации. Данная проблема решается путем оценки относительной бедности, которая применяется в экономически развитых европейских странах. Уровень бедности в республике имеет тенденцию к постоянному росту и составил 32 % в 2013 г., что в 3 раза превышает значение показателя бедности по прожиточному минимуму.

Хасанова Венера Нурулловна, канд. экон. наук, доцент кафедры математических методов в экономике Башкирского государственного университета (БашГУ). E-mail: ven60@mail.ru

Каримов Миндияхмет Галимжанович, канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры математических методов в экономике БашГУ. E-mail: karimovmg@rambler.ru

Таблица 1

Цели развития тысячелетия

Цель 1. Сокращение бедности и ликвидация голода	– сократить к 2015 году уровень общей бедности в два раза и ликвидировать экстремальную бедность среди немаргинальных групп населения; – обеспечить бедному населению доступ к продуктам питания.
Цель 2. Обеспечение доступности образования	– вовлечь в процессы образования и социализации социально незащищенные группы населения; – обеспечить доступ к дошкольному образованию детей из малообеспеченных семей и детей, проживающих в сельской местности; – выровнять финансирование и доступность образования между регионами и в пределах регионов; – обновить содержание образования в направлении развития навыков и умений, практического применения знаний; – переориентировать систему профессионального образования на требования современной экономики и рынка труда.
Цель 3. Обеспечение гендерного равенства и улучшения положения женщин	– ликвидировать неравенство между полами в сфере начального и среднего образования, а не позднее чем к 2015 году – на всех уровнях образования; – обеспечить выравнивание возможностей для доступа женщин и мужчин к политическим институтам; – ликвидировать дискриминационную практику в области труда и занятости; – создать систему реальных механизмов предотвращения насилия в отношении женщин; – снизить воздействие неблагоприятных социально-экономических факторов на здоровье и продолжительность жизни, особенно мужчин.
Цели 4 и 5. Снижение материнской смертности и смертности детей до 5 лет	– повысить продолжительность жизни и снизить смертность от основных причин; – повысить ориентацию общества на здоровый образ жизни; – снизить смертность детей до пяти лет хотя бы на 50% в период с 1990 по 2015 год, с 21,5 до 11 на 1000 человек; – снизить материнскую смертность хотя бы на 50% в период с 1990 по 2015 год.
Цель 6. Борьба с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и другими заболеваниями	– остановить распространение ВИЧ/СПИДа и положить начало тенденции к сокращению заболеваемости; – остановить распространение туберкулеза и других социально обусловленных инфекционных заболеваний и значительно сократить заболеваемость ими.
Цель 7. Обеспечение экологической устойчивости	– включить принципы устойчивого развития в страновые стратегии и программы и предотвращать потери природных ресурсов; – обеспечить население чистой питьевой водой; – обеспечить улучшение качества жилищных условий населения.
Цель 8. Участие в глобальном сотрудничестве, отвечающее российским национальным интересам	– содействовать созданию благоприятных международных условий для устранения внутренних препятствий для развития человеческого потенциала и достижения в стране ЦРТ; – оказывать приоритетное содействие решению глобальных проблем, национальные проявления которых являются наиболее чувствительными и болезненными для России; – постепенно наращивать вклад России в международные программы помощи развитию в качестве государства-донора.

Представляется, что в рамках анализа достижения показателей ЦРТ для региона необходимо учитывать перечень индикаторов, которые рекомендованы Международной организацией

труда (МОТ), с позиции «достойного труда» [3]. Важно отметить, что в соответствии с позицией экономического и социального совета ООН концепция «достойный труд» признана новой

глобальной целью, которая должна стать центральным элементом программ, продвигаемых ООН, а для МОТ – достойный труд – самая значимая проблема XXI века. К примеру, основополагающими документами МОТ в 2012–2015 гг. являлись следующие: Доклад МОТ 2013 г. «Устойчивое развитие, достойный труд и зеленые рабочие места»; Доклад Международного бюро труда на Международной конференции труда 2015 г. «Малые и средние предприятия и

создание достойных и продуктивных рабочих мест» и многие другие, содержащие компоненты «Достойный труд».

Всеобъемлющий характер концепции МОТ «достойный труд», предлагающий широкий набор индикаторов – измерителей прогресса в сфере занятости и социально-трудовых отношений является основой для разработки соответствующих стандартов и продвижения их в регионах России. Следует отметить, что на

Таблица 2

Динамика целевых показателей сокращения бедности

Задачи		Показатели прогресса в достижении цели		Целевой показатель	
ЦРТ	ЦРТ для России	ЦРТ	ЦРТ для России	2015 год	2020 год
Задача 1. Сократить к 2015 году в два раза долю населения с доходами ниже 1 долл. США (ППС) в день	Задача 1. Сократить к 2015 году уровень общей бедности в два раза и ликвидировать экстремальную бедность среди немаргинальных групп населения	Доля населения, имеющая ресурсы на текущее потребление 1 дол. в день	Доля населения, имеющая доходы ниже прожиточного минимума, в % от численности населения	10	10
			Доля населения с располагаемыми ресурсами в месяц меньше 50% от величины прожиточного минимума, в % от численности населения	0	0
		Дефицит ресурсов бедных при использовании линии бедности на уровне 1 дол. в день	Доля населения, имеющая доходы ниже 2,15 дол. в день, в % от численности населения	0	0
		Доля потребления 20 % самых бедных в общем объеме потребления	Доля доходов 20 % самых бедных в общем объеме доходов, в % от общего объема доходов	6,1	6,3
Задача 2. Сократить вдвое к 2015 году долю населения, страдающего от голода	Задача 2. Обеспечить бедному населению доступ к продуктам питания	Доля детей младше 5 лет с недостатком веса	Доля детей младше 5 лет с недостатком веса из-за отсутствия средств, в % от численности детей в возрасте до 14 лет	0	0
		Доля населения с уровнем потребления калорий ниже минимального	Доля населения с уровнем потребления калорий ниже 1500 ккал. в день	0	0
			Доля населения с уровнем потребления калорий ниже 2237 ккал. в день	5	0

Таблица 3

Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в процентах от общей численности населения субъекта) [19]

Годы	2011	2012	2013	2014
Республика Башкортостан	12,6	10,3	10,4	10,8
Российская Федерация	12,7	10,7	10,8	11,2

основании рекомендованного МОТ перечня Росстатом в 2013 г. представлена система показателей достойного труда РФ. Следует отметить, что Республика Башкортостан стала первым субъектом Российской Федерации, в которой разработана и действует программа по реализации и продвижению принципов достойного труда. В соответствии с индикатором адекватного заработка и продуктивной занятости Международной организацией труда рекомендовано использование понятия «работающие бедные», характеризующего работников организации, заработная плата которых ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. С 2009 по 2011 гг. в республике наблюдалось увеличение удельного веса численности работников, заработная плата которых ниже величины прожиточного минимума, с 6,9 % до 12,2%, однако в 2013 г. доля работающих бедных снизилась на 5,6 % и составила 6,6 % [7].

На достижение ЦРТ «Обеспечение доступности образования» направлена республиканская целевая программа «Развитие системы дошкольного образования в Республике Башкортостан», которая предусматривает, что к 2017 г. степень охвата услугами дошкольного образования детей в возрасте от 1 до 3 лет составит 66 %, от 3 до 7 лет – 100% [23].

Введение инклюзивного образования на всех уровнях обеспечивается реализацией республиканской целевой программы «Доступная среда» на 2011 – 2015 годы [14].

На обеспечение доступности качественного профессионального образования, соответствующего требованиям инновационного социально-экономического развития Республики Башкортостан, направлена «Программа модернизации системы профессионального образования Республики Башкортостан на 2011–2015 годы» [15].

На формирование современной структуры рабочей силы, соответствующей потребностям рынка труда республики и укреплению его взаимосвязи с рынком образовательных услуг, направлен план мероприятий по развитию системы профессиональной ориентации обучающихся и молодых граждан в Республике Башкортостан на 2013–2015 годы («дорожная карта») [13].

В рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [24] и плана мероприятий «дорожной карты» [13] создаются «многофункциональные центры прикладных квалификаций» [8].

Достижение показателей ЦРТ «Снижение материнской смертности и смертности детей до 5 лет» в республике обеспечивается реализацией мероприятий программы «Охрана здоровья матери и ребенка» [9], направленной на внедрение медико-экономических стандартов при оказании медицинской помощи беременным, новорожденным, детям и подросткам.

В регионе отмечается благоприятная демографическая ситуация: с 2008 по 2013 г. в республике на 53,6 % снизились показатели материнской смертности (с 11,0 до 5,1 случая на 100 тыс. детей, родившихся живыми).

Показатель младенческой смертности в 2008 г. составил 9,4 случая на 1000 родившихся живыми. В 2013 г., с учетом перехода на новые критерии регистрации живорожденности, этот показатель составил 7,7 случая на 1000 родившихся живыми, что значительно ниже целевых показателей ЦРТ (11 случаев на 1000 чел.).

Одним из наиболее важных целевых установок ЦРТ является «Доля населения с уровнем потребления калорий ниже минимального». Комплекс мероприятий по обеспечению здорового питания и его профилактической роли сформулирован в «Основах государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 года» [18].

В республике предполагается сосредоточить усилия на мероприятиях, формирующих мотивацию к здоровому питанию на индивидуальном и популяционном уровне через федеральный консультативно-диагностический центр «Здоровое питание», через сеть консультативно-диагностических центров здорового питания в федеральных округах, через центры здоровья, кабинеты/отделения медицинской профилактики поликлиник, стационаров, санаторно-курортных учреждений.

Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г.

№ 593н [16] установлены рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным «требованиям здорового питания» [18]. Рациональные нормы соответствуют «Нормам физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации» [6] и представляют собой усредненную величину (расчеты произведены на душу населения) необходимого объема поступления пищевых и биологически активных веществ, обеспечивающих оптимальную реализацию физиолого-биохимических процессов в организме человека.

Химический состав и энергетическая ценность минимального набора продуктов питания для основных социально-демографических групп населения в Республике Башкортостан по зонам, сформированным в зависимости от факторов, влияющих на особенности потребления продуктов питания, представлен в таблице 4.

Минимальный набор продуктов питания для основных социально-демографических групп населения в Республике Башкортостан соответствует рекомендуемому показателю ЦРТ «Доля населения с уровнем потребления калорий ниже 2237 ккал. в день».

Достижение ЦРТ «Обеспечение экологической устойчивости» осуществляется путем реализации экологической политики государства. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [5] определены главные цели экологической политики государства, в частности, значительное улучшение экологических условий жизни человека, формирование сбалансированной, экологически ориентированной модели развития экономики и экологически конкурентоспособных производств.

В рамках стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года [22] сформирована и последовательно реализуется республиканская политика в области экологии, направленная на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов [25].

В рамках защиты жизни и здоровья населения от отрицательного воздействия, обуслов-

ленного загрязнением окружающей среды, в республике принят Экологический Кодекс Республики Башкортостан. [30]

Законодательно регламентируется экологическое предпринимательство для реализации природоохранных мероприятий и экологической безопасности республики [17].

Республиканская целевая программа [21] предусматривает улучшение качества жизни населения республики [26; 27; 28; 29] за счет сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды.

Стимулирование экономного использования водных ресурсов, а также охраны водных объектов определено в Водном кодексе Республики Башкортостан [1].

На снижение отрицательных воздействий от захоронения отходов направлена республиканская целевая программа «Совершенствование системы управления твердыми бытовыми отходами в Республике Башкортостан» на 2011–2020 годы [20].

Вопросы обращения с отходами также отражены в «Дорожной карте» – проекте Постановления Правительства РБ «Об утверждении Плана мероприятий “Развитие конкуренции (улучшение предпринимательского климата) в Республике Башкортостан”» [11].

Экологическая эффективность республиканской целевой программы [21] достигается за счет восстановления и сохранения лесных, водных, биологических ресурсов, природных ландшафтов, плодородия лесных почв и сельхозугодий, сохранения биологического разнообразия, уменьшения ущерба природе и сохранения здоровья населения.

Цели и показатели устойчивого развития для РБ представлены в таблице 5.

Аналитическое исследование показало, что система индикаторов «Цели развития тысячелетия» ООН и «Цели в области устойчивого развития» обеспечивают сбалансированность трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического и может служить основой для мониторинга и обоснования программы мероприятий, направленную на повышение и стабилизацию уровня устойчивости регионов.

Таблица 4

Химический состав и энергетическая ценность минимального набора продуктов питания для основных социально-демографических групп населения в Республике Башкортостан

	Трудоспособное население	Пенсионеры	Дети
Белки (г в сутки)	86	73	72
Жиры (г в сутки)	83	69	69
Углеводы (г в сутки)	359	294	281
Энергетическая ценность (ккал)	2532	2100	2049

Таблица 5

Цели и показатели ЦУР и ЦРТ

Цели ЦУР и ЦРТ	Показатели прогресса в достижении цели	Фактическое значение показателя 2012г.	Целевое значение показателя 2020 г.
Цель 1. ЦРТ. Сокращение бедности и ликвидация голода Цель 1.ЦУР. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах	Доля населения, имеющая доходы ниже прожиточного минимума, в % от численности населения	10,3	10,0
Цель 2. ЦУР. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства	Рациональные объемы производства сельхозпродукции Республики Башкортостан в расчете на душу населения	Физиологическая норма потребления на душу населения, кг/год	Минимально необходимое количество продукции для личного потребления населения по физиологическим нормам на 4070,5 тыс. чел. (тыс. тонн/млн шт.)
	1.Хлебные продукты (в пересчете на муку)	110	447,8
	2.Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	78	317,5
	3.Молоко и молочные продукты	390	1 587,5
	4.Яйца (штук)	291	1 184,5 млн. шт.
	5.Рыба и рыбопродукты	23,3	94,8
	6.Сахар	39	158,7
	7.Картофель	117	476,2
	8.Овощи и бахчевые	139	565,8
Цель 6. ЦУР. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех	Рациональное использование водных ресурсов	Фактическое водопотребление (2008 г.), тыс. м3/сут.	Прогнозируемое водопотребление на 2020г., тыс.м3/сут
		Питьевая вода	Техническая вода
		669,3	1009,0
			Питьевая вода
			1043,0
			1390,0
Цель 7. ЦРТ. Обеспечение экологической устойчивости Цель ЦУР 15. Рациональное природопользование и прекращение процесса утраты биоразнообразия	Регулирование качества окружающей среды		
	1. Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферный воздух веществ в общем количестве, отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников, %	54,50	56,10
	2.Выбросы загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, по отношению к 2007 г., %	99,07	98,97
	3.Доля использованных и обезвреженных отходов производства и потребления от общего количества образующихся отходов I-IV классов опасности, %	24,50	28,50
	4.Объем образованных отходов I-IV класса опасности по отношению к 2007 году, %	203, 0	186,30
	Биологическое разнообразие РБ		
	5. Доля территории, занятая особо охраняемыми природными территориями федерального, регионального и местного значения (в общей площади РБ), %	7,2	7,5
	6. Доля территории, занятая особо охраняемыми природными территориями регионального и местного значения, %	4,4	4,7
	7. Доля редких и исчезающих видов растений и животных, в отношении которых проводится работа по обновлению данных в соответствующих кадастрах, в общем числе соответствующих видов, занесенных в Красную книгу РБ, %	30	100
Цель 7. ЦУР. Обеспечение общего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех	Показатель энергоёмкости ВРП	49,3	38,3
Цель 8. ЦУР. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех	Валовый региональный продукт, млрд. руб./% к общероссийскому уровню	Фактическое значение показателя 2014 г.	Целевое значение показателя 2020 г.
		1154,1/2,3	1254,5/2,5

Литература

1. Водный Кодекс Республики Башкортостан (с изм., внесенными Законом РБ от 05.10.2004 № 112-з) [Электронный ресурс]. URL: <http://lawsrf.ru/region/documents/858391/>
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
3. Достойный труд в Республике Башкортостан на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravitelstvorb.ru/>
4. Итоговый документ саммита Организации Объединенных Наций «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (с изменениями от 8 августа 2009 г. № 1121-р) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94365/>
6. Методические рекомендации МР 2.3.1.2432-08 «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 18 декабря 2008 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/2168105/> <http://base.garant.ru/2168105/>
7. Министерство труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mintrudrb.ru/>
8. Письмо Министерства образования и науки РФ от 17 июня 2013 г. № АК-921/06 «О методических рекомендациях» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70403900/#block_10000#ixzz3HWUG8mDc
9. Постановление Правительства РБ от 30.04.2013 № 183 (ред. от 31.12.2014) «Об утверждении государственной программы Республики Башкортостан «Развитие здравоохранения» Подпрограмма «Охрана здоровья матери и ребенка» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW140;n=99570>
10. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 17 октября 2012 г. № 374 «О республиканской целевой программе “Развитие водохозяйственного комплекса Республики Башкортостан в 2013–2020 годах” с изм. от 27 мая 2013 г. № 211» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/17747643/#ixzz30QdmxEv2>
11. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 18 декабря 2013 г. № 598 «Об утверждении Плана мероприятий (“дорожной карты”) “Развитие конкуренции (улучшение предпринимательского климата) в Республике Башкортостан”» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/17763242/>
12. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 ноября 2014 г. № 521 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Республике Башкортостан в среднем за месяц III квартала 2014 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi>
13. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 22 августа 2013 г. № 379 «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) по развитию системы профессиональной ориентации обучающихся и молодых граждан в Республике Башкортостан на 2013–2015 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/17749868/>
14. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 28 апреля 2011 года № 130 «Об утверждении республиканской целевой программы “доступная среда” на 2011–2015 годы» (в ред. Постановлений Правительства РБ от 26.08.2011 № 301, от 24.11.2011 № 427) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW140;n=82634;dst=100122/>
15. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 8 июля 2011 г. № 231 «Об

утверждении подпрограммы “Комплексная программа модернизации системы профессионального образования Республики Башкортостан на 2011–2015 годы”» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/17733484/>

16. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/12179471/#block_1000

17. Проект закона о государственной поддержке предпринимательской деятельности, осуществляемого в целях охраны окружающей среды [Электронный ресурс]. URL: www.mprfb.ru

18. Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2010 № 1873-р «Об основах государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106196/abb337778165250dae206cad6dc91e21308f022/

19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm

20. Республиканская целевая программа «Совершенствование системы управления твердыми бытовыми отходами в Республике Башкортостан» на 2011–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/17747643/#ixzz30QdmxEv2>

21. Республиканская целевая программа «Экология и природные ресурсы Республики Башкортостан (на 2004–2010 годы и период до 2015 года)» (с изм. на 22 мая 2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/17747643/#ixzz30QdmxEv2>

22. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года, одобренная Постановлением Правительства

Республики Башкортостан от 30 сентября 2009 г. № 370 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=391634>

23. Указ Президента Республики Башкортостан от 20 марта 2008 г. № УП-92 «Развитие системы дошкольного образования в Республике Башкортостан на 2008–2012 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/reqbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW140;n=82634;dst=100122/>

24. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70170946/#ixzz3HWT1n8Pw>

25. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/okrsred/#info>

26. Хасанова В.Н. Анализ качества жизни на основе индикаторов Международной организации труда // Казанская наука. 2013. № 11. С. 160–164.

27. Хасанова В.Н., Шапкин М.Ю. Методологические проблемы оценки качества рабочей силы // Экономические науки. 2010. № 3. С. 176–180.

28. Хасанова В.Н., Шапкин М.Ю. Система показателей качества и уровня жизни населения: методологический аспект // Вестник Института экономики РАН. 2011. № 1. С. 201–213.

29. Хасанова В.Н., Каримов М.Г. Модель индикаторов устойчивого развития региона (на примере Республики Башкортостан): монография. Уфа: Изд-во «Аэтерна». 2015. 234 с.

30. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010. 152 с.

31. Экологический Кодекс Республики Башкортостан от 28 октября 1992 года № ВС-13/28 (с изм. на 4 марта 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/17700017/>

Республиканский центр кадрового тестирования: решение стратегических задач

М. ВАСИЛЬЕВ

Вопрос реализации реформы государственной гражданской службы является актуальной проблемой, стоящей перед государственными органами субъектов Российской Федерации. Один из аспектов данной проблематики заключается в поиске модели формирования института независимой кадровой оценки для государственных органов России. Так, федеральной программой «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» рекомендовано «повысить на основе разработки и использования научно обоснованных методик объективность оценки профессиональных знаний и навыков граждан при проведении конкурсов на замещение вакантных должностей и на включение в кадровый резерв, а государственных служащих – при проведении указанных конкурсов, аттестации, квалификационных экзаменов».

Программа актуализировала задачу формирования центров оценки кадров в системе органов государственной власти России и в регионах. В субъектах Российской Федерации были избраны различные модели реализации данной задачи. В ряде регионов и органах местного самоуправления эти функции возложены на сотрудников Управлений по вопросам кадровой политики. Например, в Правительстве Пензенской области, администрациях таких городов, как Казань, Тюмень, Уфа, кадровое тестирование граждан, участвующих в конкурсах на замещение вакантных должностей государственной гражданской и муниципальной службы, осуществляют сами чиновники кадровых департаментов. Условно обозначим ее как

модель № 1. Однако при реализации данной модели возникает вполне обоснованный вопрос об объективности такой оценки, так как в этом случае субъект, осуществляющий оценку, и субъект принятия кадрового решения совпадают, что лишает кадровую оценку независимости и легитимности в общественном мнении.

Модель № 2 предусматривает передачу функций кадрового тестирования региональным ресурсным центрам, имеющим правовую форму государственных унитарных предприятий. В качестве примеров можно привести ресурсный центр Правительства города федерального значения Санкт-Петербург, Правительств Самарской области, Томской области. В рамках данной модели объединяются функции подготовки и оценки кадров.

Модель № 3 предусматривает создание независимого центра кадровой оценки при органе управления государственной службой государства. При этом данная государственная организация не должна входить в структуру государственного органа, а его сотрудники – иметь статус государственных служащих. В частности, подобный центр оценки кадров функционирует при Управлении по вопросам государственной службы Администрации Президента США [2], а также в Республике Казахстан. Вместе с тем данную модель сложно реализовать на уровне субъекта Российской Федерации по причине более высокой нагрузки на региональный бюджет, так как это потребует создания и финансирования самостоятельной организации с юридическим лицом и собственной бухгалтерией.

Васильев Михаил Иванович, депутат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, магистрант кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: gs.slv@mail.ru

Потенциальная «модель № 4» предусматривает передачу функции кадрового тестирования в аутсорсинг коммерческому HR-агентству. Существует точка зрения, согласно которой передача функции кадрового тестирования частному бизнесу снижает коррупционные риски процедуры кадровой оценки и повышает ее качество. Как свидетельствует мировая практика, передача любых государственных функций в аутсорсинг бизнесу снимает риск коррупции, но порождает риск коммерческого подкупа (субъектом коррупционных отношений выступает частный сектор).

В Республике Башкортостан была реализована «модель № 5». Ее особенность — создание независимого центра кадровой оценки государственных и муниципальных служащих на базе Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. На сегодняшний день такая модель реализована на федеральном уровне в формате факультета оценки и развития управленческих кадров РАНХиГС, в структуру которого входит Центр кадровых технологий, центр карьерного сопровождения государственных служащих, лаборатория диагностики и оценки руководителей. Данная правовая форма имеет целый ряд неоспоримых преимуществ перед моделями №№ 1, 2, 3, 4. К их числу относятся следующие.

1. Бюджетная эффективность проекта. Функционирование центра кадровой оценки в формате бюджетного учреждения (ресурсного центра) обходится региональным бюджетам от 15 млн рублей в год (Правительство Томской области) до 75 млн в год (Правительство г. Санкт-Петербург). Функционирование Республиканского центра кадрового тестирования (РЦКТ) на базе Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ) осуществляется за счет государственной преференции в сумме около 2 млн рублей. Как показывает сравнительный анализ тарифов на проведение тестирования, себестоимость оценки в РЦКТ составляет в

2016 г. от 2000 рублей для должностей категорий «обеспечивающие специалисты», «специалисты» до 2700 рублей для категории «руководители», тогда как аналогичные услуги на HR-рынке оцениваются в 4–6 тыс. руб.

2. Кадровая эффективность проекта. Концепция создания РЦКТ предусматривала его функционирование на основе минимального административного аппарата. Реализация целого ряда значимых функций РЦКТ осуществляется не по линейно-функциональному, а проектному принципу, методом формирования временных экспертных групп (эд-хок команд). Создание РЦКТ на базе БАГСУ позволило использовать кадровый потенциал вуза в реализации проектов.

3. Информационная безопасность персональных данных граждан, так как БАГСУ имеет хорошо организованную систему документооборота и защиты информации.

Время показало, что принятое Главой республики решение, которое опередило свое время, было эффективным. 11 августа 2016 г. Президентом России В.В. Путиным был подписан Указ «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы» [6], в соответствии с которым субъектам Российской Федерации предписывалось «обеспечить участие ведущих образовательных и научных организаций в научно-методическом сопровождении выполнения плана мероприятий» развития государственной службы. На наш взгляд, наиболее успешная реализация его положений возможна именно на основе реализации проектного принципа работы.

Одноименное Распоряжение Правительства Российской Федерации определило тактику реализации положений Указа. Согласно 12 пункту Распоряжения регионам рекомендуется «создать условия для повышения компьютерной грамотности, необходимой для исполнения должностных обязанностей гражданами служащими» [7]. Для достижения этой цели предполагается «организовать проведение

тестирования компьютерной грамотности гражданских служащих в соответствии с утвержденными рекомендациями о составе квалификационных требований к их компьютерной грамотности». В РЦКТ тесты по основам информационных технологий включены в программу тестирования государственных гражданских служащих начиная с 1 сентября 2015 года. В настоящее время тестирование на компьютерную грамотность в РЦКТ прошли более 1000 граждан, участвующих в конкурсе на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Республики Башкортостан.

Распоряжение Правительства рекомендует «внедрять новые подходы к профессиональному развитию гражданских служащих» [7], в том числе использовать дистанционные технологии при реализации мероприятий профессионального развития государственных служащих. В 2016 году в РЦКТ успешно внедрены технологии дистанционного тестирования граждан, замещающих должности государственной гражданской службы и муниципальной службы Республики Башкортостан. В частности, в мае 2016 года профессиональное тестирование в дистанционном формате прошли граждане России, проживающие в г. Москве, в рамках проведения кадрового конкурса на замещение вакантной должности в аппарате Полномочного представительства Республики Башкортостан при Президенте Российской Федерации. Было осуществлено дистанционное личностно-психологическое тестирование 143 муниципальных служащих администраций городов и районов Республики Башкортостан.

Одновременно с этим Указ Президента Российской Федерации актуализирует новые задачи, которые требуют участия РЦКТ. В этой связи стратегическими задачами Республиканского центра кадрового тестирования в 2017–2017 гг. будут являться:

1. Разработка тестов и кейсов на знание российского законодательства о противодействии коррупции, как того требует пункт 14 Распоряжения Правительства Российской Феде-

рации [7]. Данный тест целесообразно использовать при проведении аттестации государственных гражданских и муниципальных служащих Республики Башкортостан. Необходимо ввести в практику работы кадровых служб выборочные проверки государственных гражданских служащих, замещающих коррупционно опасные должности на полиграфе (детекторе лжи). Для осуществления подобных проверок РЦКТ располагает оборудованным кабинетом, спецтехникой и обученными кадрами.

2. Указ Президента РФ и Распоряжение Правительства РФ ставят перед органами государственной власти регионов задачу разработки и внедрения целого пакета инновационных кадровых технологий, в том числе методики нормирования численности гражданских служащих; справочника квалификационных требований к специальностям для замещения государственной гражданской службы. Для решения этой задачи целесообразно реорганизовать структуру и персональный состав Экспертного совета РЦКТ. Согласно действующему Положению об РЦКТ его высшим управленческим звеном выступает Экспертный совет [3], который возглавляет заместитель Руководителя Администрации Главы Республики Башкортостан по кадрам. Его заместителями являются начальник Управления Главы Республики Башкортостан по вопросам государственной службы и кадровой политике и ректор БАГСУ, постоянными членами – деканы факультетов БАГСУ. Изначально Совет создавался в целях проведения собеседований с гражданами, претендующими на включение в резерв управленческих кадров. Назревшая реорганизация его состава должна заключаться в расширении состава совета за счет кооптации наиболее опытных и эффективных руководителей кадровых служб министерств и ведомств, органов местного самоуправления, а также ветеранов государственной службы. Основопологающая идея данного начинания заключается в формировании пула экспертов для разработки инновационных кадровых технологий,

независимой оценки выдвинутых предложений, а также их адаптации к управленческой среде республики. Таким образом, речь идет о функциональной модернизации экспертного совета до уровня Центра интеллектуальной поддержки принятия управленческих решений в сфере государственной кадровой политики по аналогу «мозговых центров» США и ЕС [1].

3. На протяжении четырех лет развитие РЦКТ осуществлялось в русле тенденции к усложнению тестовых программ, а также увеличения числа граждан, получивших услуги, оказываемые РЦКТ. Это актуализирует необходимость оборудования специализированного компьютерного класса РЦКТ. В настоящее время кадровое тестирование осуществляется синхронно в двух небольших компьютерных классах БАГСУ, что требует участия двух консультантов из числа сотрудников центра, а также согласования графика тестирования с учебным процессом Академии. Создание единого специализированного кабинета кадрового тестирования на 25 компьютеров позволит не только повысить пропускную способность и оперативность работы РЦКТ, но и высвободит часть персонала для решения стратегических задач развития.

Модель Республиканского центра кадрового тестирования доказала свою высокую эффективность. На наш взгляд, ключевой фактор подобной эффективности заключается в принципах проектного управления, положенного в ее основу, что подтверждает идею Президента России В.В. Путина о том, что «проектное управление является одним из ключевых инструментов эффективного управления в органах государственной власти». В связи с этим можно с уверенностью прогнозировать, что РЦКТ станет важным инструментом в решении задач по реформированию государственной гражданской службы, сформулированных в Указе Президента России № 403 от 11 августа 2016 г.

Литература

1. Диксон П. Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004. 505 с.
2. Лобанов В.В. Работа с высшим административным персоналом в США и других зарубежных странах. М.: РАГС, 2006. 230 с.
3. Положение о Республиканском центре кадрового тестирования. 2013 // Текущий архив РЦКТ.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1919-р от 12 сентября 2016 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы».
5. Указ Президента Российской Федерации № 261 от 10.03.2009 «О федеральной программе “Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)”» // Российская газета. 2009. 11 марта.
6. Указ Президента Российской Федерации № 403 от 11 августа 2016 г. «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. 15 августа. № 33. ст. 5165.
7. Указ Президента РФ № 1156 от 10.08.2012 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 261 “О федеральной программе “Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)” и в федеральную программу, утвержденную этим Указом”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. 13 августа. № 33. ст. 4633.

Энергетическое стратегирование в регионе

Ш. ШАРИПОВ

В условиях современной действительности энергетическая сфера России требует полной мобилизации созидательных управленческих сил, перехода к проектному управлению, внедрения новейших технологических решений, наращивания мощностей и создания энергетических хабов на прорывных направлениях. Эти же задачи актуальны и для нашего региона, где благодаря труду нескольких поколений ученых, инженеров, специалистов и рабочих сложился мощный нефтехимический инновационный территориальный кластер, базой которого выступают развитая индустриальная и научно-образовательная инфраструктура, высокопрофессиональные кадры.

И хотя на данный момент сфера энергетики Башкортостана в основном является сбалансированной, надо смотреть на перспективу, готовиться к работе в условиях увеличивающейся потребности региона в электрической и тепловой энергии. Для этого крайне важно обеспечить разумный баланс интересов основных акторов в энергетическом пространстве республики – «Роснефти», «Газпрома», «Интер РАО» и других серьезных компаний, задействовать сферы машиностроения, науки, в том числе вузовской.

Вместе с тем необходимо признать, что в настоящее время на региональном уровне последовательная парадигма управления энергетическими проектами отсутствует, что не позволяет мобилизовать весь энергетический потенциал и трансформировать его в ресурс инновационного развития региона.

Ожидаемое появление на федеральном уровне «Энергетической стратегии развития России до 2035 года» (далее – ЭС-2035) нацелено на выработку системы мер, направленных на удовлетворение потребностей экономики и населения страны в электрической энергии по

доступным конкурентоспособным ценам, обеспечивающим окупаемость инвестиций, инвестиционно-инновационное обновление отраслей промышленности, на обеспечение высокой энергетической, экономической и экологической эффективности производства, транспорта, распределения и использования электроэнергии.

В то же время эта Стратегия, как и любая другая отраслевая стратегия, являет собой «фламанский документ», содержащий систему целевых ориентиров, направлений, механизмов реализации, возможных сценариев из области стратегического менеджмента. Оказывая значительное влияние на формирование инвестиционных программ нефтегазовых отраслей и ключевых энергетических компаний, задавая широкий спектр их приоритетов и ориентиров, Стратегия априори не закладывает технические регламенты – генеральные схемы развития многопрофильных энергетических отраслей, распределения объектов энергетики, финансовые объемы и не предполагает реализацию лоббистских интересов и т.д.

В основу проекта ЭС-2035 заложена модель перехода от ресурсной глобализации к моделям инновационно-регионального энергетического самообеспечения. В этом контексте ее ожидаемым стратегическим эффектом, по мнению П.Г. Лахно, будет являться «создание инновационного и эффективного энергетического сектора страны для обеспечения устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения и содействия в укреплении внешнеэкономических позиций» [2, 364].

Поэтому, на наш взгляд, принятие ЭС-2035 до завершения цикла реализации действующей стратегии методологически вполне обоснованно, поскольку эпоха относительной глобальной энергетической стабильности «канула в

лету». Политикам, топ-менеджерам, аналитикам и экспертам клубов и других институциональных структур предстоит работать в условиях глубокой трансформации общего энергетического пространства под воздействием комплекса геоэкономических и геополитических факторов. Нахождение Россией и ее регионами в таких сложных условиях конструктивных моделей своего энергетического будущего напрямую зависит от последовательных действий, умелого отстаивания своих национальных позиций и интересов на внешних рынках.

Методология управления энергетическими процессами в условиях индустриально развитого региона требует применения системного подхода, который является научно-концептуальной платформой для определения и реализации приоритетов дальнейшей модернизации отрасли. Применительно к содержательной стороне нашего исследования представляет интерес трактовка В.Л. Квинта, обоснованно считающего, что «стратегия – это результат системного анализа среды, существующих прогнозов будущих условий на основе стратегического мышления, глубоких знаний и интуиции. Конечным продуктом этого анализа является формализованная стратегия, сочетающая предшествующие ей новый прогноз, миссию, видение, приоритеты и долгосрочные цели и задачи с детальным сценарием, требующим осуществление через реализацию стратегического плана с использованием системы стратегического мониторинга его законопослушной реализации. Стратегия – это путеводитель к выверенным приоритетам и целям через хаос будущего и неизвестного. Это мудрость, умноженная на точно выработанный вектор атаки с оценкой ресурсной ограниченности» [1, 242].

В отношении газового сегмента энергетической сферы необходимо отметить, что обозначение собственных приоритетов и формирование стратегических планов требует непосредственного вертикально-горизонтального взаимодействия с группой компаний, входящих в юрисдикцию «Газпрома», другими энергетическими и промышленно-производственными комплексами и управленческими офисами транснациональных корпораций, органами

государственного федерального и регионального управления. Для этого требуется обязательный учет программно-целевых ориентиров, инновационных программ развития, детально просчитанного определения «точек роста» привлечения инвесторов.

«Газпром» в рамках своих планов («Стратегии развития компании до 2025 года» и «Программы инновационного развития до 2020 года») продолжит укрепление своих позиций на внутреннем энергетическом рынке, уделяя внимание уже в самое ближайшее время его энергосервисному компоненту. Однако для того, чтобы масштабированные планы компании тесно коррелировались с интересами российских регионов, таких как Башкортостан, принципиально важным является выстраивание не просто договорных отношений с правительственными структурами, но и эффективно работающих механизмов программно-целевого управления.

В настоящее время в республике ведется разработка Стратегии социально-экономического развития республики до 2030 года. Представляется целесообразным, чтобы этот масштабный план действий, предусматривающий переход экономики и других сфер жизнедеятельности региона на новые рубежи развития, включал раздел развития энергетики на 15-летний период. При этом целевые ориентиры, индикаторы и параметры функционирования энергетической отрасли должны быть разработаны с перспективой выхода на (долгосрочный) промышленно-энергетический форсайт. Без сопряжения этих составляющих невозможно повысить производительность региональной экономики и коэффициент валового регионального продукта Башкортостана.

Сегодня реестр республиканских программ включает в себя порядка 20 целевых отраслевых программ, носящих статус государственных или ведомственных и, как правило, представляющих собой идеологический концепт, подкрепляемый перечнем мероприятий, в основном требующих бюджетного финансирования и нацеленных на реализацию интересов конкретного министерства. При этом для ускорения темпов импортозамещения востребовано принятие пакета программ, ориентированных

на развитие различных отраслей и совмещенных с федеральными проектами и «дорожными картами» промышленных корпораций.

На наш взгляд, назрела необходимость изменения сложившегося подхода, что обусловлено, во-первых, ограниченностью возможностей государственного финансирования и оптимизацией бюджетных расходов, во-вторых, расширением направлений деятельности крупных промышленных компаний (в первую очередь энергетического профиля), деятельность которых должна соотноситься с экономическими планами региона.

Содержательно блок действующих региональных программ необходимо дополнить конкретной Программой развития энергетики региона с сегментацией по видам и генерируемым мощностям как необходимого инструмента реализации общей Стратегии социально-экономического развития. Отсутствие подобного правового регулятора не позволяет обеспечить синергию и концентрацию всего его потенциала на прорывных направлениях, наносит большой ущерб промышленно-индустриальному развитию республики, а также приводит к большей экспансии энергетических компаний из соседних регионов, рассматривающих Башкортостан как новый рынок энергосбыта и энергосервиса, продвижения своей линейки технической продукции.

Актуальной повесткой дня становится развитие энергетики Башкортостана как отрасли, определяющей и обеспечивающей инвестиционные и инновационные процессы в регионе.

Актуальность проблемы старения генерирующего оборудования региона, снижения его эффективности и конкурентоспособности на рынке электроэнергии и мощности вынуждают регион задаться вопросом: как дальше энергокомпании планируют поддерживать надежность оборудования и повышать его эффективность, за счет каких импортозамещающих резервов будут замещены мощности, выводимые из эксплуатации? Как процесс вывода генерирующего оборудования из эксплуатации будет оказывать влияние на развитие систем электрической генерации?

Восполнение этих пробелов на примере газового сегмента позволит на деле синхронизировать государственные приоритеты региона

с «Генеральной схемой газоснабжения и газификации Республики Башкортостан на период до 2030 года» и реализацию приоритетных инвестиционных проектов.

Принятие региональной программы развития энергетики отвечает требованиям Правительства Российской Федерации, постановлениями которого регулируются правила и подходы к их разработке и реализации. Надо отметить, что наличие подобной программы на республиканском уровне, включающей в себя внутриотраслевые сегменты по видам генерации продукта – нефтехимический, газовый, электроэнергетический, из возобновляемых источников (ветровой, солнечной, гидроэлектроэнергии и т.д.), станет определенным гарантом получения федеральной и региональной субсидиарной поддержки, координации совместной деятельности в энергетической сфере.

На наш взгляд, вышеназванная укрупненная отраслевая программа в части развития газового сегмента должна содержать комплекс следующих региональных подпрограмм с развернутыми в последующем изложении характеристиками:

- подпрограмма развития распределенной энергетики;
- подпрограмма развития энергетического машиностроения в Башкортостане (региональной газотурбинной энергетики);
- подпрограмма по стимулированию потребления газомоторного топлива.

Для Башкортостана как региона с высоко развитой экономикой и достойным качеством жизни дальнейшее развитие нефтегазового комплекса связано с параллельным формированием распределенной системы генерирующих мощностей. Потребность в этом не гипотетическая, а самая что ни на есть реальная – подтверждением тому является ситуация в сфере электроэнергетики в Зауралье и теплоснабжения г. Кумертау.

Следует отметить, что в Зауралье ключевым фактором спроса на «независимые» источники энергии является высокий рост стоимости сетевой электроэнергии, что стало следствием роста цен на топливо для электростанций. Существующих мощностей не хватает для

обеспечения электроэнергией в полном объеме, не говоря уже о перспективном развитии этого субрегиона. Поэтому приходится приобретать данный ресурс у соседних регионов. Обеспечение энергетикой инфраструктуры комплексного освоения территорий может стать одним из приоритетов «Газпрома». Одним из вариантов решения проблемы могло бы стать строительство объектов распределенной (малой) энергетики.

Необходимость интенсификации развития экономики Зауралья, привлечения инвесторов для реализации перспективных индустриальных проектов требует разработки подпрограммы развития распределенной энергетики республики, одним из приоритетов которой должно стать развертывание промышленного производства малых генерирующих комплексов-объектов комбинированной выработки электрической и тепловой энергии установленной мощностью до 25 МВт (включая тепловую мощность), работающих на газе. Именно за счет ресурса регионализации потенциал сферы применения газа как энергетического продукта будет только возрастать. Несомненно, для этого потребуются создание новой газовой инфраструктуры распределенной энергетики с учетом сформировавшегося непрерывного спроса на энергоресурсы. В этом плане особое значение приобретает использование мощного потенциала Канчуринско-Мусинского подземного хранилища газа, особенно в плане строительства на его базе завода по сжижению природного газа.

При этом максимальное приближение электрогенераторов к потребителям электричества позволит значительно сократить потери электроэнергии за счет отказа от ее транспортировки. Такой подход также ведет к уменьшению числа и протяженности линий электропередач, которые необходимо построить. В перспективе техническое «перевооружение» линеек оборудования позволит достичь максимального эффекта от эксплуатации энергетических объектов, обеспечить переход к так называемой «умной (smart)» энергетике и существенному снижению затрат. В конечном итоге это даст потребителю возможность не только получать необходимую тепловую и электрическую энергию для собственных нужд,

но и передавать часть не востребовавшей энергии в общие сети. В целом развитие «smart-энергетики» является чрезвычайно перспективным, и в ближайшем будущем распределенные системы приведут к значительной трансформации баланса и структуры общей энергетики.

В этом аспекте следует отметить, что преодоление санкционного прессинга в отношении России с помощью применения инструментов политики импортозамещения, на наш взгляд, должно предполагать непрерывное совершенствование технологических компетенций с опорой на региональные центры инновационного развития отечественного промышленного комплекса. В этом плане республике под силу решение этой задачи на базе имеющихся производственных мощностей таких предприятий, как УМПО и АО «Уфа-АвиаГаз». Доработанный до необходимых стандартов уфимский двигатель АЛ-31СТ мог бы стать ключевым элементом эффективной реализации этой подпрограммы, которая сама может претендовать на статус приоритетного инновационного проекта. Это пример стопроцентного замещения импорта высокотехнологичным отечественным продуктом.

На наш взгляд, строительство газотурбинных электростанций малой мощности с их локализацией в энергодефицитных населенных пунктах и на вводимых промышленных площадках, организация совместных центров энергосервисных компетенций является наиболее востребованным направлением распределенной энергетики нашего региона. Разработка новых типов газотурбинных установок (ГТУ), растущие темпы спроса на газ по сравнению с другими видами топлива вследствие его высоких практических и экологических характеристик, заявляемые планы промышленных потребителей по созданию собственных мощностей обуславливают интерес именно к этому направлению распределенной энергетики.

Использование подобных установок приводит к значительной экономии топлива и финансов, является главным аргументом в межтопливной конкуренции и преимуществом в углеводородном ценообразовании. По оценкам экспертов, использование когенерационных

установок (КГУ) позволит снизить затраты на производство энергии на 40 %, что приобретает большое значение в условиях возросших финансовых рисков и сокращения инвестиций в строительство объектов большой энергетики.

Сопряженные действия позволят сформировать энергетические потоки, достаточные для поэтапного выравнивания валового продукта на душу населения по территориям Башкортостана. При этом для генерации энергии для удаленных производственных комплексов предлагается ориентироваться как на малые генерирующие комплексы-объекты комбинированной выработки электрической и тепловой энергии установленной мощностью до 25 МВт, так и на альтернативные источники энергии.

Наше видение согласуется с ожидаемыми результатами госпрограммы страны «Энергоэффективность и развитие энергетики» – «обновление производственной базы электроэнергетики на базе отечественных (или лицензионных) передовых энергетических технологий с увеличением таких электростанций в структуре генерирующих мощностей и ввод более 14000 МВт новых тепловых электростанций».

Надо отметить, что одной из острейших проблем устойчивого развития мировой экономики и качества жизни народонаселения является необходимость снижения антропогенного воздействия на окружающую среду. Башкортостан – это не только развитая промышленная индустрия и «большая химия», но и прекрасная природа, и они фактически граничат друг с другом. В республике развиваются туристско-рекреационные кластеры, санаторное дело, есть заповедники и национальные парки, создан биорезерват международного значения – «Башкирский Урал». Поэтому для всех нас очень важно, чтобы риски негативного воздействия на экологию сводились к минимуму. В этом отношении природный газ имеет огромные преимущества перед другими энергоресурсами. В частности, удельные показатели на единицу энергии по выбросам CO_2 у газа в 1,8 раза ниже, чем по газойлю и дизелю, а в сравнении с углем – более чем в 2 раза.

Логика реализации подпрограммы региональной газотурбинной энергетики в части

создания регионального энергомашиностроения могла бы быть следующей. В республике нарабатан инновационный потенциал (интеллектуальные и инновационные ресурсы, производительные силы и компетенции) для создания пилотной станции собственной разработки силами представленных в регионе предприятий. Создание и успешная эксплуатация ГТУ собственной разработки, адаптивных к имеющимся газораспределительным и магистральным сетям, создает дополнительные преимущества, позволяющие эффективно реализовать их в конкурентной среде, особенно в условиях «захода» в регион энергетических компаний других регионов.

В итоге уже после создания всего одной пилотной станции возможно начало продвижения подпрограммы развития энергомашиностроения в Башкортостане, и ее продукт – набор инновационных решений на базе газотурбинной генерации. Причем вопрос, на наш взгляд, следует рассматривать не только в региональных границах, но выходить на рынки энергодефицитных субъектов Российской Федерации, а также зарубежных стран.

Реализация указанных выше подходов, несомненно, будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию республики, позволит в целом консолидировать потенциал энергетического машиностроения группы отечественных компаний – ОДК, УМПО, Уфа-АвиаГаз для выполнения генерального заказа «Газпрома». Подобное интегративное взаимодействие позволит обеспечить загрузку эксплуатируемых «Газпром трансгаз Уфа» распределительных газопроводов высокого давления и газораспределительных станций (ГРС), а значит, повысит их эффективность, что в свою очередь приведет к притоку инвестиций и росту регионального валового продукта.

Для всех компаний, действующих на внутренних региональных энергетических рынках, общими типологическими подходами являются следующие позиции:

- модернизация рынка энергосервисных услуг;
- доступные технологии реализации энергосервисных контрактов;

– критерии принятия решения об участии инвестора в энергосервисном контракте;

– практический опыт реализации энергосервисных контрактов на территории республики.

В качестве основной альтернативы нефтяным топливам на первый план выходит продвижение на региональные рынки компримированного природного газа (КПГ). Безусловно, существуют факторы, сдерживающие динамику спроса на ГМТ, но есть и серьезный противовес – набор эффективных мер по их преодолению. В настоящее время компанией «Газпром трансгаз Уфа» ведется подготовка собственного проекта прогноза спроса на ключевые моторные топлива в привязке к реалиям социально-экономического развития Республики Башкортостан, с учетом сценариев переключения на ГМТ основных потребителей. При разработке и продвижении реализации региональной подпрограммы по стимулированию потребления газомоторного топлива, с заинтересованным участием органов государственной и муниципальной власти, крупных унитарных предприятий и промышленных корпораций, социально ориентированных заказов выявлен огромный потенциал бесперебойного увеличения спроса на газ на внутреннем рынке региона. Кроме того, представляется перспективным выход на тиражирование опыта в других субъектах Российской Федерации. Например, переоборудование под газ автомобилей в рамках программ «Школьный автобус» и «Скорая помощь» открывает большие перспективы для реализации муниципального заказа по строительству автомобильных газовых наполнительных компрессорных станций (АГНКС).

Следует подчеркнуть, что сегодня в наших силах обеспечить полное энергетическое обслуживание транспортных коридоров, проходящих через территорию Башкортостана, включая в ближайшей перспективе энергообеспечение отрезка международной транспортной магистрали «Шелковый путь» с возможностью встраивания в него коридора для транспортировки продукции высокого передела, находящегося в зоне территориального притяжения «Газпром нефтехим Салават», строительство разветвленной сети АГНКС, газовых хабов и

объектов распределенной энергетики по координатам реализации инвестиционных проектов.

Сегодня в Республике Башкортостан сложился единый нефтехимический инновационный территориальный кластер, однако для его успешного функционирования и развития не хватает должного взаимодействия, координации и согласованности действий основных акторов, совместного поиска, выработки общих правил и управленческих решений, коллегиального обсуждения инвестиционных проектов. На наш взгляд, имеется необходимость в расширении межотраслевых компетенций этого кластера за счет газового сегмента и, соответственно, обозначения его как «нефтегазохимического».

Достижение генеральной цели – обеспечение всеобщего доступа к современным и максимально эффективным энергетическим услугам на территории Республики Башкортостан с выходом на достижение целевых индикаторов – требует выработки механизмов их совместного решения. Энергетическая инфраструктура становится все более сложной и взаимосвязанной. Согласованные и сопряженные действия могут снизить общие затраты и привести к более высокой производительности даже в условиях конкурентной среды. Действующие в регионе энергетические и машиностроительные компании должны выступать партнерами, в том числе в вопросе укрепления инвестиционного потенциала республики, разделять общую ответственность за развитие энергетической инфраструктуры городов и районов республики.

Поэтому ближайшей совмещенной целью органов управления государственной власти и крупных энергетических компаний может стать воссоздание Координационного Совета топливно-энергетического комплекса Республики Башкортостан. Подобный орган существовал ранее достаточно долгое время, когда основные активы собственности нефтехимических комплексов принадлежали государству. Сейчас приоритеты меняются, актуализируются задачи импортозамещения, реализации приоритетных инвестиционных проектов, усиления энергетического развития территорий, повышения

социальной ответственности, что требует восстановления этой основы на современной экономической платформе с обновившейся повесткой дня.

Следует отметить, что этот Совет мог бы стать крупнейшим в регионе интеграционным межотраслевым объединением, постоянно действующей диалоговой площадкой для взаимодействия и обмена мнениями между всеми участниками не только нефтегазовой отрасли, но и других промышленных комплексов и инвестиционных центров Башкортостана.

Координационный Совет мог бы также представлять деловые интересы предприятий и организаций энергетического комплекса во взаимоотношениях с Правительством республики и другими органами государственного управления, содействовать обеспечению координации отраслевых и межотраслевых стратегий промышленно-энергетического развития на республиканском уровне. Ожидаемыми результатами его деятельности стали бы эффективное моделирование энергетических систем в рамках мультиагентного подхода, преодоление энергодефицитности отдельных территорий республики с достижением ее энергетической сбалансированности и самодостаточности.

Кроме того, Координационный Совет ТЭК республики в условиях реализации межрегиональной (международной) стратегии «Region to region» мог бы войти в качестве региональной составляющей в Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества. В этом аспекте включение представителей Совета в состав официальных делегаций и сторон переговоров на встречах с инвесторами может стать в определенной степени гарантией успешной реализации перспективных проектов с участием иностранного капитала в нашей республике. Отсюда возникает целесообразность создания в каждой энергетической корпорации офис-группы проектного управления, деятельность которой была бы нацелена на разработку алгоритма подготовки и управления реализацией инвестиционными проектами, взаимодействием на экспертном уровне с другими профильными корпорациями, подготовку аналитических материалов и управленческих решений.

Еще раз подчеркнем, что каждая идея динамичного развития энергетики в современном мире требует серьезного обсуждения в серьезных экспертных сообществах, независимо от демонстрации «флага», что позволит находить взаимовыгодные компромиссы и избегать обострения противоречий в геополитическом поле. Так, продвижению евро-азиатского диалога послужит взаимодействие клубов (ассоциаций) «Уфа–ШОС» (на этапе создания), «Клуб Ниццы – Энергия и геополитика», «KAZENERGY» с расширением дискуссионного межрегионального формата до переговорного сетевого форума международного значения. Формирование аналитических клубных интеграторов как элементов инновационного развития неизбежно приведет к тому, что продуктивное скоординированное взаимодействие в энергетической сфере может стать базовым условием развития институциональной среды в обеспечении механизмов регионального сотрудничества. Они призваны способствовать соблюдению баланса интересов всех сторон, так как сложившиеся практики энергетического партнерства требуют диалога между правительствами регионов стран ШОС на дискуссионной площадке Энергетического клуба и сопряжения определенных подходов к формированию и реализации единой энергополитики.

В силу указанных причин энергетическая сфера является объединяющим фактором развития стран и регионов ШОС. В настоящее время существует настоятельная потребность в развитии Энергетического клуба ШОС, поскольку концептуально и содержательно подготовлен пакет правоустанавливающих документов, соотносящихся с Меморандумом о его создании и развитии, отработаны сценарии и механизмы взаимодействия его участников, формируются компании-партнеры.

Энергетическая структура необходима для создания устойчивого энергетического баланса между государствами-участниками, что, в свою очередь, решит проблему энергопоставок, особенно в энергодефицитные регионы мира. Неслучайно нетто-импортерами газа выступают Германия, Франция, Италия, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, и с развитием

российских технологий выпуска продукции высоких переделов число ее заказчиков будет только расти. Председатель Правительства России Д.А. Медведев подчеркнул: «... ориентация промышленной политики на создание собственных, то есть формируемых в России (или, точнее, внутри ЕАЭС), цепочек добавленной стоимости – именно они должны стать объектом для государственного стимулирования и поддержки» [4, 21]. Огромный вклад в реализацию этого направления призваны внести ведущие предприятия группы «Газпром», представленные в Башкортостане.

Наряду с решением стратегических и тактических задач, стоящих на повестке дня газовой интеграции, создание аналитических площадок-клубов для обсуждения перспектив развития энергетической отрасли позволит обеспечить последовательность действий, кооперацию и партнерство в обеспечении регуляторных процессов, являющихся основополагающим институциональным условием эффективного развития газовой отрасли в государствах – участниках Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества.

Таким образом, создание Координационного совета с широким заинтересованным представительством будет способствовать эффективной реализации Стратегии социально-экономического развития республики до 2030 года и отраслевой программы развития энергетики в Республике Башкортостан путем дальнейшей организации диалога между бизнесом и властью, обеспечения оптимального баланса интересов энергетических компаний и государства, встраивания региональных проектов в систему подъема национальной экономики Российской Федерации и ее устойчивого международного позиционирования.

Сегодня объективно назрела необходимость в расширении горизонтов прогностического видения развития энергетики, которая

уже не может рассматриваться как региональный и даже межрегиональный проект, поскольку мир все заметнее возвращается ко времени углеводородной геополитики. Как совершенно справедливо подчеркнул глава «Газпрома» А.Б. Миллер на Петербургском международном газовом форуме, «... по сравнению абсолютно со всеми другими энергетическими товарами газ является единственным энергетическим товаром, который до сих пор не использовал своего ресурса глобализации рынка. Глобализация газового рынка началась, но это пока только крупные локальные региональные газовые рынки. Газу как энергетическому продукту предстоит еще сделать очень серьезный конкурентный шаг вперед именно за счет ресурса глобализации» [3].

Поэтому, несмотря на то, что углеводородная энергетика, и, в частности, газовая, в определенных политических и интеллектуальных кругах считается рудиментарной, действительность опровергает этот тезис – газ имеет практически неиссякаемый потенциал в его экспортных поставках, а следовательно, он будет превалировать по иным позициям жидких углеводородов.

Литература

1. Квинт В.Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес Атлас, 2012.
2. Лахно П.Г. Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие: монография. М.: Московский университет, 2014.
3. Махнева А. Миллер: газ удовлетворит нужды всего XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/10/04/659567-miller-gaza>
4. Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10.

Новые инициативы – требование времени

Е. РОДИНА

«Государственная информационная система ЖКХ» – это современная электронная единая федеральная централизованная информационная система, обеспечивающая сбор, обработку, хранение, предоставление, размещение и использование информации о жилищном фонде, стоимости и перечне услуг по управлению общим имуществом в многоквартирных домах; о работах по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах, предоставлении коммунальных услуг и поставке ресурсов, размере платы за жилое помещение и коммунальные услуги, задолженности по указанной плате, объектах коммунальной и инженерной инфраструктуры, а также иной информации, связанной с жилищно-коммунальным хозяйством.

Республика Башкортостан традиционно находится в списке лидирующих субъектов РФ в сфере ЖКХ. Сегодня у нас активно вносятся данные в «ГИС ЖКХ». Так, 22 ноября 2016 г. в режиме реального времени были продемонстрированы аналитические возможности системы «ГИС ЖКХ», а также возможности граждан контролировать начисления за жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) в его личном кабинете. История возникновения системы такова: в 2014 г. был принят отдельный Федеральный закон, заложивший основу для создания «Государственной информационной системы ЖКХ» (ФЗ № 209 от 21 июля 2014 года), а пилотная версия системы заработала в тестовом режиме с 1 июля текущего года.

Полностью Закон вступает в силу с 1 января 2017 года, и он позволит обеспечить прозрачность всей информации для граждан – обо всех видах расчетов и услуг.

В настоящее время к системе «ГИС ЖКХ» подключены более 14 тысяч управляющих компаний, зарегистрировано более 60 тысяч организаций ЖКХ всех видов. Все пользователи портала госуслуг (около 32 миллионов) автоматически получают доступ к сведениям «ГИС ЖКХ».

С 1 января 2017 года вступит в законную силу положение законодательства, предусматривающее ответственность за неразмещение информации (штраф 200 тысяч рублей за неразмещение информации, за повторное игнорирование – дисквалификация до трех лет).

С начала 2017 г. граждане смогут не оплачивать услуги ЖКХ, если информация о них не размещена в системе. Мы ждем, что это сделает всю информацию прозрачной, а появление такого ресурса усилит интерес граждан к использованию электронных государственных услуг.

Внедрение системы создает новые возможности для тарифного регулирования, на основе аналитических ответов можно будет проводить сравнение тарифов и платежей за ЖКХ. В системе имеется первичная информация по начислению и оплате ЖКУ и создана аналитическая отчетность, позволяющая получать достоверные данные по сбору средств между всеми инстанциями. Это позволяет, в частности, ресурсоснабжающим организациям видеть всю сводную информацию и заключать в системе договоры в электронной форме.

Система «ГИС ЖКХ» дает возможность любому жителю через свой «Личный кабинет» вносить показания счетчиков ресурсов, узнавать сумму задолженности, получать ежемесячную платежку в электронном виде и оплачивать жилищно-коммунальные услуги, не выходя из дома.

Начали работу и информационные семинары для жителей Республики Башкортостан, которые Комитет по жилищной политике и инфраструктурному развитию Государственного Собрания – Курултая РБ проводит совместно с Госкомитетом по жилищному и строительному надзору, Министерством жилищно-коммунального хозяйства, Центром общественного контроля и другими, включая муниципальные, организациями Республики Башкортостан.

Сегодня мы фиксируем ряд трудностей, связанных с использованием информационными

Родина Елена Александровна, председатель Комитета по жилищной политике и инфраструктурному развитию Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан. E-mail: elena.rodina61@yandex.ru

технологиями со стороны пожилых председателей ТСЖ или в отдаленных муниципальных образованиях, где сложно оформить электронную цифровую подпись.

Тем не менее, за оставшиеся два с небольшим месяца необходимо подключить к «ГИС ЖКХ» большое количество участников. В настоящее время только около 850 тысяч из 2,4 миллионов многоквартирных подключены к системе.

Управляющим компаниям можно посоветовать не тянуть до последнего, ведь за нарушение порядка размещения информации в «ГИС ЖКХ» установлена административная ответственность в виде серьезных штрафных санкций.

Согласно законодательству с 1 января 2017 г. бумажные квитанции, отличающиеся от электронного варианта квитанции, представленной в «ГИС ЖКХ», будут считаться недействительными. Через систему также можно будет проводить общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме в форме заочного голосования.

Мы рассчитываем, что станут открытыми и расчеты управляющих организаций с поставщиками ресурсов, житель получает возможность направить в управляющую компанию жалобу, общаться с соседями через электронный форум.

Уже сейчас жители Республики Башкортостан могут зарегистрироваться в «ГИС ЖКХ» через сайт dom.gosuslugi.ru.

Также известно, что в Комитете Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан по жилищной политике и инфраструктурному развитию сегодня рассматриваются и другие, не менее жизненно важные инициативы в сфере жилищного законодательства и транспорта.

В настоящее время нам, депутатам, кажется необходимым законодательное урегулирование ряда вопросов, выявленных в ходе реализации Федерального закона от 13.07.2015 № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Также необходимо совершенствование законодательства в сфере организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом.

Законодателям Башкортостана важно урегулировать вопросы открытия межрегиональных маршрутов, дублирующих ранее установленные межмуниципальные маршруты. Об остроте данной проблемы известно из материалов семинаров, проведенных Российским автотранспортным союзом и Министерством транспорта Российской Федерации.

В связи с этим Комитет по жилищной политике и инфраструктурному развитию Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан предлагает поддержать наделение органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации правом устанавливать требования, обеспечивающие разницу в расписаниях перевозок по новому межрегиональному маршруту и ранее установленным межмуниципальным маршрутам, если такие маршруты имеют общие участки.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона полномочиями по установлению, изменению и отмене муниципальных маршрутов регулярных перевозок наделены только органы местного самоуправления городских поселений на территории данных поселений. В связи с этим для устранения правового пробела необходимо определить соответствующие полномочия органов местного самоуправления городских и сельских поселений, городских округов, муниципальных районов.

Ведь сегодня, увы, положения ч. 2 ст. 11 Федерального закона не корреспондируют положениям ч. 1 ст. 15 Федерального закона в части определения органов, уполномоченных на установление регулируемых тарифов на перевозки по муниципальным маршрутам регулярных перевозок. Учитывая данное обстоятельство, нужно отнести установление регулируемых тарифов на перевозки по муниципальным маршрутам регулярных перевозок к полномочиям соответствующих органов местного самоуправления, что будет также соответствовать нормам Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В соответствии с нормами ч. 5 ст. 29 Федерального закона уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или уполномоченный орган местного самоуправления, выдавшие свидетельство об осуществлении перевозок по маршруту

регулярных перевозок, обращаются в суд с заявлением о прекращении действия свидетельства при наступлении в том числе обстоятельства неосуществления предусмотренных данным свидетельством перевозок в течение более чем трех дней подряд. Вместе с тем есть маршруты, периодичность перевозок по которым не ежедневная, а осуществляется по определенным дням недели (например, понедельник, среда, воскресенье) или же один раз в неделю. В подобных случаях применение указанной нормы закона не представляется возможным. В связи с этим законопроектом предлагается учесть ситуацию, при которой периодичность осуществления перевозок в соответствии с расписанием не является ежедневной, и установить в качестве основания для обращения в суд на осуществление более пяти рейсов подряд.

Следует отметить, что установленная Федеральным законом обязанность владельцев остановочных пунктов в получении заключения органа Ространснадзора в части правильности расчета пропускной способности каждого из таких пунктов и времени перерывов технологического характера в осуществлении отправления транспортных средств из остановочного пункта представляется избыточным административным барьером, поскольку при принятии решения об открытии маршрута имеет значение пропускная способность только тех остановочных пунктов, которые расположены на территории автовокзалов и автостанций. Поэтому необходимо установить обязанность представления соответствующего заключения только владельцами остановочных пунктов на территории автовокзалов или автостанций.

В настоящее время деятельность по осуществлению заказных перевозок не подлежит лицензированию и не в достаточной степени урегулирована федеральным законодательством. Согласно ч. 1 ст. 38 Федерального закона органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации согласовываются места посадки и высадки пассажиров по заказным перевозкам, осуществляемым только между населенными пунктами, расположенными в разных субъектах Российской Федерации.

В целях более полного обеспечения условий для беспрепятственного осуществления регулярных перевозок между поселениями проектом закона представляется необходимым

распространить требование согласования мест посадки и высадки пассажиров на осуществление заказных перевозок между населенными пунктами в границах одного региона.

Кроме того, следует дать органам государственной власти субъектов Российской Федерации право устанавливать дополнительные требования к лицензированию предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами. Тут дело вот в чем: возраст, структура и техническое состояние жилищного фонда и инженерно-технической инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства, не говоря о климатических и экономических условиях регионов, различаются настолько, что преимущество от установления строго единых правил лицензирования предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами нивелируется его недостатками.

В связи с этим необходимо предоставить право органам государственной власти субъектов Российской Федерации самостоятельно устанавливать дополнительные требования к лицензированию предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами.

Ведь в соответствии с пунктом «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Помимо учета региональной специфики, это позволит субъектам РФ сформировать административное законодательство в сфере жилищно-коммунального хозяйства и наладить в этой сфере действенный региональный и муниципальный контроль.

Кроме того, сфера жилищно-коммунального хозяйства чрезвычайно сложна и социально значима для общества и государства и поэтому она может быть только рентабельной, но не может и не должна быть источником прибыли.

Практика показала, что сам институт юридических лиц независимо от организационно-правовой формы или индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирным домом, как институт, прежде всего направленный на извлечение прибыли, должен быть поставлен под дополнительный контроль со стороны органов государственной власти субъектов РФ.

Анализ показателей производства продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота в разрезе зон Республики Башкортостан

Н. РАФИКОВА, А. ХАЗИЕВА

Наша страна обеспечивает свои потребности в производстве продукции выращивания крупного рогатого скота в основном за счет скота молочного, молочно-мясного и мясо-молочного направления. В начале 1990-х гг. поголовье мясного скота в стране составляло около 1,5 млн голов, из них примерно 0,5 млн коров. В настоящее время доля мясного скотоводства в производстве продукции выращивания остается лишь на уровне 2–3 %.

Основное производство продукции выращивания происходит за счет свёрхремонтного молодняка и выбракованных коров молочных и комбинированных пород. Поэтому в России возникла необходимость структурной перестройки отрасли – развития специализированного мясного скотоводства. Развитие мясного скотоводства входит в число приоритетных задач аграрной политики России, так как решить проблему дефицита говядины без мясного скотоводства практически невозможно [2]. Для ее решения имеются все необходимые условия: пустующие животноводческие фермы и помещения, значительные площади естественных кормовых угодий, кадры животноводов, природные ресурсы, позволяющие развивать мясное скотоводство в различных природно-климатических условиях.

Мясное скотоводство страны сосредоточено в республиках Алтай, Башкортостан, Калмыкия, Мордовия, Карачаево-Черкесской, Алтайском крае, Оренбургской области, где имеются благоприятные природно-климатические условия и наблюдается высокая обеспеченность естественными кормовыми угодьями. В Респуб-

лике Башкортостан разводят мясной скот четырех специализированных пород: лимузинская, герефордская, абердин-ангусская, симментальская (мясной тип). Однако удельный вес скота мясного направления составляет только 6,0 % от общего поголовья коров [1]. В сложившихся условиях одним из наименее затратных и быстро окупаемых направлений развития скотоводства является совершенствование его территориально-отраслевой структуры.

Рост цен на основные продукты питания, введение западными странами санкций и проведение политики импортозамещения актуализируют вопросы формирования и разработки инструментария анализа и прогнозирования продуктивности и себестоимости прироста крупного рогатого скота с учетом особенностей зонального размещения производства. В этой связи было изучено влияние зональных условий на изменение показателей производства и себестоимости привеса крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях районов Республики Башкортостан методом типологических группировок. Анализ проведен по экспериментальным данным о дифференцированном выращивании и откорме коров молочного и мясного направлений для учета влияния специализации скотоводства и особенностей породного состава [4; 7] (табл. 1).

Из данных группировки следует, что более 40 % привеса и 39 % поголовья скота на выращивании и откорме от коров молочного стада сосредоточены в районах Предуральской степной зоны, а 33 % привеса и 30 % поголовья – в Южной

Рафикова Нурия Тимергалеевна, д-р экон. наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, статистики и информационных систем в экономике Башкирского государственного аграрного университета (БГАУ). E-mail: rafikova163@rambler.ru

Хазиева Айгуль Мунавировна, ассистент кафедры бухгалтерского учета, статистики и информационных систем в экономике БГАУ. E-mail: Energy_girl_88@mail.ru

Таблица 1

Влияние зональных различий на производство продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота от коров молочного стада в Республике Башкортостан, 2013 г.*

Зоны	Число районов	Привес на один район, ц	Привес на 1 гол., ц	Среднесуточный привес, г	Затраты на 1 гол., руб.	Себестоимость 1 ц привеса, руб.
1. Северная лесостепь	14	3998	1,27	349	11020	8655
2. Северо-восточная лесостепь	5	4193	1,48	405	14804	10005
3. Южная лесостепь	11	9944	1,65	451	17629	10708
4. Предуральская степь	17	7861	1,55	424	15069	9731
5. Зауральская степь	4	2871	1,29	353	18108	14044
6. Горно-лесная зона	3	231	1,07	293	10459	9781
В среднем	54	6151	1,51	413	15125	10038

* Расчеты сделаны по данным сводных отчетов СХО РБ.

лесостепной зоне. В Предуральской степной зоне крупными по уровню концентрации поголовья скота и производства продукции являются Стерлитамакский, Мелеузовский и Туймазинский районы. Следует отметить, что Стерлитамакский район является самым крупным: по поголовью скота – 16,4 тыс. голов с производством привеса в 31,2 тыс. ц. В данном районе содержится 19 % общего поголовья Предуральской степной зоны и производится 23,4 % продукции. Среднесуточный привес в районе превысил 520 г, что выше среднереспубликанского уровня на 25,8 %.

В Южной лесостепной зоне в Илишевском, Дюртюлинском и Чекмагушевском районах содержится по 11 тыс. голов скота. Соответственно производство привеса составило в Илишевском районе 18,3 тыс. ц привеса, в Дюртюлинском районе – 22,2 тыс. ц, а в Чекмагушевском районе – 25,8 тыс. ц. В Чекмагушевском районе среднесуточный привес составил 641 г, в Дюртюлинском – 521 г, Илишевском – 418 г. Исходя из этих данных можно подсчитать резервы увеличения производства за счет повышения продуктивности. Так, если среднесуточный привес в Илишевском и Дюртюлинском районах достигнет уровня 650 г, то при неизменной численности поголовья можно увеличить производство продукции выращивания и откорма от молочного стада в Дюртюлинском районе на

5,2 тыс. ц, а в Илишевском – на 8,9 тыс. ц. Районы Предуральской и Южной лесостепной зон отличаются более высоким уровнем концентрации, интенсификации производства и продуктивности, что способствовало формированию более низкого уровня себестоимости 1 ц прироста по сравнению со средним показателем по республике.

Исходя из уровня производственных затрат в расчете на 1 голову скота для районов Северной, Северо-восточной лесостепи и Горно-лесной зоны присуще экстенсивное развитие скотоводства молочного направления. Для них характерен невысокий уровень продуктивности скота и себестоимости продукции [6].

В Зауральской степи производят только 3,5 % продукции, и содержится 4 % поголовья. В Зауральской степной зоне себестоимость прироста почти в 1,4 раза выше, чем в среднем по республике. Основным производителем продукции в данной зоне выступает Учалинский район, где самый высокий уровень затрат – более 28 тыс. руб. на одну голову и себестоимости привеса – 19,4 тыс. руб. за 1 ц. Это объясняется и особенностями структуры затрат (табл. 2). В этой зоне наименьший удельный вес затрат занимают такие основные статьи, как оплата труда и корма. Зато здесь высок удельный вес прочих затрат, на электроэнергию и содержание основных средств (табл. 2).

Таблица 2

Структура затрат на производство продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота молочного направления по зонам Республики Башкортостан в 2013 г., %

Зоны	Оплата труда с отчислением на социальные нужды	Корма всего	из них собственного производства	Электро-энергия	Нефте-продукты	Содержание основных средств	Прочие затраты
1. Северная лесостепь	22,5	53,4	47,1	2,7	3,1	5,6	12,7
2. Северо-восточная лесостепь	19,6	53,6	38,4	2,9	3,1	5,4	15,4
3. Южная лесостепь	21,6	50,4	44,2	2,8	4,9	7,5	12,8
4. Предуральская степь	20,5	48,9	43,1	2,9	5,2	7,0	15,5
5. Зауральская степь	18,8	44,0	34,2	3,8	1,1	10,9	21,4
6. Горно-лесная зона	23,0	44,4	41,9	3,4	4,7	5,2	19,3
В среднем	21,1	50,1	43,4	2,9	4,4	7,0	14,5

* Расчеты сделаны по данным сводных отчетов СХО РБ.

Таблица 3

Трудоемкость и оплата труда в скотоводстве молочного направления в разрезе зон Республики Башкортостан, 2013 г.

Зоны	Прямые затраты труда, ч.-час		Оплата 1 ч.-часа, руб.
	на 1 ц прироста	на 1 гол.	
1. Северная лесостепь	31,0	39,4	65,2
2. Северо-восточная лесостепь	25,6	37,8	77,5
3. Южная лесостепь	28,0	46,1	85,6
4. Предуральская степь	27,8	43,1	73,7
5. Зауральская степь	30,7	39,5	86,8
6. Горно-лесная зона	47,6	50,8	48,2
В среднем	28,4	42,8	76,6

* Расчеты сделаны по данным сводных отчетов СХО РБ.

Северная лесостепь, Зауральская степь и Горно-лесная зона отличаются сравнительно низким уровнем продуктивности и концентрации поголовья. В этих зонах имеются большие резервы для увеличения производства за счет повышения продуктивности скота и увеличения численности скота.

Что касается уровня производительности и оплаты труда, то группировка показала, что эти показатели выше в Северо-восточной лесостепи, Южной лесостепи и Предуральской степ-

ной зонах, в которых достигли высокого уровня продуктивности скота. Районы Северной лесостепи и Горно-лесной зоны характеризуются сравнительно низким уровнем производительности и оплаты труда (табл. 3).

Результаты группировок подтвердили также факт наличия существенных различий между районами внутри отдельных зон. Проведенный анализ позволил выделить три группы районов.

Первая группа – районы с высоким уровнем затрат – 15–28 тыс. руб. на одну голову скота, среднесуточным привесом более 500 г и относительно низким уровнем себестоимости менее 10 тыс. руб. за 1 ц привеса. В эту группу входят Чекомагушевский, Дюртюлинский, Кююргазинский, Бураевский, Дуванский и Кигинский районы, которые расположены в Южной и Северо-восточной лесостепной зонах.

Вторая группа – районы с высоким уровнем затрат и средним уровнем продуктивности (400–500 г) и себестоимостью 1 ц привеса свыше 10 тыс. руб. за 1 ц привеса. Эту группу составляют Учалинский, Уфимский, Благоварский, Чишминский и Бурзянский районы, представляющие соответственно Зауральскую, Южную лесостепь, Предуральскую степь и Горно-лесную зону.

Третья группа – районы с более низким уровнем затрат – от 7 до 17 тыс. руб., с уровнем среднесуточного прироста 300–400 г. и себестоимостью от 6 до 11 тыс. руб. В данную группу входят Илишевский, Абзелиловский, Бижбулякский, Кигинский, Ишимбайский, Бакалинский и Иглинский районы.

Сравнение трех групп районов позволяет сделать вывод, что районы второй группы, несмотря на высокий уровень производственных затрат не достигли еще высокого уровня продуктивности – это так называемые резервные районы со значительным неиспользованным потенциалом.

На следующем этапе было изучено влияние зональных условий на развитие мясного скотоводства в Республике Башкортостан. Проведенная группировка показала, что более 69,3 % продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота мясного направления производится в Предуральской степной зоне, 8,9 % – в Южной лесостепи, 8,2 % – в Северной лесостепи, 7,3 % – в Зауральской степи, 5,5 % – в Северо-восточной лесостепи. В Предуральской степной зоне во всех районах выращивается скот мясного направления. Наибольшая численность поголовья скота мясного направления характерна для Мелеузовского района – 3275 голов, в Туймазинском районе значение данного показателя составляет 1388 голов. Производство привеса

составило соответственно – 7315 ц и 3954 ц, а среднесуточный привес – 611 и 780 г. В Южной лесостепи из 11 районов только в 8 разводят скот мясного направления. Интересен опыт Аургазинского района, где содержат 308 голов с затратами 18,7 тыс. руб. со среднесуточным привесом 758 г. и себестоимостью 1 ц привеса 6730 руб. Наибольшего среднесуточного привеса (более 1000 г) достигли в Чекомагушевском районе с небольшим поголовьем – 75 голов.

Мясным скотоводством занимаются во всех районах Северо-восточной зоны с небольшим количеством скота от 100 до 300 голов и низким среднесуточным привесом в 330 г. В Северной лесостепи из 21 района только в 5 районах содержат всего 1218 голов скота. К районам интенсивного мясного скотоводства можно отнести Татышлинский район с уровнем затрат 31 тыс. руб. на одну голову со среднесуточным привесом 978 г и себестоимостью 8414 руб. за 1 ц привеса. Заслуживает внимания изучение опыта Караидельского района, где при уровне затрат 19,8 тыс. руб. получают 800 г среднесуточного привеса с себестоимостью 6785 руб. При этом было установлено, что уровень концентрации производства привеса на один район существенно варьируется и характеризуется более высоким значением в Предуральской и Зауральской степной зонах. Более высокий среднесуточный привес крупного рогатого скота достигнут в Северной и Южной лесостепи за счет высокого уровня производственных затрат на одну голову скота (табл. 4).

С наиболее низкой себестоимостью производят привес в Зауральской степной зоне, Горно-лесной зоне и Северной лесостепи, а самая высокая себестоимость привеса наблюдается в Предуральской степной зоне. Особенностью мясного скотоводства является высокий уровень трудоемкости производства и низкий уровень оплаты 1 чел.-часа, отработанного в отрасли (табл. 5).

Так, например, в Предуральской степной зоне трудоемкость производства превышает средний показатель на 16,3 %, а уровень оплаты труда ниже на 9,3 %, что свидетельствует о низком уровне механизации производственных процессов (табл. 6).

Таблица 4

**Влияние зональных различий на производство продукции
выращивания и откорма крупного рогатого скота мясного
направления в Республике Башкортостан (2013 г.)**

Зоны	Число районов	Привес на 1 один район, ц	Привес на 1 гол., ц	Средне- суточный привес, г	Затраты на 1 гол., руб.	Себестои- мость 1 ц привеса, руб.
1. Северная лесостепь	5	559	2,30	629	18787	8184
2. Северо-восточная лесостепь	5	375	1,21	331	10918	9028
3. Южная лесостепь	8	381	2,23	611	19545	8765
4. Предуральская степь	17	1389	2,17	594	20639	9520
5. Зауральская степь	3	826	1,62	444	11808	7294
6. Горно-лесная зона	2	140	1,65	452	13391	8111
В среднем	40	852	2,04	558	18631	9142

* Расчеты сделаны по данным сводных отчетов СХО РБ.

Таблица 5

**Структура затрат на производство продукции выращивания и откорма
крупного рогатого скота мясного направления по зонам
Республики Башкортостан в 2013 г., %**

Зоны	Оплата труда с отчисле- нием на социальные нужды	Корма всего	из них собствен- ного произ- водства	Электро- энергия	Нефтепро- дукты	Содержа- ние основ- ных средств	Прочие затраты
1. Северная лесостепь	13,6	54,6	46,5	2,6	10,4	9,8	9,0
2. Северо-восточная лесостепь	9,0	59,6	36,7	3,4	8,9	11,3	7,8
3. Южная лесостепь	18,0	53,3	52,2	2,4	2,3	9,3	14,7
4. Предуральская степь	16,5	45,6	33,3	2,1	7,1	18,4	10,3
5. Зауральская степь	20,0	64,0	42,6	2,1	1,7	4,5	7,7
6. Горно-лесная зона	29,9	45,4	39,7	2,5	8,4	7,5	6,3
В среднем	16,3	48,7	36,6	2,2	6,7	15,7	10,4

* Расчеты сделаны по данным сводных отчетов СХО РБ.

Проведенное исследование показывает необходимость более широкого использования типологических группировок по сравнению с аналитической группировкой по уровню продуктивности [5]. Типологическая группировка позволила также изучить опыт производства в разрезе отдельных районов. Сравнение результатов типологических и аналитических группи-

ровок подтверждает выводы, приведенные в нашей статье [8]. Проведенное исследование также показало, что наблюдаются существенные зональные и межрайонные различия по основным показателям, характеризующим производство продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота. Разработанный инструментарий анализа продуктивности и себестоимости

Таблица 6

Трудоемкость и оплата труда в скотоводстве мясного направления в разрезе зон Республики Башкортостан (2013 г.)

Зоны	Прямые затраты труда, ч.-час		Оплата 1 ч.-часа, руб.
	на 1 ц прироста	на 1 гол.	
1. Северная лесостепь	16,5	37,8	68,8
2. Северо-восточная лесостепь	12,8	15,5	63,8
3. Южная лесостепь	36,4	81,3	43,6
4. Предуральская степь	49,9	108,2	32,3
5. Зауральская степь	35,9	58,2	41,7
6. Горно-лесная зона	46,6	76,9	52,8
В среднем	42,9	87,4	35,6

* Расчеты сделаны по данным сводных отчетов СХО РБ.

прироста крупного рогатого скота учитывает особенности зонального размещения производства и влияние особенностей породного состава от коров молочного и мясного направлений. В сфере скотоводства необходимо ликвидировать сложившиеся диспропорции между наличием поголовья животных и кормовой базой, между поголовьем молочного и мясного скота. Необходимо целенаправленно и планомерно расширять долю племенного скота. Выращивание чернопестрой и симментальской пород является плановым для Республики Башкортостан. Как показывают исследования ученых, при создании оптимального уровня кормления животные этих пород проявляют высокую мясную продуктивность.

Полученные результаты могут быть использованы при определении направлений инвестиций, разработке стратегий и планов развития на перспективу.

Литература

1. Гизатуллин Р.С., Хазиахметов Ф.С., Седых Т.А. Организация производства говядины при различных технологиях содержания мясного скота: практ. руководство. 2-е изд., доп. и перераб. Уфа: БашГАУ, 2014. 39 с.

2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: утв. Прави-

тельством Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717.

3. Рафикова Н.Т., Хазиева А.М. Влияние зональных условий на производство продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота // Статистические методы в гуманитарных и экономических науках: материалы междунар. науч.-практ. конференции (Санкт-Петербург, 28–29 января 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 253–255.

4. Рафикова Н.Т. Влияние специализации производства на себестоимость сельскохозяйственной продукции // АПК: Экономика и управление. 1999. № 9. С.52–58.

5. Рафикова Н.Т. Методика экономико-статистического анализа влияния специализации, концентрации производства и форм хозяйствования на себестоимость продукции сельского хозяйства: рекомендации. Уфа, 1999. 49 с.

6. Рафикова Н.Т. Себестоимость сельскохозяйственной продукции – факторы и методология анализа. М.: Финансы и статистика, 1999. 301 с.

7. Рафикова Н.Т. Эффективность производства в различных формах хозяйствования // Вопросы статистики. 1999. № 4. С. 23–25.

8. Рафикова Н.Т., Хазиева А.М. Показатели самообеспеченности мясом и мясopодуктами и пути развития скотоводства в Республике Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4. С. 76–80.

Новая модель экономики региона: простая программа или путь к развитию?

О. КОМАРЕВЦЕВА

На современном этапе условиях стагнаций и кризисов в депрессивных регионах зарождается идея о построении новой модели экономического развития. Однако возникает вопрос: что понимается под новой экономической моделью? Возможно, это новые направления, которые создадут кумулятивный эффект отраслевого развития территории, или это совершенно новая модель экономического роста, или это региональное формирование экономической идеи в соответствии со Стратегией–2020. Для того чтобы разобраться в данном вопросе, проведем оценку новой модели экономического развития Орловской области на 2014–2024 годы.

Фундамент новой экономики: так ли она нова? Темпы реализации «Программы развития Орловской области на 2014–2024 годы», принятой Указом губернатора Орловской области № 371 26 сентября 2014 г. [5], в условиях современной действительности снизились. Особого внимания заслуживают те основные направления, на которых и будет строиться новая модель технологической экономики. При этом наличие инновационности и новизны также остается под вопросом. С нашей точки зрения, необходимо провести оценку основных направлений новой модели развития экономики Орловской области.

Инвестиции превыше всего. При рассмотрении программ по развитию территории в первую очередь возникает вопрос: достаточное ли количество инвестиций находится в экономике? Безусловно, привлечение инвестиционных ресурсов и обеспечение инвестиционной привлекательности региона являются важной задачей. Однако откуда привлекать инвестиции? То, что раньше являлось дополнительным конкурентным преимуществом

(имеющееся нормативно-правовая база, льготы и преференции, механизмы государственно-частного партнерства, выгодные условия для подключения к инженерным коммуникациям, открытость власти и т.д.), сегодня уже не играет никакой роли для инвесторов.

Следует отметить, что экономика потребления (спроса) исчерпала себя, на ее место должна прийти экономика предложения, которая базируется на инвестировании. Но кто будет инвестировать? В условиях санкционного давления международные инвестиции с небольшой долей вероятности перейдут в регион, большая часть инвестиций бизнеса задействована в крупных проектах, ресурсы государства распределяются только на реализацию проектов, поддерживающих региональную экономику. Тем самым остаются инвестиции населения. Однако в региональную экономику представленные денежные средства вряд ли войдут. Так как доверие граждан подорвано замораживанием вкладов в 1991 году, когда населению не в полном объеме были возвращены собственные денежные средства. Вследствие невозможности долгосрочного прогнозирования инвестиционные риски в реализации региональных проектов возрастают. Тем самым для граждан Российской Федерации, имеющих временно свободные средства, отдавать их под облигации инвестиционного проекта в размере 6–8 % на 10 лет не имеет никакого смысла.

Основную роль в привлечении инвестиций в соответствии с Программой развития на 2014–2024 годы (далее – Программа) играют муниципалитеты. Перед ними ставится задача по созданию индустриальных парков и доступной инфраструктуры. Одновременное исполнение данных задач невозможно, поскольку без строительства доступной

инфраструктуры для размещения производственных объектов инвестора индустриальные парки создать невозможно.

В качестве положительных предпосылок реализации инвестиционного направления выступает ожидаемый результат, заявленный в Программе: «это создание дополнительных, высокооплачиваемых рабочих мест с внедрением новых технологий в региональную экономику». Любая макроэкономическая теория сводится к тому, что при создании новых рабочих мест растет и потребление, а, следовательно, экономика начинает развиваться. При этом банкротство предприятий приводит к увеличению числа безработных, начинающих сокращать свое потребление, вследствие чего происходит банкротство новых предприятий. Получается замкнутый круг, имеет место разорение экономических субъектов.

Таким образом, инвестиции как фундамент экономики играют важную роль в развитии региона. Однако в современных реалиях решение вопросов, связанных с определением субъектов инвестирования и эффективностью различных предпочтений, остается открытым.

Орловская область – житница России.

Несмотря на все трудности, с которыми сталкивается на протяжении последних двух десятилетий Орловская область, регион продолжает оставаться агропромышленным. При этом проблемы развития сельского хозяйства остаются не решенными. В их числе следует отметить отсутствие новейших технологий, применение попавших под санкции минеральных удобрений, рост цен на горюче-смазочные материалы, высокую смертность и миграцию населения из сельских территорий и т.д.

Программа развития Орловской области на 2014–2024 годы предполагает решение следующих стратегических задач по развитию агропромышленного комплекса:

- усиление контроля над целевым использованием сельскохозяйственных земель;
- проведение почвенно-агрохимического обследования всех земель в области;
- обеспечение производством картофеля и овощей на мелиорируемых землях и т.д.

Более полный перечень стратегических задач по поддержке агропромышленного ком-

плекса Орловской области представлен на рисунке 1.

До 2024 г. имели место диверсифицированные, несогласованные действия в сфере развития агропромышленного комплекса Орловской области. Не понятным остается и тот факт, что стратегические задачи Программы не предполагают изменений фундаментального характера агропромышленного комплекса Орловской области, а лишь базируются на некоторых направлениях, способствующих поддержанию сельскохозяйственных компаний.

Основным мероприятием по развитию агропромышленного комплекса региона является создание Корпорации развития сельского хозяйства Орловской области. По нашему мнению, в условиях ограниченности бюджетного финансирования данное мероприятие не будет результативным. Данное утверждение можно подтвердить тем фактом, что при создании нового института в сфере сельского хозяйства произойдет дублирование функций Департамента сельского хозяйства Орловской области, Фонда поддержки малого и среднего предпринимательства, Орловской региональной Ассоциации крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов.

Остается открытым вопрос об измерении эффективности развития агропромышленного комплекса. В Программе прописаны следующие целевые показатели на ближайшую перспективу: в течение ближайших пяти лет по сбору зерна выйти на уровень не менее 3 млн тонн в год; по сбору сахарной свеклы – не менее 2,2 млн тонн; увеличить посевы гречихи до 100 тыс. га с получением не менее 150 тыс. тонн в год; довести поголовье коров до 100 тыс. тонн. По нашему мнению, данные показатели являются абстрактными, поскольку не демонстрируют улучшения в плане функционирования агропромышленного комплекса региона, повышения качества жизни населения Орловской области.

Таким образом, агропромышленный комплекс Орловской области, безусловно, носит фундаментальный характер построения новой модели. Однако задачи, заявленные в Программе, и выявленные проблемы в сфере сельского хозяйства Орловской области должны носить точечный характер, действовать в одном направлении.

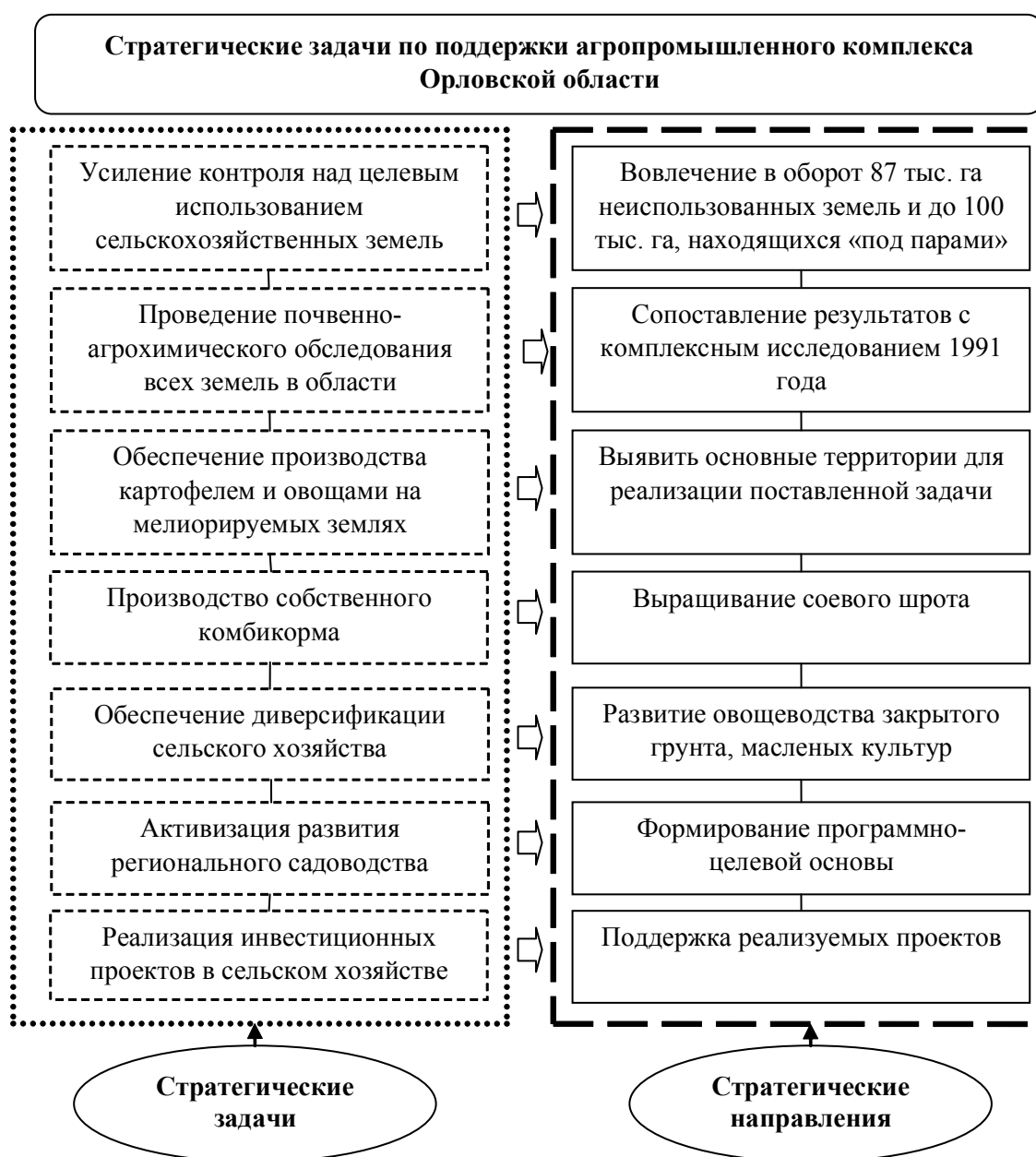

Рис. 1. Стратегические задачи и направления развития агропромышленного комплекса Орловской области до 2024 года

Источник: составлено автором на основе [9].

Промышленность там, где ее нет. По официальным источникам за 2015 год [8], в сфере промышленного производства Орловской области функционирует более 1 100 предприятий. Однако на самом деле ситуация является критической. Так, количество промышленных предприятий за 4 месяца 2016 г. сократилось на 12,1 %, более 36,4 % предприятий являются неэффективными. За последние шесть лет были обанкрочены предприятия часовой, радиопро-

мышленности, швейной и обувной промышленности.

Особого внимания заслуживает стагнация таких крупных промышленных производств, как ЗАО «ОРЛЭКС» и ОАО «Ливныпластик». Уже сейчас реализуется план мероприятий по преодолению данной ситуации, направленный на сохранение кадрового и производственного потенциала, однако каких-либо существенных предложений он не несет.

Возникает вопрос: какие мероприятия по развитию промышленности нужно осуществлять? В соответствии с Программой необходимо увеличивать количество высокотехнологичных производств, развивать межрегиональную кооперацию, содействовать в решении вопросов организации подготовки востребованных кадров и реализовывать меры государственной поддержки промышленности. Реализация данных мероприятий была прописана еще в законе Орловской области «О промышленной политике Орловской области» от 06.08.1998 г. [1], инновационно-инвестиционной программе «Развитие легкой и мебельной промышленности Орловской области на 2004–2007 годы» [5], государственной программе Орловской области «Развитие промышленности Орловской области на 2013–2016 годы» [7], областной программе «Развитие промышленности Орловской области на 2015–2020 годы» [3]. Однако положительного эффекта при их частичной реализации так и не было достигнуто.

По нашему мнению, акцент в промышленной сфере Орловской области должен быть сделан на создании мелких и средних предприятий. При этом в качестве выпускаемой продукции могут выступать разработки защищенных систем управления и кибернетика. Основной площадкой выпуска станут предприятия ООО «Протон», ЗАО «Научприбор», ЗАО «Электротекс» с включением ученых-курсантов из академии ФСО. Таким образом, инновационность данного мероприятия будет основываться на создании гражданских технологий с учетом элементов военно-промышленного комплекса.

Следует обратить внимание на производство продуктов и товаров, способствующих улучшению энергосберегающего развития региона. Это будет способствовать развитию промышленных систем народного хозяйства России. Перечисленные выше мероприятия также создадут синергетический эффект и в иных региональных отраслях. Так, создание систем энергосбережения в жилищно-коммунальном хозяйстве позволит сэкономить тысячи или миллионы денежных средств жителей региона.

Таким образом, восстановление промышленного производства Орловской области должно основываться на поддержке существующих предприятий и внедрении новых направлений, способных создать синергетический эффект в смежных отраслях народного хозяйства.

Реализация социальной политики в сфере спорта и образования. Основными направлениями социального развития Программы являются следующие:

1. Повышение качества медицинского обслуживания на селе. В качестве реализации данного мероприятия ставится задача поддержки программы «Земский доктор», предназначенной для развития медицины только на селе. При этом вопрос городской медицины в данной Программе отражения не нашел.

2. Развитие спорта и физической культуры в регионе. В качестве основных инструментов реализации соответствующей политики выступает повсеместное развитие спорта, сохранение традиций физической культуры, активная кооперация ссузов и вузов в сфере развития спорта. Однако можно отметить абстрактность данных мероприятий. При этом заявленные направления развития содержались во многих социальных программах, разработанных еще в начале «нулевых» годов.

3. Развитие сферы образования. Мероприятия в данной отрасли также не являются новыми. Основными направлениями развития образования является увеличение заработной платы работникам образования. Безусловно, данное мероприятие является важным. Однако эффект от него можно будет получить не раньше чем через десять лет. С учетом функционирования в данной сфере 16 научно-исследовательских организаций и 12 вузов предлагаем создать крупные научно-промышленные площадки, что позволит разработать технологические продукты в сфере приборостроения и роботостроения, а также смоделировать экономические процессы на основе элементов имитационного программирования.

Таким образом, дополнение данной Программы требует включения различных аспектов, позволяющих стабилизировать социальное состояние Орловской области. К ним можно отнести проработку вопросов безработицы и

уровня жизни не определенных слоев населения, а всех жителей региона, решение проблем здравоохранения и демографии, эколого-энергетической безопасности, связанной с созданием научно-промышленных площадок.

«Новое – хорошо забытое старое». Если сопоставить сформулированные выше направления развития Орловской области до 2024 года и модель социально-экономического развития до 2014 года, разница окажется незначительной (рис. 2).

В качестве изменений в развитии Орловской области до 2024 г. по сравнению с периодом до 2014 г. можно назвать лишь пересмотр мероприятий по развитию сферы торговли и продажи территориальных ресурсов. Прежде всего, это связано с тем, что за последние пять лет торговля стала основной отраслью региона и сформировала валовой региональный продукт более чем на 32,5 %. При этом доля промышленности в валовом региональном продукте ежегодно снижается.

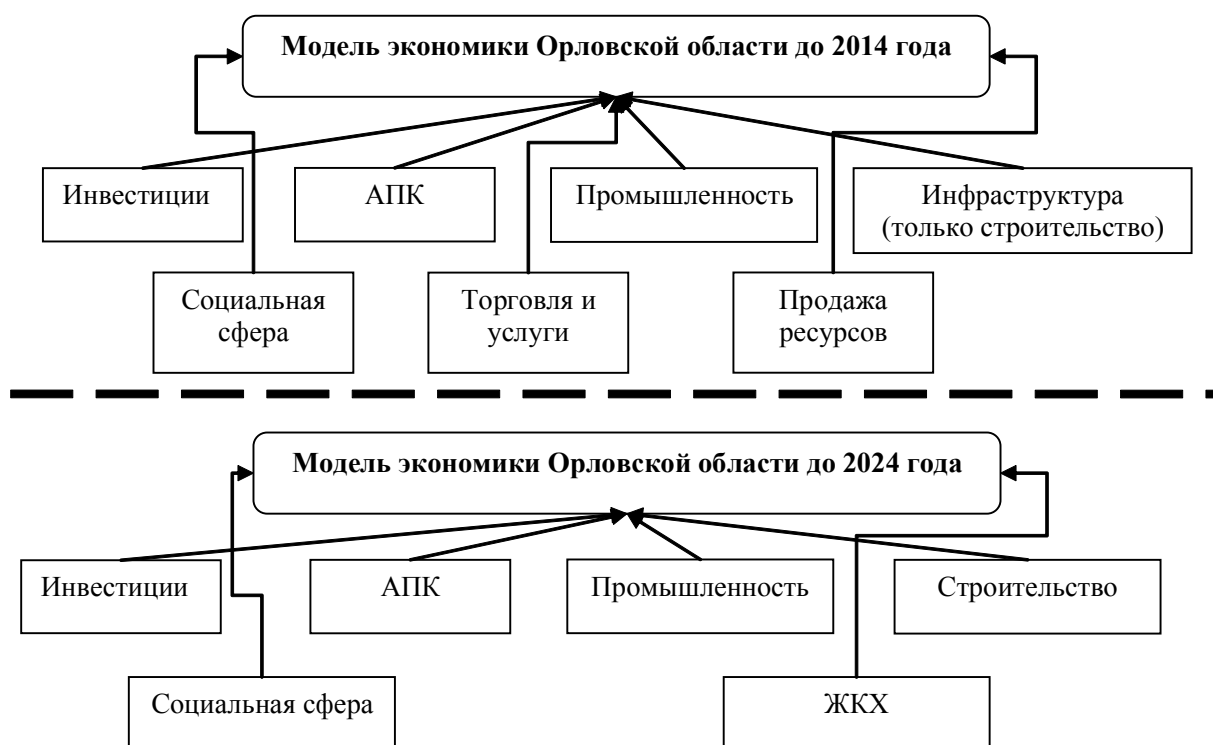

Рис. 2. Модель экономики Орловской области до 2014 и до 2024 года
Источник: составлено автором на основе [5; 9].

Очень важно осознавать и тот факт, что кардинального изменения модели развития экономики региона не произошло. Модель развития экономики Орловской области до 2014 г. принесла много проблем, в связи с чем регион является аутсайдером в рейтингах развития территорий Российской Федерации.

По нашему мнению, новая экономическая модель развития Орловской области должна основываться на двух основных сферах, которые должны быть приоритетными: сельское хозяйство и промышленность (см. рис. 3). На основе выполнения мероприятий по приоритетным направлениям сельского хозяйства и промыш-

ленности можно достичь кумулятивного эффекта и синергетического эффекта в плане развития всех направлений, заявленных в модели.

Важным в построении фундамента экономики является выделение субъектов, объектов и ресурсов. В связи с тем, что экономика потребления выходит на второй план и замещается экономикой инвестирования, актуализируется вопрос о привлечении инвестиций в экономику региона. В соответствии с первичным потоком предложенной модели предполагается задействовать в данном процессе все 3 субъекта экономического развития: население, бизнес, территорию. При этом ресурсы должны быть,

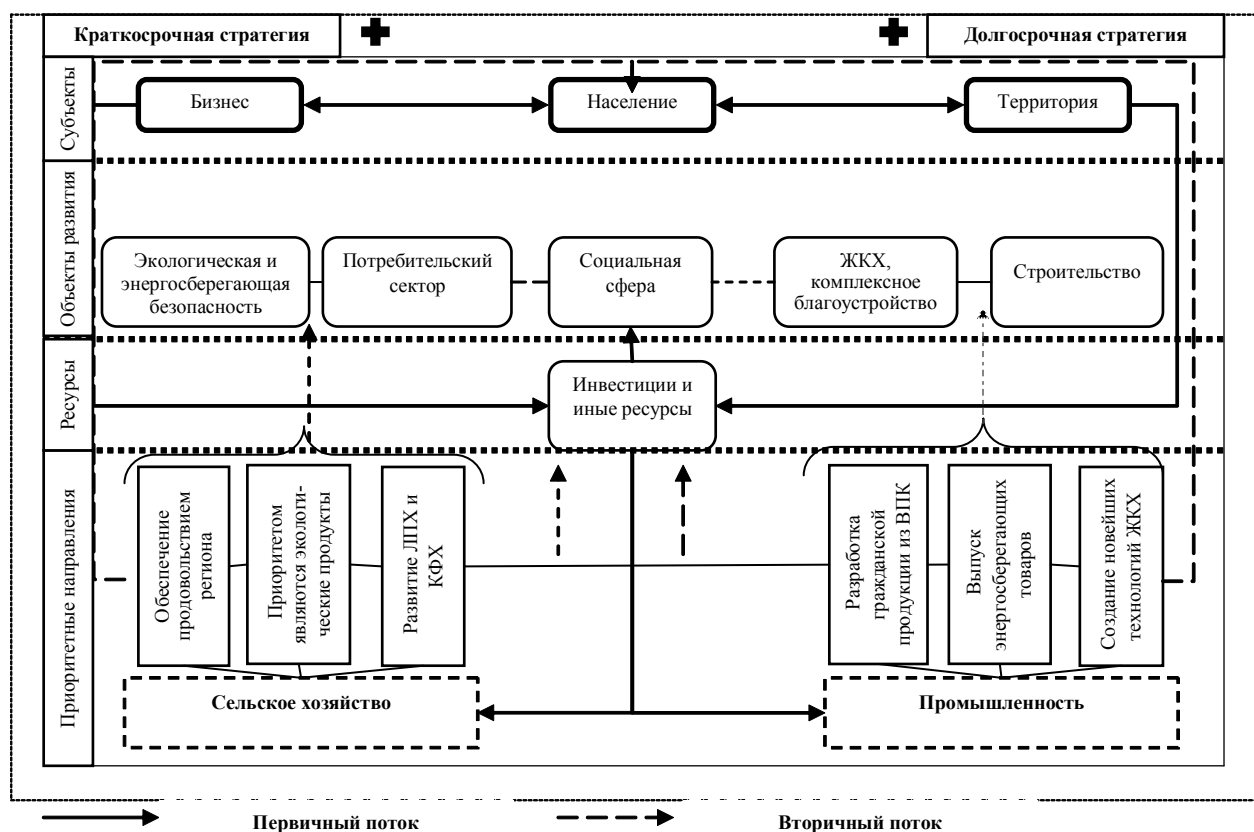

Рис. 3. Авторская фундаментальная модель экономики Орловской области

прежде всего, ориентированы на реализацию приоритетных направлений, которые в дальнейшем обеспечат развитие всех объектов и как следствие – принесут дополнительный доход представленным выше субъектам.

Отметим, что обеспечение эффективного выполнения мероприятий сельского хозяйства в дальнейшем приведет к развитию экологической и потребительской безопасности и потребительского рынка. Данный аспект позволит обеспечить население региона собственным продовольствием и при этом сдерживать цены на данные продукты. Результатом реализации мероприятий промышленного направления является обеспечение эффективного развития ЖКХ, коммунальной инфраструктуры и строительства.

Все проводимые мероприятия и потоковые инвестиционные вложения способствуют развитию социальной сферы, а именно образования, медицины, сокращения безработного населения среди местных жителей. По нашему мнению, при обеспечении данных направлений инвестициями социально-экономическая ситу-

ация в регионе может значительно измениться в положительную сторону.

Таким образом, предложенная нами модель является фундаментом развития экономики Орловской области. При этом в модели сохранены важнейшие направления развития экономической системы, выделены субъекты и объекты, задействованные в процессе получения социально-экономического эффекта. Особую значимость представляет социальная сфера модели, что, однако, не уменьшало экономическую составляющую функционирования области.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Конкурентные преимущества привлечения инвестиций, к которым относятся льготы, реализация принципов государственно-частного партнерства, на сегодняшний день устарели и требуют пересмотра основных приоритетов при получении инвестиционных ресурсов.

2. Исчерпанная экономика спроса задает одну из важных предпосылок дальнейшего развития экономики: кто будет инвестировать при ограниченности государственных ресурсов?

3. Приоритетом регионов должна стать разработка долгосрочной стратегии развития с минимальным сроком планирования в 10 лет.

4. Программа развития в аспекте новой модели экономики должна включать приоритетные направления функционирования территории, не переписанные из предыдущих Программ мероприятиями, а обобщенные на основе комплексных исследований.

5. Создание новых рабочих мест – это одна из целей Программы развития. Данный аспект связан с тем, что работающий человек может позволить себе определенный уровень потребления, а значит, спросом поддержать производственный и торговый сектор. С увеличением уровня безработицы может возникнуть обратная ситуация.

6. Промышленность – это основа функционирования региональной экономики. По нашему мнению, упор должен быть сделан на технологические производства, позволяющие создать новые продукты на основе взаимодействия военно-промышленного комплекса и гражданских промышленных технологий, обеспечивая при этом энергетическую и иные виды безопасности.

7. Фундаментальная модель экономики региона должна включать в себя субъекты, объекты развития, ресурсы и приоритетные направления. Четкое распределение движения ресурсов позволит получить кумулятивный и синергетический эффект по всем объектам развития, и как следствие, улучшить функционирование социальной сферы. При этом экономика Орловской области не является инновационной. Однако на основе креативности, долгосрочных стратегий развития и заявленных положений может быть заложен фундамент эффективной работы по построению экономики технологического развития.

Литература

1. Закон Орловской области «О промышленной политике Орловской области» № 75-ОЗ от 06.08.1998 г.

2. Информация о реализации на территории Орловской области областных и федеральных целевых программ в 2010 году [Элект-

ронный ресурс]. URL: <http://orel-region.ru/index.php?head=20&part=21&in=3>

3. Областная программа «Развитие промышленности Орловской области на 2015–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/basesearch/Областная программа Развитие промышленности Орловской области на 2015–2020 годы/all:5>

4. О вводе жилья на территории Орловской области в июне-декабре 2015 года и январе-марте 2016 года [Электронный ресурс]. URL: http://orel.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orel/ru/publications/news_issues/

5. Постановление Коллегии администрации Орловской области от 15 января 2004 г. № 11 «Об инновационно-инвестиционной программе “Развитие легкой и мебельной промышленности Орловской области на 2004–2007 годы”» (утратило силу) [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/basesearch/инновационно-инвестиционной программе Развитие легкой и мебельной промышленности Орловской области на 2004 2007 годы/all:3>

6. Постановление Правительства Орловской области от 10 октября 2012 г. № 363 «Об утверждении государственной программы Орловской области “Развитие промышленности Орловской области на 2013–2016 годы”» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/basesearch/Государственной программе Орловской области Развитие промышленности Орловской области на 2013–2016 годы/all:4>

7. Постановление Правительства Орловской области от 04.12.2013 г. № 411 «Об утверждении государственной программы Орловской области “Устойчивое развитие сельских территорий Орловской области на 2014–2017 годы и на период 2020 года”» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460219152>

8. Промышленный потенциал региона. Инвестиционный портал Орловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://invest-orel.ru/articles/>

9. Указ Губернатора Орловской области от 26 сентября 2014 г. № 371 «О реализации “Программы развития Орловской области 2014–2024”» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/28525802>

Основные барьеры на пути развития женского предпринимательства в современной России и способы их преодоления

(по материалам социологических исследований)

Р. ГАЛЛЯМОВ

Как показали результаты анализа, проведенного нами в предыдущих публикациях на эту тему, женское предпринимательство, представляя собой специфический феномен общественного развития, формируется в нашей стране противоречиво и со значительными трудностями [3, 56–64]. В то же время это особенное социально-экономическое явление нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, следовательно, требуется разработка мер по осуществлению соответствующей государственной политики в этой области. Бесспорно, что женское предпринимательство само по себе является важным фактором эволюции отечественной экономики, способствует ее стабилизации и динамичному росту. При этом масштабы развития женского бизнеса в нашей стране, как показывают имеющиеся данные, пока еще отстают от соответствующих показателей высокоразвитых стран мира. Следовательно, женское предпринимательство нуждается в дальнейшем совершенствовании, в преодолении гендерных стереотипов.

В нашей стране существует устоявшаяся точка зрения, подтверждаемая различными социологическими исследованиями, согласно которой в сфере предпринимательства большая часть женщин ощущает неравенство своих возможностей для достижения успеха по сравнению с мужчинами. Так считают, например, «лидеры женского предпринимательства» в нашей стране [9]. По результатам опроса, 125 женщин, желающих начать бизнес в Саратове в 2002 году, в иерархии основных трудностей, с которыми сталкиваются женщины, начинающие

свой бизнес, респонденты в равной степени назвали фактор дискриминации по гендерному признаку и отсутствие капитала, недостаток знаний. Другие трудности, в том числе такие значимые, как выполнение семейных обязанностей, административные барьеры, неуверенность в себе, были отмечены значительно меньшим числом опрошенных [2].

По итогам опроса женщин Башкортостана, проведенного под руководством автора в 2005 г. (выборку составили 446 респондентов, отвечающих всем требованиям репрезентативности), так же, как и по результатам экспертного опроса 2010 г. (при участии автора опрошено 157 женщин-предпринимательниц), значительная часть респондентов также согласны с тем, что женщины имеют неравные условия с мужчинами для достижения успеха в сфере предпринимательства. При этом в качестве главных причин подобного состояния и женщины в целом, и бизнес-леди, опрошенные в ходе массового опроса, а также предпринимательницы из числа экспертов в основном выдвигают аргументы, систематизированные в таблице.

Как это видно из данных таблицы, основной преградой на пути к развитию женского предпринимательства сами женщины называют гендерные стереотипы, которые женщине приходится постоянно преодолевать. Кроме того, развитию женского бизнеса, по мнению всех опрошенных женщин, мешают «объективные трудности», связанные с тем, что конкурировать с мужчинами в предпринимательстве женщинам мешает двойная нагрузка: семья и

работа. Интересно отметить, что если среди женщин в целом еще встречаются случаи проявления низкой самооценки, то среди предпринимательниц данная тенденция, как правило, не наблюдается. Таким образом,

заявляясь бизнесом, женщина окончательно расстается с комплексами и стереотипами, вызванными «мускулиной идеологией», у женщины возрастает уровень самооценки и ощущения независимости от мужчин.

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с мнением, что в сфере предпринимательской деятельности большинство женщин ощущает неравенство своих возможностей для достижения успеха по сравнению с мужчинами?», %

Группы женщин Мнения	Женщины Башкортостана	Предпринимательницы	
		Республиканский опрос	Экспертный опрос*
Нет, я считаю, что это всего лишь стереотип, у мужчин и женщин одинаковые возможности	35	44	51,6
Да, поскольку большинство мужчин не относятся к женщине как равноправному партнеру, и женщинам приходится постоянно доказывать, что они не хуже мужчин	30,7	28	29,9
Да, поскольку женщина несет двойную нагрузку – дом и работа, что мешает ей на равных конкурировать с мужчинами	25,3	28	33,1
Да, так как в обществе к женщине-предпринимателю относятся как к аномальному явлению	1,5	–	2,5
Да, поскольку женщины менее профессиональны и менее квалифицированы	1,4	–	–
Затрудняюсь ответить	6	–	–

* В ходе экспертного опроса предлагалось выбрать несколько, но не более трех вариантов ответов, поэтому общая сумма превысила 100 %.

Вместе с тем гендерные стереотипы в отношении женского предпринимательства, как показывают результаты других исследований, все же существуют. Особенно это ярко видно при сравнительном анализе взглядов на эту проблему отдельно мужчинами и женщинами. Так, по результатам опроса, 250 респондентов из Саратова в 2001 г. на вопрос «Присутствует ли в сфере предпринимательства неравенство прав и возможностей мужчин и женщин?» мужчины ответили «да» только в 38,6 % случаев, «нет» – в 52,1 %. При этом женщины на аналогичный вопрос утвердительно ответили в 56,6 % и отрицательно – только в 22 % случаев. То есть в этом случае наблюдается почти противоположная оценка наличия неравенства полов в сфере предпринимательства. Аналогичные результаты были получены в ходе выше-

указанного исследования при ответе на вопрос о существовании дискриминации по половому признаку в бизнесе. На данный вопрос мужчины ответили «да» в 27,7 % и «нет» в 52,4 %, женщины сказали «да» в 44,6% и «нет» – в 27,6 % [8]. Таким образом, результаты различных опросов свидетельствуют о том, что, в отличие от женщин, мужчины игнорируют факт дискриминации женщин в сфере бизнеса.

Каковы же главные причины, мешающие женщинам эффективно заниматься предпринимательством в современных условиях, с точки зрения самих женщин? Если обратиться к мнению респондентов из числа предпринимательниц Башкортостана, то здесь необходимо отметить, что в качестве основных причин они называют отсутствие средств для первоначальных инвестиций (33,8 %); отсутствие

необходимых качеств и знаний (28 %); отсутствие соответствующего образования и опыта работы (10,2 %); коррумпированность чиновников (12,7 %); противодействие окружающих (прежде всего, гендерные стереотипы) (5,1 %).

Интересно, что, по результатам опроса 2002 г., в Саратове женщины, называя главные трудности для занятий бизнесом, указывают также отсутствие первоначального капитала (25 %); недостаток знаний и информации (25 %); дискриминацию по признаку пола (24 %); проблемы быта и семьи (23 %); неуверенность в себе (21,5 %); административные барьеры (14,5 %); высокую планку налогов (8,8 %) [2].

Как видим, традиционные для всех предпринимателей проблемы у женщин выражены в наибольшей степени, чем у мужчин. Мужчины значительно более оптимистично оценивают возможности преодоления существующих препятствий для развития женского бизнеса. Женщины в этом смысле почти в 5 раз менее уверены в себе [8].

Результаты социологических исследований женского предпринимательства в европейских странах также демонстрируют, что значительные барьеры на пути развития бизнеса среди женщин существуют в большинстве стран с транзитивной экономикой. Так, согласно эмпирическим исследованиям, проведенным в Албании, Польше, Болгарии, на Украине, в Литве и Венгрии, препятствия на пути к развитию женского предпринимательства в странах с переходной экономикой можно разделить на три вида.

1. *Экономические барьеры*: нечеткие и часто меняющиеся юридические положения, касающиеся открытия и развития бизнеса; чрезмерно высокие налоги; недостаточный стартовый капитал и сложность доступа к финансовым ресурсам; ограниченный выход на зарубежные рынки из-за несоответствия стандартам, установленным более развитыми странами; высокие затраты, необходимые для продвижения бизнеса на эти рынки; неблагоприятная государственная политика по отношению к развитию бизнеса; отсутствие поддержки со стороны правительства.

2. *Образовательные барьеры*: ограниченный доступ к консультационным услугам центров для тех, кто желает открыть свой бизнес либо продвигать его; ограниченный доступ к знаниям и информации; высокая стоимость профессиональных тренингов, предоставляемых на рынке (лишь несколько стран разрабатывают программы по рефинансированию затрат на участие в тренингах для предпринимателей, среди которых Польша); ограниченные возможности в постоянном обучении.

3. *Культурные барьеры*: неполное приятие обществом частной экономической деятельности; недостаточно уважительное отношение к предпринимателям; отсутствие традиций, касающихся обучения людей предпринимательской деятельности; опасения по поводу будущих изменений; гендерная дискриминация в бизнесе. Культурные барьеры становятся еще более жесткими для женщин с момента принятия ими решения об открытии собственного дела. Тому причиной является тот факт, что предпринимательство в массовой культуре ассоциировалось с мужчинами. Женщины не входят в неформальные сети, которые способствуют завоеванию позиций в бизнесе, поэтому они чаще, чем мужчины, чувствуют себя беспомощными, незащищенными, неуверенными в себе и в своем успехе [5].

А.Е. Чирикова приводит схожую с вышеприведенной систематизацией проблем организации женского предпринимательства в России и ее регионах классификацию, разделяя соответствующие проблемы на шесть основных групп. Автор считает, что *первую группу* проблем составляют незавершенность и неопределенность сложившейся системы отношений между бизнесом и властью в регионах. Поведение власти, в котором элементы патернализма сочетаются с агрессивной политикой в отношении субъектов, демонстрирующих «экономическую независимость», отличается исходной избирательностью, которая не имеет под собой каких-либо рациональных обоснований. Как результат этой политики – в регионах сформировалась «устойчивая дистанция от власти» предпринимателей, что не устраивает ни одну из сторон. *Вторую*

группу проблем составляют проблемы, связанные с собственно невысокой самоорганизацией предпринимательства в целом и женского предпринимательства в частности. Несмотря на то, что во всех обследованных регионах действуют ассоциации женского предпринимательства или клубы деловых женщин, весьма часто цели этой деятельности не до конца осознаны или резко сужены. В результате эти организации, нередко действуя в одном регионе и решая схожие задачи, становятся конкурентами, что не дает возможности для оптимального развития ни той, ни другой организации и подрывает авторитет каждой из них. *Третью группу проблем*, по мнению А.Е. Чириковой, составляют проблемы криминализации и безопасности регионального предпринимательства, что в контексте становления женского предпринимательства приобретает особое значение. Несмотря на то, что женщины-предприниматели в регионах сумели выработать адекватные стратегии, направленные на обеспечение безопасности собственного бизнеса, можно утверждать, что проблема безопасности женского предпринимательства не только не разрешается, а все более нарастает. *Четвертая группа проблем* связана с профессиональной компетентностью женщин-предпринимателей. Несмотря на то, что, благодаря усилиям западных школ менеджмента предприниматели довольно часто стажировались за границей, в составе женщин-предпринимателей преобладают лица «со стихийным и хаотичным» образованием в области менеджмента. При этом мотивация в получении образования высока. *Пятая группа проблем* представляет особенности политического сознания и поведения предпринимательниц в регионах. Обращает на себя внимание феномен поляризации политических установок женщин, при постепенном осознании необходимости политическими методами защищать свой бизнес. Наконец, *шестая группа проблем* касается вопросов несовершенства инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса в российских регионах. Несмотря на множественность этих структур и наличие соответствующих программ,

ни одна из них не содержала раздела, направленного на развитие собственно женского предпринимательства. Женское предпринимательство и его успехи в регионах продолжают оставаться «невидимыми», а динамика его развития не отражается ни в региональной статистике, ни в программных документах как регионального, так и федерального уровней [10].

В качестве главной проблемы, мешающей занятию бизнесом, все группы опрошенных женщин называют отсутствие первоначального капитала. Поэтому вполне логично, что большинство из них стоит перед проблемой поиска источника средств для начала бизнеса. В этом смысле представляет интерес вопрос о том, на что рассчитывают бизнес-леди перед началом своей предпринимательской деятельности. Различные региональные исследования показывают, что они надеются, прежде всего, на получение средств от родственников и друзей (43 %), на второе место ставится возможность получения банковского кредита (34 %), рассчитывают на поддержку государства и кредитов фондов поддержки предпринимательства, то есть на инвестиции на более льготных условиях, – 28 %. Наконец, вложить собственные средства могут только 29 %. На прочих инвесторов и спонсоров надеются 20 % [2].

Таким образом, исследование результатов различных сопоставимых по своей методике региональных российских опросов бизнесменов и бизнес-леди показывают, что в качестве главных причин, препятствующих развитию женского бизнеса, выступают (в иерархической последовательности): отсутствие первоначального капитала для инвестиций; бюрократические барьеры (в том числе коррумпированность чиновников); отсутствие необходимых для занятия предпринимательством качеств и навыков (в том числе соответствующего образования и опыта работы).

При этом сравнительный анализ основных препятствий для развития женского бизнеса в зарубежной практике приводит к схожим результатам. Так, наиболее серьезными препятствиями, обозначенными женщинами-предпринимательницами из Болгарии, являются

следующие: бюрократия (25 %), высокие налоги (23 %), недостаточный начальный капитал (23 %), отсутствие аренды (19 %), ненадежная и нестабильная юридическая основа (19 %). Российскими женщинами-предпринимательницами были выделены следующие серьезные проблемы: высокие налоги (90 %), нестабильная юридическая среда (81 %), ограниченный доступ к капиталу (67 %), коррупция, рэкет (55 %), мафия (40 %) [5].

Исходя из вышеизложенного напрашивается вывод о том, что для совершенствования развития женского бизнеса и на федеральном уровне, и в российских регионах необходимо, во-первых, создание систем специального льготного кредитования; во-вторых, создание, разработка, реализация образовательных программ, организация разнообразных курсов, школ и семинаров по предпринимательству, ориентированных преимущественно на женщин; в-третьих, осуществление системы мероприятий, основанных на проведении рекламы и разнообразной пиар-деятельности по преодолению распространенных в общественном мнении стереотипов мышления о неспособности женщин заниматься бизнесом. Данная работа должна иметь характер не какой-либо короткой и одноразовой рекламной кампании, а должна быть организована по принципу постоянно действующего механизма, с привлечением для этого бюджетных средств региона и муниципальных образований.

Анализ последних российских публикаций, посвященных разработке рекомендаций по развитию женского предпринимательства, показывает, что в современных условиях предлагаются самые различные меры, как имеющие системный характер, так и содержащие некоторые элементы программно-целевого подхода. Например, авторы из Татарстана Е. Машкова и И. Зайцева считают, что развитие женского бизнеса может происходить значительно интенсивнее мужского при реализации следующих мероприятий. Необходимо разработать систему льгот при налогообложении; создать центры по поддержке женских инициатив с возможностью обучения и подготовки по направлениям:

финансы, маркетинг, бизнес-планирование, бухгалтерский учет [6, 99–122].

Уфимский социолог С. Демьянова считает, что для развития женского бизнеса, преодоления социальной дискриминации, повышения экономического статуса женщин необходимо разработать следующие меры:

- обеспечение функционирования специального раздела федеральных программ поддержки малого предпринимательства, занятости с участием в них женщин;

- организация обучения женщин основам предпринимательства, создание сети пилотных экспериментальных центров содействия предпринимательству, информационно-консалтинговых центров, центров социальной реабилитации безработных;

- обучение, передача технологий, организация и поддержка новых рабочих мест и помощь в открытии собственного дела;

- финансовая поддержка, дешевые кредиты, низкие налоги, доступные производственные помещения, земля (наши системы законодательства, налогообложения, бухучета не делают никаких различий между крупным предпринимателем и самозанятым; они, как известно, не ориентируются на получение прибыли); кредиты для многодетных семей, беженцев, безработных; отмена страховых платежей для самозанятых, так как они практически никогда не пользуются оплатой бюллетеня, медицинской страховкой и тем более пособием по безработице;

- стимулирование участия национального капитала, зарубежных инвестиций при выгодных условиях вложения в отечественную экономику, в том числе в малое предпринимательство;

- увеличение заинтересованности коммерческих банков в финансировании малого бизнеса, установление для них шкалы льгот по налогам на предоставляемые средства;

- переход от регистрационного к заявительному порядку открытия дела, что для женщин, обремененных семьей, существенно облегчило бы процесс вхождения в рынок; наличие обязательного правила для всех

коммерческих банков – открывать бесплатно счета и обслуживать фирмы с малым оборотом и большими перерывами в поступлениях [7].

Авторы крупного международного исследования женского предпринимательства во главе с профессором Э. Лисовски (Польша) считают, что наиболее значительные препятствия для развития бизнеса в женской среде создаются в социально-культурном поле: традиционные процессы социализации, стереотипы, касающиеся роли женщин в обществе, которые приводят к дискриминации в сфере занятости и ограничению доступа женщин к руководящим позициям, а также недостаточному доступу к информационным ресурсам. На основании проведенных исследований они рекомендуют осуществление следующих мероприятий: а) женские национальные профессиональные объединения должны разрабатывать специальные программы для женщин при финансовой, образовательной и организационной поддержке ООН и тесном сотрудничестве с национальными правительствами; б) ООН должна принимать активное участие в сборе статистических данных, касающихся женщин-предпринимательниц, и разрабатывать стандарты для сбора данных. Это поможет получить большую информацию о вкладе женщин в экономическое развитие и преодолеть предрассудки по поводу участия женщин в бизнесе [5].

Большое значение для развития женского предпринимательства имеет то, на какие уровни государственной власти и на какие ее структурные подразделения в большей степени опираются женщины-предприниматели в своей деятельности. Например, по результатам нашего экспертного опроса женщин-предпринимательниц Башкортостана, одинаковое количество ответивших женщин (по 12,8 %) считают, что большую помощь предпринимателям оказывает федеральный центр, а региональные и муниципальные власти не оказывают какой-либо реальной помощи и наоборот – больше помогают муниципальные власти, а федеральные и региональные власти мало занимаются развитием женского предпринимательства. Только 5,1 % экспертов указали

на то, что наибольшую помощь предпринимателям оказывают органы региональной власти, в то время как к помощи федерального центра и муниципальных органов предприниматели относятся критически. При этом доля ответивших, что «ни один уровень власти реально не помогает развитию женского предпринимательства», составила свыше 61 %, а доля затруднившихся ответить (7,6 %) даже не превзошла доли положительно оценивающих действия региональных властей. Таким образом, значительная часть опрошенных предпринимательниц отметила, что не ощущает на себе результатов какой-либо помощи органов государственного и муниципального управления, а, следовательно, может надеяться в основном только на собственные силы в ходе осуществления предпринимательской деятельности.

Если говорить о надеждах женщин на помощь в защите собственных интересов со стороны органов государственной власти или других акторов современного бизнес-пространства, следует отметить, что сравнительный анализ результатов репрезентативного опроса всех женщин Башкортостана с итогами экспертного опроса предпринимательниц показывает, что в определенной степени женщины (особенно предпринимательницы) ориентированы на самостоятельную защиту своих интересов, без посторонней помощи. Так считают, например, 20,4 % предпринимательниц (второе место) и 9,4 % всех женщин. Довольно большое число респондентов (до 9,1 % среди женщин и 10,2 % среди бизнес-вумен) надеются на поддержку государственных органов и, прежде всего, правоохранительных органов и суда. Это говорит о возрастающем уровне правовой культуры женщин-предпринимателей и о формировании в нашей стране императивов осознания правового государства. На местные власти возлагают свои надежды 3,2 % предпринимательниц и 6,7 % женщин Башкортостана. Наконец, значительная часть опрошенных (среди женщин – 56,4 %, из числа предпринимательниц – 74,5 %) уверена в том, что универсальных рецептов в защите интересов

женского бизнеса не существует, а в каждом отдельном случае необходимо использовать оптимальный вариант решения проблем. Симптоматично, что на поддержку ассоциативных объединений предпринимателей надеются только 10 % всех женщин и 7,6 % предпринимательниц. Между тем хорошо известно, что в развитых капиталистических странах именно инициативные общественные объединения и союзы предпринимателей играют существенную роль в защите последних от произвола чиновников и государственной власти в целом. Например, как отмечает президент Российской Академии бизнеса и предпринимательства И. Горбулина: «К сожалению, в России не существует системы государственной поддержки женского предпринимательства. А вот в США она есть в виде межведомственной комиссии по поддержке женского предпринимательства, существующей при Конгрессе. В эту комиссию в обязательном порядке входят представители всех ведущих американских министерств и руководители крупных общественных движений. Существование подобного органа позволяет создать в обществе некое информационное поле в стране, которое помогает в принятии решений. В России в качестве первого шага, может быть, имело бы смысл при Совете Федерации, Государственной Думе или Правительстве РФ создать межведомственную комиссию, которая занималась бы только женским предпринимательством» [7].

С самого начала зарождения всего предпринимательства и женской бизнес-деятельности – в частности, одной из важнейших препон в развитии бизнеса выступало и пока остается противодействие со стороны государственных чиновников, выражающееся в основном в принуждении к даче взяток, при решении тех или иных регистрационных или разрешительных вопросов. Например, по результатам региональных российских опросов, в первой тройке ответов о препятствиях к развитию женского бизнеса называются бюрократические барьеры, особенно негативно оцениваемые самими женщинами (по сравнению с

мужчинами). По результатам нашего экспертного обследования, 66,9 % предпринимательниц подтвердили, что сталкивались с фактами коррумпированности госчиновников, только 30,6 % ответили, что им не приходилось с этим сталкиваться. По всей видимости, довольно высокая доля женщин, не сталкивавшихся с фактами коррупции, является не подтверждением отсутствия данного явления как такового, а результатом того, что часть предпринимателей, особенно начинающих, еще не успела столкнуться с фактами открытого или прикрытого вымогательства. Косвенно подтверждают данный вывод результаты ответов экспертов на вопрос о том, какие государственные службы наиболее коррумпированы, то есть открыто требуют взятки для получения соответствующего решения. Так, 33,8 % предпринимательниц Башкортостана ответили на поставленный вопрос «все в равной степени», 26,1 % ответили «органы санитарно-гигиенического контроля», 15,3 % – «органы, осуществляющие регистрацию юридических лиц, права предпринимательства», 10,2 % – «органы МЧС, осуществляющие контроль противопожарной безопасности». Интересно, что на корыстность налоговых служб указали только 12,7 % опрошенных предпринимательниц. По результатам Всероссийского исследования, проведенного в 1997–1998 гг. Центром политических технологий, женщины-предприниматели отмечали, что они реже, чем мужчины, вовлекались в существующие негативные практики дачи взяток. При этом наиболее коррумпированными они считали (в порядке убывания): разрешение на хозяйственную деятельность (46 %), доступ к помещениям (35 %) и возможность получения кредита (24 %) [1, 6–15]. На наш взгляд, различия в основных направлениях «коррупции», зафиксированные в вышеприведенном и в нашем опросах, вызваны эволюционными характеристиками женского бизнеса. В период проведения всероссийского опроса (конец 1990-х годов) женский бизнес только формировался, поэтому особую актуальность имели следующие проблемы: разрешение на осуществление деятельности, обеспечение

производственным помещением, кредит на нужды предпринимательской деятельности. В нашем случае, когда опрос проводился через десять лет после проведения всероссийского исследования под руководством С.Ю. Барсуковой, главными «источниками коррупции» уже стали контролирующие органы. При этом уровень коррумпированности регистрирующих государственных органов остался, по результатам нашего опроса, достаточно высоким.

Для разработки мер по совершенствованию женского бизнеса необходимо выявление областей предпринимательства, которые больше всего испытывают давление коррупции. Почти половина опрошенных женщин-предпринимательниц (46,5 %) считают, что все виды женского бизнеса в одинаковой степени связаны с коррупцией. Среди специально выделенных нами сфер предпринимательства больше всего (10,8 %) считают, что взятки требуются при осуществлении операций, связанных с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг. 8,9 % экспертов уверены в том, что наибольшее давление коррупции испытывают оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорта, бытовых изделий и предметов личного пользования; 3,2 % заявляют о коррупционности гостиничного и ресторанного бизнеса. В целом имеются данные о том, что увеличение доли женщин в бизнесе и управлении страной ведет к сокращению коррупции в государстве.

Таким образом, женское предпринимательство, в отличие от «мужского», в соответствии с разрабатываемой нами его концептуальной моделью, выполняет в значительной степени и существенные социально значимые функции. Во-первых, именно развитие женского бизнеса способствует преодолению феномена бедности, повышению уровня благосостояния семьи. Во-вторых, женский бизнес, в силу присутствующих имплицитно женщинам форм бытового поведения и отдыха, менее подвержен различным негативным формам досуга. В-третьих, сферы бизнес-деятельности большинства женщин напрямую связаны с улучшением качества жизни, с созданием комфортных условий для

труда и отдыха человека. Наконец, в-четвертых, у женского предпринимательства, по мнению большинства опрошенных предпринимателей и руководителей, есть неоспоримые преимущества, связанные с тем, что «женские» технологии управления более адаптированы к современным условиям нестабильности и неопределенности, характерным для России переходного периода.

Исходя из вышеизложенного необходимо сделать следующий вывод: совершенствование женского бизнеса необходимо осуществлять именно в тех направлениях, где он имеет неоспоримые преимущества, опирается на специфические «женские» особенности поведения, психики, менталитета и т.д. Не обязательно в этом смысле идти по пути уравнивания сфер бизнес-деятельности женщин и мужчин. Развитие женского бизнеса должно быть ответом на особенности бурного развития бизнеса в нашей стране в начальный период, когда предпринимательство, необходимо это признать, было в значительной степени «мускулиным» явлением.

В результате исследования основных проблем и направлений совершенствования развития женского предпринимательства в нашей стране мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, женское предпринимательство само по себе является важным фактором эволюции отечественной экономики, способствует ее стабилизации и динамичному росту. Вместе с тем женский бизнес выполняет в значительной степени и существенные социально значимые функции. Так, именно развитие женского бизнеса способствует в большей степени преодолению феномена бедности, создает условия для доминирования «здорового образа жизни», нацелено на улучшение качества жизни человека.

Во-вторых, масштабы развития женского бизнеса в нашей стране, как показывают статистические данные, пока еще отстают от соответствующих показателей высокоразвитых стран мира. Несмотря на то, что это явление характерно для всех стран с переходной экономикой,

в России оно дополнительно усиливается под воздействием многочисленных специфических факторов. Анализ различных точек зрения на эту проблему и итогов социологических исследований (в том числе авторских) позволяет выделить следующие группы причин, препятствующих развитию женского бизнеса.

1. *Политико-правовые причины*, имеющие юридический характер (отсутствие необходимой законодательной базы, специальных актов, регламентирующих женский бизнес, и государственных программ поддержки женского предпринимательства), либо основанные на непонимании данной проблемы политическим руководством и на отсутствии специализированных ведомственных органов в различных ветвях государственной власти.

2. *Идеологические препятствия и социально-культурные барьеры* развертывания женского бизнеса. Это традиционные для женщин процессы социализации, стереотипы о роли женщин в бизнесе и обществе, социально-психологические установки самих женщин по этому поводу. В эту же группу относятся, на наш взгляд, различные образовательные и информационные проблемы: отсутствие консультационных услуг, ограниченный доступ к знаниям и информации, высокая стоимость профессионального обучения и т.д.

3. *Экономические барьеры* развития женского предпринимательства. В данной группе, в свою очередь, необходимо выделить следующие подгруппы: финансовые проблемы (высокие налоги, недостаточный стартовый капитал, ограниченный выход на отечественные и зарубежные кредитные ресурсы), трудности, вызванные низким уровнем развития экономики (безработица, невысокий спрос на товары и услуги, конкуренция и т.д.), а также неблагоприятная государственная экономическая политика по отношению к женскому бизнесу.

В-третьих, исходя из выявления и систематизации вышеприведенных препятствий в развитии женского предпринимательства следует, что оно нуждается в дальнейшем соответствующем совершенствовании. В этом смысле управленческие мероприятия должны, с одной

стороны, иметь системный, охватывающий все основные направления менеджмента характер, с другой стороны, быть направлены на решение проблем в развитии предпринимательства, характерных именно для женского бизнеса.

Таким образом, основные сферы деятельности по совершенствованию организации женского бизнеса должны быть сосредоточены на следующих направлениях.

1. Актуальной остается задача создания мощной и разнонаправленной агитационно-пропагандистской системы, включающей самые различные виды рекламы, направленной на преодоление гендерных стереотипов по этому поводу.

2. На всех уровнях государственного, регионального и муниципального управления обязательно, во-первых, создание законодательной базы, стимулирующей женский бизнес, во-вторых, организация органов управления, ответственных за развитие этой сферы деятельности.

3. Несмотря на, казалось бы, своеобразную «дискриминацию» мужского направления бизнеса, для дальнейшего развития женского предпринимательства необходимо создание определенных преференций с точки зрения социально-экономической политики государства. Это, в первую очередь, создание схем специального льготного кредитования, разработка моделей упрощенной регистрации и более «мягкой» системы государственного контроля. Эффективными могут стать также и некоторые налоговые послабления для предприятий, зарегистрированных и управляемых женщинами.

4. Государству необходимо осуществлять перманентную политику в области создания информационно-образовательных условий для развития женского бизнеса. Это и финансирование специализированных консалтинговых центров, разработка профессиональных тренингов, проведение разнообразных конференций, а следовательно, целевое спонсирование (через гранты, госзаказы, конкурсы и т.д.) общественных некоммерческих организаций, объявивших своей целью содействие организации и развитию женского бизнеса.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Женское предпринимательство: специфика и перспективы // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 6–15.
2. Барьеры перед женщиной в бизнесе и перспективы развития женского предпринимательства / Результаты исследования СРОО «Центр развития женского предпринимательства», Саратов, 2002 [Электронный ресурс]. URL: www.wcons.org.ru/ru/files/Barriers%20faced%20women%20entrepreneurs.doc
3. Галлямов Р.Р. Особенности женского предпринимательства в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 3. С. 56–64.
4. Демьянова С. Предпринимательство как одна из форм преодоления социально-экономической дискриминации женщин на рынке труда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/conf27.htm>
5. Женское предпринимательство: новые направления, мотивации, барьеры // Информационный бюллетень «Мы – Женщины». 2004. № 17/1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbwoman.net/ru/articles/14/detail/5/back.html>
6. Машкова Е., Зайцева И. Практика женского предпринимательства в моноиндустриальном городе // Формирование гендерной культуры у студенческой молодежи: сб. статей и рефератов. Набережные Челны: Фемина, 1995. С. 99–122.
7. «Особое мнение»: проблемы женского предпринимательства в России. Интервью с президентом Российской Академии бизнеса и предпринимательства И.В. Горбулиной [Электронный ресурс]. URL: http://www.ex.ru/press_cutting/mass_media/press2005_radorussia.shtml
8. Отношение к проблеме женского предпринимательства / Результаты исследования СРОО «Центр развития женского предпринимательства». Саратов, 2002 [Электронный ресурс]. URL: www.wcons.org.ru/ru/page.php?page_id=148&page_up=0-33k
9. Чирикова А.Е. Дискриминация женского бизнеса: взгляд лидеров женского предпринимательства // Права женщин в России. 2002. № 3–4.
10. Чирикова А.Е. Мифы и реалии женского предпринимательства в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/library/016t-4.htm>

Безработица молодого поколения как подавляющий фактор человеческого развития

Е. БЕГЛОВА, С. НАСЫРОВА

Современное представление о том, что является главной целью развития, сводится непосредственно к благополучию человека [4]. Данное утверждение нашло отражение в Концепции человеческого развития, сформулированной в конце 80-х годов XX столетия.

В соответствии с данной Концепцией человеческое развитие «представляет собой как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей» [8, 10].

Среди базовых показателей, раскрывающих основные аспекты человеческого развития, выделяют, во-первых, продолжительность жизни, смертность, а также в целом показатели, отражающие здоровье нации и систему здравоохранения страны; во-вторых, доступность и уровень образования, грамотности населения; в-третьих, уровень жизни населения, доходы экономических агентов (в том числе на душу населения), неравенство, бедность [2].

Беглова Елена Ирековна, д-р экон. наук, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга Башкирского государственного университета (БашГУ). E-mail: Beglovaelena75@mail.ru

Насырова Светлана Ирековна, канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга БашГУ. E-mail: svitland1@rambler.ru

Каждый из представленных показателей раскрывает ряд человеческих возможностей. Так, первый показатель дает возможность прожить долгую и здоровую жизнь, второй – получать достойное образование, третий – формировать доступ к ресурсам, необходимым для достойной жизни.

Долголетие и образованность сами по себе напрямую открывают перед человеком новые социальные возможности. В то время как уровень жизни опосредованно формирует возможности экономического агента, поскольку достойный уровень жизни является лишь средством для использования возможностей человека. Таким образом, формирование дохода населения через трудовую деятельность, в том числе обеспечение занятости, с точки зрения Концепции человеческого развития имеет ключевое значение для расширения возрастающих возможностей человека.

Исходя из вышесказанного одной из приоритетных сфер государственного регулирования в современной России является занятость населения. Поскольку молодежь – это будущее общества, и доля молодого поколения является весомой в структуре рабочей силы по возрастным группам, соответственно требуется незамедлительная корректировка политики занятости, целью которой в первую очередь станет сокращение безработицы среди молодежи.

Молодежная безработица является самым сложным социально-экономическим явлением: с одной стороны, молодежь формирует ежегодный приток новой рабочей силы на рынок труда, и появление дополнительного числа безработной молодежи становится своего рода индикатором ее социального положения, ее конкурентоспособности. С другой стороны, безработица оказывает на молодых людей более сильное влияние, чем на представителей других возрастных групп. Отсутствие работы способствует распространению алкоголизма и наркомании, увеличению числа преступлений, уменьшению рождаемости, появлению проблем в становлении и развитии личности (что связано с тем, что мировоззрение молодых граждан находится в стадии формирования), вызывая тем самым социальную маргинализацию молодежи. Вышесказанное определяет важность и актуаль-

ность исследования проблематики безработицы среди молодежи с точки зрения негативного воздействия на человеческое развитие.

Анализ состояния обозначенной проблемы в РФ позволяет констатировать, что проблема молодежной безработицы тесно взаимосвязана со структурными сдвигами, происходящими как в национальной, так и в мировой экономике, с демографическими и политическими процессами, с деформациями рынка труда. Мировой экономический кризис и кризис отечественной экономики негативно отражаются на состоянии российского рынка трудовых ресурсов: численность безработных, вычисленная с применением критериев МОТ, увеличилась с 4,13 млн чел. в 2012 г. до 4,5 млн чел. в апреле 2016 г. Проблема занятости молодых кадров также не теряет актуальности: в настоящий момент более 1,5 млн граждан в возрасте до 30 лет не имеют работы [7, 18, 76], трудоустраиваются не более 50 % выпускников ссузов и вузов. Данные статистики свидетельствуют о том, что увеличение безработицы на 1 % приводит к росту преступности на 8 %. Удручающее положение и с наркоманией: 76 % употребляющих наркотики – молодежь [1, 172].

Заметим, что основным источником обновления на рынке трудовых ресурсов являются молодые квалифицированные кадры. Каждый год на данный рынок приходят выпускники средних и высших учебных заведений. При этом на численность занятых в экономике наиболее значительное влияние оказывают выпускники очной формы обучения. Общая численность этой категории составляет около 1 млн человек ежегодно (в 2014 г. численность выпускников из образовательных организаций по программам подготовки специалистов среднего звена, бакалавриата, специалитета и магистратуры, обучавшихся на очных отделениях, составила 844 тыс. чел., в 2010 г. – 1014 тыс. чел.) [7, 203]. Разовый приход на рынок труда после окончания учебного заведения в июле-августе свыше 1 млн выпускников приводит рынок труда в неравновесное состояние, поскольку увеличивает общее число потенциальных работников. Стремление рынка труда к достижению равновесия после прихода основной массы выпускников способствует увольнению в течение 3–4

месяцев неконкурентоспособных работников (согласно данным Росстата, в 2014 г. 58,5 % безработной молодежи трудоустраивается в течение четырех месяцев [6, 81]). Ежемесячное естественно-возрастное выбытие работников не оказывает значимого влияния на динамику численности безработных.

Среди причин, затрудняющих устройство молодежи на работу, в первую очередь следует выделить неадекватную оценку молодежью собственных возможностей на рынке труда, завышающую свою пригодность. Возникает разрыв между трудовыми притязаниями молодых специалистов и возможностями их удовлетворения, между характеристиками действи-

тельной и желаемой работы. Отсутствие практического опыта трудовой деятельности наряду с желанием получать «достойную» по меркам молодежи заработную плату зачастую препятствует их скорейшему трудоустройству. В свою очередь и работодатели повышают требования к квалификационному уровню потенциальных работников и их опыту работы по требуемой специальности, не желая принимать на работу молодых, неопытных работников. Поэтому превышение уровня молодежной безработицы (по возрастной группе до 25 лет) по сравнению с уровнем безработицы старшей возрастной группы (30–49 лет) составляло в 1 квартале 2016 г. 5,5 раза (табл. 1) [5].

Таблица 1

Уровень безработицы по возрастным группам (в процентах от численности рабочей силы соответствующей возрастно-половой группы)

Год	Всего	в том числе в возрасте, лет								
		15-19	20-24	25-29	30-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-64
2010	7,3	31,8	14,9	8,0	6,3	5,6	5,7	5,8	5,1	4,2
2011	6,5	30,8	13,4	7,1	5,6	4,8	5,0	5,3	4,7	3,9
2012	5,5	28,2	13,4	6,1	4,6	3,8	4,1	4,2	3,6	2,7
2013	5,5	26,1	12,6	6,0	4,7	4,1	4,1	4,4	3,8	3,3
2014	5,2	28,0	12,4	5,6	4,5	3,8	3,9	4,1	3,8	3,3
2015	5,6	32,5	14,3	6,6	4,8	4,1	4,0	4,5	3,9	3,1
1 кв. 2016	5,9	36,1	15,0	6,6	5,2	4,4	4,2	4,9	4,0	4,3

Оценивая динамику уровня безработицы различных возрастных групп за период с 2010 г. по 1 квартал 2016 г., следует отметить, что конкурентоспособность старших возрастных групп намного выше по сравнению с конкурентоспособностью молодых. Крайне остро эта проблема стоит перед подростками в возрасте 15–19 лет, у которых минимальные шансы быть принятыми на работу даже без требования квалификации. Согласно данным Росстата, в 2014 г. в РФ самый высокий уровень безработицы был характерен недавним выпускникам школ – сельской молодежи в возрасте 15–19 лет (25,5 %) и городской молодежи (30,1 %), вдвое меньше – среди молодежи в возрасте 20–24 лет – 15,8 % и 11,3 % соответственно. Самый низкий уровень безработицы наблюдается среди граждан в возрасте 40–45 лет – 6,4 % и 2,9 % соответ-

ственно. При этом вероятность стать безработным у молодых людей более чем в три раза выше, чем у граждан более старших возрастных групп. Средний возраст безработных женщин остается на протяжении анализируемого периода неизменным – 35,6 лет, в то время как средний возраст безработных мужчин устойчиво увеличивается – с 35,3 лет в 2010 г. до 36 лет в 2015 г.

По сравнению с советским периодом, когда выпускники высших и средних профессиональных учреждений гарантированно были обеспечены рабочим местом в соответствии со своей специальностью, сегодня государство отказалось от конституционных гарантий права на труд, результатом чего стали отсутствие стабильности, а также социальной интеграции молодежи, перенасыщение рынка труда популярными профессиями и отсутствие на нем

представителей рабочих специальностей (сегодня востребованы квалифицированные рабочие по таким профессиям, как слесари различных видов производств, токари, станочники, фрезеровщики, наладчики оборудования, плотники, монтажники, электромонтеры, водители, швеи), инженерных специальностей самых разных отраслей народнохозяйственного комплекса (инженеры-технологи, инженеры-конструкторы, механики). Большая часть состоящих на учете безработных выпускников учебных заведений имеют юридическое или экономическое образование.

Формирование совершенно новых трудовых отношений, характеризующихся большим разнообразием форм обучения и высоким качеством образования, определяет структуру безработных по уровню образования: доля

безработных после окончания средней школы в марте 2016 г. составила 31 % против 19 % безработных, получивших высшее образование. Кроме того, ситуацию осложняет и недостаток (отсутствие) практических навыков у молодых специалистов. Так, в 2014 г. в общей численности безработных 26,7 % составляли граждане, ранее не имевшие работы. Доля представителей указанной группы имеет тенденцию к сокращению на протяжении всего анализируемого периода (табл. 2). Если в 2010 г. их численность составляла 1417 тыс. чел., то в 2014 г. – лишь 1040 тысяч. Заметим, что в состав этой группы входит преимущественно молодежь, а каждый шестой безработный молодой человек является выпускником учебного заведения (12,9 % – молодежь в возрасте от 15 до 19 лет, 47,4 % – от 20 до 24 лет, 18,8 % – от 25 до 29 лет).

Таблица 2

Численность безработных в соответствии с критерием наличия опыта работы (тыс. чел.) [7, 87]

Год	Всего	в том числе			
		ранее имели работу	из них оставили прежнее место работы в связи с		ранее не имели работу
			высвобождением, сокращением штатов, ликвидацией предприятия, собственного дела	увольнением по собственному желанию	
2010	5544	4127	1355	1342	1417
2011	4922	3613	1016	1141	1310
2012	4131	2920	750	1025	1210
2013	4137	2996	711	1119	1142
2014	3889	2849	665	982	1040

Существующие трудности в области трудоустройства можно объяснить тем, что учебные заведения в большинстве своем ориентированы на передачу учащимся определенных знаний и не достаточно активно готовят будущих выпускников к предстоящей реальной действительности. В результате выпускники приходят на рынок труда после получения профессиональных знаний социально и психологически не подготовленными. Отсутствие практических знаний и навыков, недостаточная информация о требованиях работодателей, неумение грамотно преподнести себя значительно снижают активность выпускников при поиске работы. Молодые люди не обладают навыками самопрезентации, а завышенная

самооценка мешает трудоустройству. В результате они и в дальнейшем опасаются неудач при выборе новой профессии, что провоцирует отказ от предложения нижеоплачиваемой работы как нового профессионального старта.

Безработица среди молодых людей имеет свои специфические отличия: по продолжительности поиска работы она короче, чем у безработных более старших возрастов, в то же время она значительно выше по частоте наступления: чаще всего имеет место фрикционная безработица. Фрикционная молодежная безработица – явление естественное и, на наш взгляд, полезное для самоопределения работника, однако если усиливается циклическая или структурная безработица молодежи, то это

отражается на молодом поколении крайне негативно. Работодатели в период экономического кризиса в первую очередь «освобождаются» от молодых людей как наименее конкурентоспособных работников, не имеющих профессионального опыта и трудового стажа. Они пополняют ряды безработных. В результате в связи с высвобождением уровень безработицы молодежи превышает в несколько раз аналогичный показатель по более старшим возрастным группам, формирующим рабочую силу.

Если кризис продолжительный, безработица среди молодежи приобретает хроническую форму: активность поиска рабочих мест снижается, имеющаяся квалификация теряется. Появляется риск того, что статус безработного сохранится за молодыми людьми и в посткризисный период.

Следует отметить, что безработица молодых людей в большинстве своем имеет селективный характер, она не касается в равной степени всех молодых людей, а концентрируется в отдельных ее группах. Такую группу составляют молодые люди до 30 лет, которые довольно продолжительное время не могут трудиться в связи с тем, что обзаводятся семьей (50 % в структуре безработных по семейному положению в 2014 г. состояли в браке). Это и молодежь из экономически отсталых регионов, и молодые люди без профессионального обучения, и молодежь из социально неблагополучных семей. Зачастую безработица среди указанных групп молодых членов общества способствует сохранению и передаче бедности от одного поколения к другому. Бедность провоцирует ухудшение состояния здоровья не только молодежи, но и ее будущего потомства, определяя тем самым ухудшение качества национального человеческого потенциала [3, 109].

Анализ проблемы безработицы молодежи показал, что несостоявшаяся в самом начале трудовой жизни профессиональная карьера человека может отрицательно сказаться на его дальнейшей судьбе, представляя повышенную социальную опасность. Молодежь в силу своего возраста и неустойчивого положения на рынке труда воспринимает общие беды безработных острее, чем состоявшиеся и опытные работники, более склонна к нравственно-психологическим стрессам. Складывающаяся ситуация, когда за период

обучения и подготовки наступает период безработицы, не только означает «невостребованность» полученного образования, но и определяет деквалификацию работника. Поэтому у молодежи нередко развивается пассивная позиция, проявляющаяся и по отношению к поиску рабочего места, и по выполнению своих должностных обязанностей. Для современной России это реальная угроза формирования «потерянного поколения» – трудоспособных граждан без опыта работы, без практических навыков и желания трудиться, что может спровоцировать нарушение воспроизводства рабочей силы, замедление темпов экономического развития и обострить проблемы человеческого развития в обозримом будущем. А эффективное развитие экономики, стабильность государства и благополучие человека невозможны без платежеспособного населения (молодежи в том числе), в содействии занятости которого должны принимать активное участие региональные власти и органы местного самоуправления.

Литература

1. Беглова Е.И. Безработица молодежи: первоочередная проблема современного рынка труда // Экономические науки. 2010. № 11. С. 172–175.
2. Беглова Е.И., Насырова С.И. Образование как основа человеческого развития // Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2015. С. 220–225.
3. Беглова Е.И. Структура и масштабы бедности в современной России. М.: Экономика, 2011.
4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.
5. Обследование рабочей силы. 1 квартал 2016 года. Ежеквартальный статистический бюллетень [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766
6. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат.сб. / Росстат. М., 2015.
7. Труд и занятость в России. 2015: стат.сб. / Росстат. М., 2015. 274 с.
8. United Nations Development Programme. 1990. Human Development Report 1990. New York: Oxford University Press.

Религиозные символы в конструировании позитивного имиджа Башкортостана

Р. МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ,
Т. НАДЫРШИН

Имидж региона базируется на территориальной индивидуальности, которая включает в себя официальные, «опознавательные» характеристики региона. Территориальная индивидуальность включает в себя характеристику материальных и нематериальных активов региона. К ним относятся природные, демографические, исторические, социальные и культурные особенности региона, а также экономические особенности, организационно-правовые и информационные ресурсы [5, 75; 4, 52; 3, 98; 6, 207]. Новым и определяющим фактором привлекательности того или иного региона все в большей степени становится историко-культурный имидж территории, в частности, этноконфессиональные особенности.

Реальностью Башкортостана уже много веков является этническое и религиозное многообразие. Представители более чем 130 этносов республики исповедуют ислам, христианство различных направлений, иудаизм и др. религии, в том числе возрождающиеся у финно-угорских народов этнические верования.

Башкортостан демонстрирует низкий уровень проблематичности и высокий уровень межконфессиональной толерантности, в республике мусульмане и православные на протяжении нескольких веков имеют позитивный опыт совместного проживания. Уровень терпимости мусульман и православных региона к представителям других религий нашел отражение в исследовании, проведенном Институтом социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан в апреле-мае 2011 г.

По данным опроса, 80 % православных-русских «доверяют» и «скорее доверяют» мусульманам, и 79,7 % мусульман «доверяют» и «скорее доверяют» православным [14, 87]. Более того, 29,5 % назвавших себя мусульманами (в том числе 23,4 % башкир и 36,4 % татар), празднуют христианские Пасху и Рождество; 2,5 % из них (в том числе 2,2 % башкир и 2,9 % татар) соблюдают православные посты [14, 87].

По мнению А.Б. Юнусовой, межконфессиональное согласие в Башкирии опирается на несколько этноконфессиональных групп, интересы которых можно представить в виде канатов, натягивающих шатер: христианский социум представлен в основном русским этническим монолитом, но русская православная церковь не является здесь исключительно доминирующей: среди христиан большой процент занимают старообрядцы, евангельские христиане-баптисты, новые протестанты. Мусульманский социум монолитный в конфессиональном отношении (сунниты, ханафиты) представлен татарами и башкирами, между которыми есть не только этнокультурные различия, но и определенные противоречия. Таким образом, устойчивость «шатра» обеспечивается натяжением всех его сторон, а государственная политика и правовая система составляют его центральную опору [19, 79–84].

Проявлением высокой степени межэтнической и межконфессиональной толерантности и стабильности в республике стали масштабные торжества в честь 225-летия Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ),

Мухаметзянова-Дуггал Регина Массаровна, д-р полит. наук, врио директора Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук (УНЦ РАН). E-mail: mregina@yandex.ru

Надыршин Тимур Маратович, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН. E-mail: timurimp@mail.ru

состоявшиеся в г. Уфе в октябре 2013 г. при участии Президента Российской Федерации В.В. Путина.

В целом в Башкортостане сформирована и реализуется оптимальная модель государственно-конфессиональных отношений. Для этого в республике создана соответствующая законодательная база, организационно-правовые структуры, которые осуществляют взаимодействие государственных органов власти с религиозными организациями, а также лидерами ведущих конфессий Башкортостана.

Основные принципы, на которых основано взаимодействие государства с религиозными объединениями, определены Конституцией Республики Башкортостан и республиканским законодательством о свободе совести. В соответствии с Конституцией «Республика Башкортостан – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13 ч. 1). «Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (ст. 13 ч. 2). Как признано Законом Республики Башкортостан от 20 июня 1991 г. «О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан», приоритетным для государства во взаимоотношениях с религиозными объединениями является выражение уважения к исламу, христианству и к другим религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического, духовного и культурного наследия народов Башкортостана. Государство считает важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и вероисповедания.

В Конституции республики отмечено, что право на свободу совести должно выражаться в праве на исповедание индивидуально или совместно с другими религиями или не исповедание никакой религии; свободный выбор, принятие и распространение религиозных и иных убеждений и действие в соответствии с ними при условии соблюдения закона. Наличие в многонациональной Республике Башкортостан различных конфессий, религиозных верований делает эту конституционную норму особенно значимой для человека. Она обеспечивает свободу выбора религиозных верований или атеистических убеждений.

В Законе «О свободе совести и вероисповедании в Республике Башкортостан», принятом в 1991 г., учтены специфические черты многонациональной республики, конкретизированы особенности правового режима отделения религиозных объединений от государства, четко определены позиции государства в регулировании религиозных отношений, обозначены границы признаваемой и защищаемой свободы совести и свободы вероисповедания. Содержание закона направлено на достижение взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. В законе говорится: «Каждый гражданин Республики Башкортостан самостоятельно определяет свое отношение к религии, вправе единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии». Статья 5 закона объявляет все религии и вероисповедания равными. Установление каких-либо преимуществ или ограничений одной религии или вероисповедания по отношению к другим не допускается. «Республика Башкортостан не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству. Государство не финансирует деятельность религиозных организаций, а также пропаганду атеизма». В соответствии с принципом отделения религиозных организаций от государства религиозные организации «не участвуют в выборах органов государственной власти и управления и в деятельности политических партий», однако «служители религиозных организаций имеют право на участие в политической жизни наравне со всеми гражданами».

В Башкортостане сформирован механизм обеспечения свободы совести. Государственным учреждением, непосредственно взаимодействующим с религиозными организациями, является Совет по государственно-межконфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан. Основными задачами Совета являются укрепление межконфессионального согласия, обеспечение равного отношения

государственных органов к религиозным организациям разного вероисповедания, создание банка данных, экспертно-консультативная помощь государственным учреждениям и религиозным объединениям.

В республике создан и действует Совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Главном управлении Министерства юстиции РФ по РБ. Осуществляя государственную религиоведческую экспертизу, данный Совет решает две основные задачи: определение религиозного характера регистрируемой организации на основании представленных учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики; проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией материалах, относительно основ ее вероучения.

На муниципальном уровне созданы комиссии содействия религиозным объединениям с целью оказания им практической помощи. Председателями данных комиссий являются заместители глав администраций района, членами – депутаты районных и городских (сельских) советов. Руководители религиозных организаций обращаются за содействием в решении целого ряда вопросов непосредственно к членам комиссии. Комиссии содействия религиозным организациям работают согласно плану, ежеквартально проводят заседания.

В Башкортостане сложилась практика конструктивного взаимодействия с научными сообществами при решении наиболее актуальных проблем реализации законодательства в сфере свободы совести, формирования толерантности, изучения истории религий Башкортостана: в Академии наук Республики Башкортостан, Уфимском научном центре Российской академии наук, вузах республики ежегодно проводятся научные и научно-практические конференции, семинары, круглые столы. При поддержке руководства республики в г. Уфе состоялись V республиканская научно-краеведческая конференция «Религии в Башкортостане: история и современность», посвященная 200-летию учреждения Уфимской епархии

Русской православной церкви (1998 г.), круглый стол «Конфессиональная политика в современной России» (2004 г.), научно-практические семинары «Интеграция светского и религиозного образования в едином поликультурном социальном пространстве Волго-Уральского региона» (2004 г.), Встреча руководителей органов государственной власти и управления с представителями мусульманского духовенства Башкортостана «Ислам – религия мира и созидания» (2005 г.), республиканская научно-практическая конференция «Роль дореволюционных учебных заведений в просветительстве народа», проводимая в рамках празднования 100-летия со дня основания медресе «Галия» (2006 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Просветительские традиции ислама в Поволжье: I Фахретдиновские чтения», посвященная 150-летию Ризы Фахретдина (2009 г.), международная научно-практическая конференция «Ислам и государство в России» (2013 г.), посвященная 225-летию ЦДУМ и др. Во всех этих научных формах принимали активное участие представители ислама, православия, протестантских деноминаций. Практика общения между руководителями конфессий, учеными-религиоведами, представителями органов власти и СМИ, совместные рекомендации, выработанные на таких встречах, помогают укреплять взаимоуважение и веротерпимость, предупреждать религиозный и этноконфессиональный экстремизм, сотрудничать в решении гуманитарных и социальных проблем.

Строго соблюдая конституционные нормы светскости государства, республиканские органы власти мобилизуют финансовые ресурсы общества и направляют их на удовлетворение духовных потребностей верующих. Районные, сельские администрации, муниципальные органы оказывают всяческую помощь в ремонте, реконструкции, строительстве культовых зданий. Указом первого Президента Башкортостана М. Рахимова был учрежден попечительский совет, курировавший строительство мечети «Ляля-Тюльпан», восстановление Кафедрального соборного храма Рождества

Богородицы. В настоящее время разработан комплекс мероприятий по восстановлению храма Михаила Архангела в г. Бирске. На сегодняшний день более 200 религиозных организаций функционируют в возвращенных культовых зданиях, 176 – во вновь построенных, 236 – в приспособленных. За последние годы построено более 50 мечетей, которые стали украшением сел и деревень Башкортостана.

Церкви и мечети оказывают важное влияние на осознание облика города, на имидж республики в целом. Их значимость определяется не только еженедельными посещениями верующих, но и целым рядом других направлений их деятельности, которые могут носить образовательный и воспитательный потенциал.

На сегодняшний день существуют несколько проектов, которые дают представление о духовной истории столицы Башкортостана. Уникальным ресурсом является сайт, где систематизирована информация о культурных кодах города Уфы [8]. На данном ресурсе официальные факты дополняются событиями, историями, воспоминаниями, фотографиями, документальными фильмами, связанными с определенным объектом. Среди них есть немало религиозных сооружений – Центральная соборная мечеть, Евангелическо-Лютеранская церковь, Кафедральный соборный храм Рождества Богородицы и многие другие.

Многие из этих сооружений имеют сложную судьбу восстановления исторической справедливости. Большинство религиозных культовых зданий города меняли свою функцию в советские годы, и лишь в начале 1990-х гг. им был возвращен первоначальный статус. К сожалению, многие жители города и гости столицы Башкортостана не знакомы с этим сайтом. На наш взгляд, необходимы совместные усилия глав религиозных организаций для создания рядом с мечетями и церквями баннеров, посвященных истории памятных мест. Многие из церквей и мечетей города имеют поблизости магазины, продающие религиозную атрибутику. Большинство произведений, продающихся здесь, носит миссионерский характер. Историки религии в основном обращают внимание на отдельные

сюжеты взаимоотношений власти и духовенства в советские годы. Запрос верующих же связан с желанием встретиться с живыми примерами новомучеников и исповедников. Неслучайно Митрополит Иларион в своих книгах, фильмах, интервью говорит о том, что именно благодаря им Русская Православная Церковь выстояла и смогла выжить в тяжелые для нее времена. Тот же самый пример применим и к истории ислама в регионах страны. Пока было не так много изданий, посвященных репрессированным представителям духовенства из Республики Башкортостан. Воскрешение истории пастырского подвига священников и имамов заложит значительный фундамент в духовное развитие верующих страны. Реальные истории, имена, примеры более историчны, осязаемы и духовны, чем несколько разлагающая практика к псевдосакральным объектам [15].

По состоянию на 1 января 2016 г. в Уфе функционируют более 20 православных церквей и 20 мечетей. Некоторые в ближайшие годы вступят в строй. Для верующих одиннадцатого по населению города страны, церкви и мечети являются не только архитектурными сооружениями, но и центрами, с которыми тесно связана их жизнь.

Некоторые мечети и церкви находятся рядом с местами захоронения. Например, это мусульманское кладбище рядом с мечетью «Гуфран». В Париже проводятся экскурсии к кладбищу «Пер-Лашез». Двухчасовая экскурсия по некрополю великих французов стоит 150 евро [2]. В Москве проводят экскурсии к Ваганьковскому и Новодевичьему кладбищам. Там же продаются и путеводители. В Уфе известно мусульманское кладбище – место захоронения крупнейших представителей башкирской и татарской национальной элиты. Территория кладбища в 2012 г. получила статус историко-мемориального объекта.

В современной ситуации церкви и мечети не должны рассматриваться исключительно как места поклонения. Поэтому религиозные объекты часто выполняют социальную функцию. Яркий пример – это Свято-Пантелеимоновский храм, находящийся в Орджоникидзевском районе г. Уфы. 27 января 2002 г. при храме

протоиереем Виктором Ивановым был организован Православный военно-патриотический клуб (ПВПК) «Александр Невский». Для младших ребят работает ПВПК «Даниил Московский». В клубе занимаются дети с 5 до 12 лет, обучаются рукопашному бою и боевому самбо, тренируют выносливость, выдержку и взаимовыручку. Каждый квартал совместно со старшим составом (и родителями, по желанию) проводятся военно-полевые сборы, где отрабатываются навыки выживания в сложных ситуациях, стрельба, действия в режиме чрезвычайных ситуаций и основы спасательных работ, а также оказание первой доврачебной помощи. Летом организуются военно-полевые лагеря. Подростки воспитанники переходят в клуб «Александр Невский», где с ними занимаются уже более серьезно, включая прохождение полосы препятствий, прыжки с парашютом и плавание [12]. Эта работа вносит значительный вклад в развитие подрастающего поколения. Кроме того, при храме два раза в неделю проводятся курсы для беременных. Задачи курсов – подготовить женщин, готовящихся стать мамами, к родам и правильному уходу за малышами [10]. Канал активно освещает свою деятельность в социальных сетях и на видеохостинге в Youtube [1].

В связи с внедрением курсов «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» возросла роль церквей и мечетей во внеклассной работе. Учителя в рамках курсов проводят экскурсии в храмы и мечети. Перед тем, как посетить храм или мечеть, учителя рассказывают учащимся правила поведения и этикета в религиозных местах. Экскурсию внутри храмов часто проводят сами представители духовенства [11]. Кроме презентаций, просмотра фотографий, некоторые учителя используют на уроках виртуальные туры и аэрофотопанорамы. На настоящий момент есть несколько церквей и мечетей Башкортостана, которые школьники могут посетить в онлайн-режиме, среди них Свято-Успенский Кафедральный Собор, расположенный в Салавате. На сайте «Виртуального Башкортостана» два религиозных сооружения – это Кафедральный соборный храм Рождества Богородицы и мечеть «Ляля-

Тюльпан» [7]. Здесь эти здания можно увидеть с высоты птичьего полета. Другим направлением работы храмов является дошкольное образование. Помимо обучения Закону Божьему, эта деятельность представлена уроками церковного пения, прикладной и театральной работой, рисованием. Отдельные церкви Уфы занимаются организацией праздников и утренников для детей прихожан. Векторы работы церквей и мечетей с детьми школьного возраста несколько разнообразнее. При воскресных школах г. Уфы есть ряд направлений подготовки для школьников разных групп. Это церковные предметы, среди них «Храмоведение», «Литургия», «История церкви», «Основы христианской нравственности» и многие другие. Другая линия работы воскресных школ – это творческое воспитание, так, функционируют декоративно-прикладные кружки, кружок церковного пения, батика, театральная студия, шахматный кружок. Различные воскресные школы в зависимости от возможностей предлагают свою программу для младших, средних и старших групп [16].

В настоящий момент в стране ведется сбор средств на разработку учебно-методического комплекта к курсу «Закон Божий» для воскресных школ в соответствии со «Стандартом учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории РФ» [13]. При мечети «Ляля-Тюльпан» действует факультет основ вероучения и истории ислама Российского исламского университета. Отдельные уроки для верующих по чтению Корана и мусульманскому вероучению проводят большинство мечетей города. При религиозных организациях г. Уфы активную работу ведут молодежные отделы, занятые просветительской работой. При Соборе Рождества Богородицы создано движение «Православные добровольцы Башкортостана», встречи представителей которого проходят каждую неделю. На них молодежь проводит просветительские разговоры со священником на актуальные темы верующей молодежи. Кроме того, периодически проводятся культурные и спортивные мероприятия, организуются паломнические и труднические поездки в монастыри, ремонт и уборка церкви и храмовых территорий. Кроме того, созданы

движения «Покров», «Кириллица», а также молодежные клубы при Храме Матроны Московской и Храме Илии Пророка [17]. Крупным мероприятием в 2017 г. станет XX Православный международный фестиваль «Братья», который пройдет в г. Салават с 5 по 12 февраля. Данный форум будет включать в себя обширную программу, включающую духовные и развивающие мероприятия: спорт, экскурсии, игры, встречи с представителями других конфессий, чаепития, концерты, балы, паломничества, молитвы, фильмы и т.д. Участие на данном форуме за исключением священнослужителей платное [2]. При Центральном духовном управлении мусульман России есть движение «Гибадуррахман», задачами которого являются: укрепление позиций традиционного ислама в духовно-нравственном возрождении общества; помощь нуждающимся; профилактика экстремизма, радикальных течений и нетерпимости; популяризация спорта и здорового образа жизни среди мусульман; экологические акции [9]. В рамках Духовного управления мусульман Республики Башкортостан действует молодежный отдел, созданный в 2009 г. по инициативе муфтия Нурмухамета Нигматуллина. Отдел за несколько лет работы участвовал в организации важных мероприятий, среди них Республиканские форумы мусульманской молодежи «Ислам. Молодежь. Будущее»; Республиканская духовная акция «Ислам против экстремизма!»; Республиканский молодежный Слет «Диалог религий – основа национального единства»; благотворительные концерты в детских домах и домах престарелых; программа «Здоровая молодежь»; программа «Успешный студент»; ежегодная акция «Эстафета Дружбы» по пропаганде толерантности в молодежной среде и ряд других проектов. Упомянутые молодежные религиозные организации находятся в контакте друг с другом и принимают совместное участие в ряде мероприятий. Участие в молодежных движениях духовных организаций – важный компромисс для обеспечения поддержки верующих. Членство в молодежных движениях является свободным, оно не включено в рамки официального духовного образования, поэтому это шанс для самореализации активной деятельной верующей молодежи.

В заключение необходимо отметить, что церкви и мечети столицы и других городов республики являются важным образовательным ресурсом. Социальная работа церквей и мечетей выполняет функцию в первую очередь религиозной социализации жителей города. В поле зрения духовных объединений города стоят дети и молодежь, и поэтому церкви и мечети занимаются развитием творческих, спортивных способностей юных прихожан. Социальные проекты религиозных организаций преимущественно автономны и их деятельность затрагивает лишь узкую группу общин верующих. В отдельных случаях проекты религиозных организаций носят внеконфессиональный характер. На наш взгляд, необходима популяризация духовных центров как объектов культурного наследия; социальные и образовательные направления работы церквей и мечетей должны быть поддержаны на административном уровне, что, безусловно, положительно скажется на конфессиональном климате в регионе и имидже республики.

Литература

1. Александр Невский. Информация о канале [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/user/pvpoan/about>
2. «Братья – Зимой 2017» Россия, Республика Башкортостан, г. Салават [Электронный ресурс]. URL: <http://zima.bratia.ru/zapis.html>
3. Важенина И.С., Важенин С.Г. Имидж как конкурентный ресурс регион // Регион: экономика и социология. 2006. № 4.
4. Важенина И.С. Имидж и бренд региона, сущность и особенности формирования // Экономика региона. 2008. № 1.
5. Важенина И.С., Важенин С.Г. Имидж и репутация как стратегическая составляющая нематериальных активов территории // Экономика региона. 2010. № 3.
6. Важенина И.С. Имидж, репутация и бренд территории. С.206
7. Виртуальный Башкортостан [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://virtualrb.ru/ru/component/k2/item/36>
8. Культурные коды нашего города [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qr-ufa.info/>

9. Общественное движение Гибадуррахман [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/gibadurrahman>
10. ПВПО «Александр Невский» при Свято-Пантелеимоновском храме г. Уфы [Электронный ресурс]. URL: <http://pvpo.ru/index.php/kursy-dlya-beremennykh/92-kursy-dlya-beremennykh>
11. ПМА, Республика Башкортостан. 2012–2016.
12. Православный военно-патриотический клуб «Даниил Московский» [Электронный ресурс]. URL: <http://pvpo.ru/index.php/pvpk-daniil-moskovskij>
13. Сбор средств на «Проект создания Единого учебно-методического комплекта для воскресных школ» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravobraz.ru/campaign/sbor-sredstv-na-proekt-sozdaniya-edinogo-uchebno-metodicheskogo-komplekta-dlya-voskresnykh-shkol/>
14. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. М.: Институт социологии РАН, 2012.
15. Тузбеков А.И. Памятники археологии в формировании новых сакральных пространств Южного Урала // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. С. 114–116.
16. Уфимское благочиние. Воскресные школы [Электронный ресурс]. URL: <http://ufimskoe.blagochin.ru/voskresnye-shkoly/>
17. Уфимское благочиние. Молодежные клубы [Электронный ресурс]. URL: <http://ufimskoe.blagochin.ru/molodezhnye-kluby/>
18. Экскурсия по кладбищу знаменитостей Пер-Лашез [Электронный ресурс]. URL: <http://excursio.com/ru/excursion/188739.html>
19. Юнусова А.Б. Системообразующие факторы межконфессионального согласия и толерантности в поликонфессиональном Башкортостане // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: Башкортостан – евразийская модель межконфессионального согласия и толерантности. Уфа, 2002. С. 79–84.

Сельская бедность в регионе: специфика, причины и пути сокращения

Р. КАРИМОВА, Р. ЯППАРОВА

Проблема сокращения бедности в современных условиях является одним из основных направлений социальной политики ряда стран мира. Она имеет универсальный характер – в том или ином виде бедность свойственна любой экономической системе, любой стране. В Российской Федерации, несмотря на значительные успехи в плане повышения уровня жизни населения в последнее десятилетие, проблема бедности населения не переставала быть одной

из самых злободневных. В условиях современного социально-экономического кризиса решение задачи снижения уровня материальной обеспеченности стала особенно актуальной.

Экономический и социальный Совет ООН предложил следующее определение бедности: «К бедным относятся лица, семьи, группы лиц, ресурсы которых являются столь ограниченными, что не позволяют им вести минимально приемлемый образ жизни в государствах,

Каримова Регина Мажитовна, канд. социол. наук, ведущий специалист отдела статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

Яппарова Розалия Рависовна, канд. социол. наук, начальник научно-исследовательского отдела Центра гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан. E-mail: yapparova@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Академии наук РБ в рамках научного проекта «Сельская бедность в условиях глобальных вызовов: региональный аспект», проект № 15-12-02018.

в которых они живут» [1, 11]. Бедность всегда относительна, ее острота и глубина в обществе зависят от уровня экономического развития, объема произведенного продукта и накопленного богатства, производственного потенциала, способов распределения материальных благ и дохода [3, 49]. В каждой стране бедность имеет свою специфику. Необходимо отметить, что перечисленные ниже особенности российской бедности в полной мере характерны и для ее регионов, в том числе для Республики Башкортостан.

В отличие от развитых западных стран в России высока доля бедных среди работающего населения. Это обусловлено относительно низкой заработной платой в большинстве отраслей экономики страны. Самыми низкооплачиваемыми отраслями являются образование, здравоохранение, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Разница в оплате труда является существенным фактором социальной дифференциации населения. Более того, в последнее десятилетие сохраняется устойчивая дифференциация в уровне оплаты труда по различным отраслям производства, сложившаяся к началу 2000 г. Это говорит о кристаллизации социального неравенства по различным видам экономической деятельности.

Специфика российской бедности заключается также в том, что основным источником доходов преобладающего большинства

населения страны выступает именно заработная плата. Причем роль заработной платы в формировании доходов играет более значимую роль именно в низкодоходных и среднедоходных группах. По причине финансовой безграмотности большинство российских граждан живут на одну зарплату, не имея представления о других источниках дохода.

Следующей особенностью российской бедности является глубокая региональная и социальная дифференциация населения по уровню доходов, соответственно, уровню и качеству жизни. Сырьевая ориентированность экономики способствует тому, что регионы, обладающие богатыми природными ресурсами, независимо от качества регионального менеджмента, имеют больше возможностей по обеспечению приемлемого уровня материального благосостояния своего населения.

Говоря о специфике российской бедности, нельзя обойти вниманием тот факт, что большинство аграрных регионов России, отличающихся высокой долей сельского населения и высокой долей занятых в сельском хозяйстве, имеют также высокие показатели бедности населения. Так, проведенная нами многомерная классификация социально-экономических показателей развития регионов РФ позволила выделить пять кластеров с достаточно резко отличающимися характеристиками развития (табл. 1).

Таблица 1

Среднекластерное значение показателей социально-экономического развития регионов

	I	II	III	IV	V
Удельный вес сельского населения в общей численности населения, %	47,3	31,1	28,8	19,5	10,5
Удельный вес занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых в экономике, %	16,6	12,5	10,6	5,6	3,9
Среднедушевой денежный доход населения	14504	19799	25036	31152	40575
Уровень бедности, %	21,3	13,0	11,6	11,5	10,8
Уровень зарегистрированной безработицы, %	2,9	1,6	1,2	1,3	0,9

Анализ таблицы показывает, что высокая доля сельского населения оказывает существенное влияние на общий уровень жизни населения данной территории.

Следует более подробно рассмотреть проблему бедности сельского населения

региона, так как сложившаяся ситуация по объективным причинам будет способствовать уменьшению доли сельского населения, прежде всего населения в трудоспособном возрасте. Также она влияет и на стратегические установки политики региональных лидеров. В то же время

именно село, его демографическое и экономическое благополучие в известной мере определяют продовольственную безопасность страны, что в условиях современных вызовов является первостепенной задачей государства.

Сельская территория также играет важную роль в сохранении национального разнообразия, так как именно здесь происходит передача традиций, образа жизни различных этносов от поколения к поколению.

Еще одной особенностью сельского населения являются более традиционные семейные, брачные и репродуктивные ценности и установки. Здесь отмечаются более высокие показатели рождаемости, брачности, ниже уровень разводов. С точки зрения воспроизводства человеческого капитала именно сельская семья при создании определенных условий может решить проблему депопуляции нации.

В целях анализа проблемы бедности в регионе в рамках работы над грантом РГНФ «Сельская бедность в условиях глобальных вызовов: региональный аспект» нами были проведены ряд исследований среди экспертов – глав муниципальных образований республики и специалистов государственных органов, ответственных за развитие сельских территорий. Также совместно с Башкортостанстатом в рамках бюджетных обследований домохозяйств был проведен опрос сельских и городских жителей. Результаты опросов отражены в данной статье.

Республика Башкортостан по итогам процедуры кластеризации вошла в III кластер, характеризующийся относительно благоприятными показателями. Однако несмотря на наличие богатых природных ресурсов и развитую промышленность регион по ряду социально-экономических показателей отстает от соседних

субъектов. Низкая производительность труда, невысокая заработная плата и в целом низкий уровень доходов сельчан, доля которых составляет почти 40 % от населения республики, отражаются на общей социально-экономической ситуации в регионе.

В уровне доходов сельских и городских домохозяйств республики наблюдается существенный разрыв не в пользу сельчан, который сложился еще в дореформенный период. Разница в доходах обусловлена, прежде всего, глубокой дифференциацией в уровне заработной платы в аграрном секторе и других отраслях экономики, являющихся традиционными сферами приложения труда сельчан. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий и организаций сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства на протяжении ряда лет не достигала и 40 % средней заработной платы по республике. В последние годы она составляет чуть более половины среднереспубликанского уровня оплаты труда.

В то же время, несмотря на достаточно низкие доходы, доля опрошенных среди сельского населения, оценивших себя как бедных, значительно ниже официальных данных. Возможно, в сознании населения это слово равноценно категории «нищие». Именно поэтому в эту категорию себя включает незначительная часть населения. В связи с этим в дальнейшем при анализе социального положения и установок «бедных» сельчан авторы предлагают рассматривать также ответы респондентов, причисливших себя к малообеспеченному слою. Таким образом, по субъективным оценкам, в сельской местности почти 40 % населения можно отнести к категории бедных.

Таблица 2

**Социальное положение сельчан по их самоопределению
(в % к числу опрошенных)**

Социальный слой	Удельный вес
Бедные	3,5
Малообеспеченные	32,9
Среднеобеспеченные	62,2
Высокообеспеченные	1,4
Всего	100

Правильность отнесения респондентами себя к определенному социальному слою предлагается проверить путем сопоставления полученных данных с фактическими доходами. В качестве таковых мы используем показатель располагаемых ресурсов, представляющий собой объем средств (денежных и натуральных), которыми располагали домохозяйства для обеспечения всех своих расходов и создания сбережений. Корреляционный анализ показал значимую сильную положительную связь между показателями «децильная группа по среднему душевому располагаемым ресурсам» и «социальный слой» (0,785). Для обеих переменных использовались номинальные шкалы (для первой – от 1 до 10, для второй – от 1 до 4, от наименьшего значения показателя к наибольшему).

Наличие связи между показателями наглядно демонстрирует таблица сопряженности. Так, заметно, что в категории «бедные» в боль-

шей мере представлены менее обеспеченные децильные группы (табл. 3).

Нами были проверены фактические среднедушевые располагаемые ресурсы в зависимости от того, к какому слою отнесли себя респонденты¹. Из таблицы 4 видно, что чем выше значение показателя «располагаемые ресурсы», тем с более доходным слоем идентифицирует себя респондент. Вполне предсказуемо, что выше и доходы горожан по сравнению с доходами сельчан, и разница между ними по социальным слоям.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что население вполне адекватно оценивает свое социальное положение.

Если рассматривать долю населения, определившего себя как «бедные» в территориальном разрезе, следует отметить, что в селе их несколько меньше, чем в городе, особенно в столице.

Таблица 3

**Распределение децильных групп по среднему душевому располагаемым ресурсам в зависимости от социального слоя
(в % к числу ответивших соответствующей группы)**

Децильные группы*	в зависимости от социального слоя:			
	Бедные	Мало-обеспеченные	Средне-обеспеченные	Высоко-обеспеченные
I	36,4	11,7	9,0	–
II	13,6	14,1	10,3	–
III	4,5	9,2	10,3	22,2
IV	4,5	9,2	11,8	–
V	18,2	12,1	11,0	–
VI	13,6	11,7	8,5	44,4
VII	4,5	9,2	10,3	11,1
VIII	–	6,3	11,8	–
IX	–	12,6	7,9	–
X	4,5	3,9	9,2	22,2
Всего	100	100	100	100

* I – 10 % населения с наименьшими располагаемыми ресурсами, X – 10 % населения с наибольшими располагаемыми ресурсами.

Таблица 4

**Среднедушевые располагаемые ресурсы
в зависимости от социального слоя (в рублях)**

	в зависимости от социального слоя:			
	Бедные	Малообеспеченные	Среднеобеспеченные	Высокообеспеченные
Город	15534	15999	19487	22612
Село	11278	14871	16555	19054

¹ Поскольку процентное значение модальной величины мало, было использовано среднее арифметическое.

Таблица 5

**Распределение по социальным слоям в территориальном разрезе
(в % к числу ответивших соответствующей группы)**

	в зависимости от социального слоя:				Всего
	Бедные	Мало-обеспеченные	Средне-обеспеченные	Высоко-обеспеченные	
Город	1,8	40,3	57,9	–	100
Село	3,5	32,9	62,2	1,4	100
Уфа	8,4	37,1	53,9	0,6	100

Таблица 6

Мнение респондентов о величине дохода (в рублях)

	Город	Село
Наименьший доход на одного члена семьи	17765	14521
Доход средних слоев на одного члена семьи	32512	26868
Минимальная заработная плата	27396	23193
Средняя заработная плата	45831	37197
Высокая заработная плата	96674	73300
Минимальная пенсия	21178	19087
Нормальная пенсия	31626	27292

Если объединить их в одну группу с малообеспеченными гражданами, следует отметить, что наблюдается аналогичная закономерность: 36,4 % в селе против 45,1 % и 42,1 % в столице и других городах соответственно (табл. 5).

Когда респондентам задали вопрос о справедливой желаемой величине дохода, то выяснилось, что по всем его видам уровень желаемых доходов сельчан ниже, чем у горожан (табл. 6).

По всем видам доходов отмечено отсутствие или наличие слабой связи между величиной фактических доходов и желаемых (не более 0,140). При этом было выявлено наличие сильной корреляции между называемыми сельчанами видами доходов. Из этого можно сделать вывод о том, что более высокие величины отметили респонденты с более высоким уровнем социальных ожиданий.

Таким образом, сельское население имеет более низкие доходы и более низкий уровень желаемых доходов, что объясняется более низким уровнем притязаний сельчан.

Одним из основных факторов бедности сельского населения является развал крупных сельскохозяйственных предприятий: колхозов и совхозов, который проявился в существенном сокращении рабочих мест и росте безработицы.

Сформировалась последовательная цепочка событий: развал сельскохозяйственных предприятий – ликвидация животноводческих комплексов и ферм, машиноремонтных мастерских и других производств – снижение занятости и рост безработицы – сокращение и уменьшение размеров сельских поселений [2, 30–31]. Результаты опроса, проведенного среди населения республики, говорят о том, что большинство граждан негативно оценивают состояние сельского хозяйства региона. По мнению 35,9 % опрошенных, сельское хозяйство в республике приходит в упадок, примерно каждый четвертый отметил, что данная сфера «находится в стадии стагнации» (28,3 %).

Мнение населения подтверждают результаты опроса экспертов – работников государственных органов, курирующих вопросы развития АПК в регионе. Более половины опрошенных указали, что аграрная политика в Республике Башкортостан малоэффективна, и еще 6,5 % экспертов считают, что такой политики вообще нет. Около 70 % опрошенных экспертов также отметили низкую эффективность реализации программы «Устойчивое развитие сельских территорий Российской Федерации на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». Таким образом,

как население, так и эксперты считают, что сельское хозяйство на сегодняшний день находится в не самом лучшем состоянии, а реализуемые программы недостаточно эффективны.

Следующим важнейшим, на наш взгляд, фактором, влияющим на уровень социально-экономического развития сельских территорий и уровень жизни населения, является оптимизация социальных объектов в сельской местности, которая привела к «свертыванию» социальной инфраструктуры села и в конечном итоге – к дезорганизации сложившегося расселения сельского населения.

Закрытие «неэффективных» школ, медицинских пунктов, клубов и т.п. нарушило сложившиеся оптимальные показатели плотности и размеров сельских поселений. За этим последует дальнейший процесс сокращения числа небольших сельских поселений и рост концентрации сельского населения в крупных селениях [2, 30].

Оптимизация социально-культурных учреждений является настоящей «головной болью» для муниципальных управленцев. Так, по результатам опроса глав администраций муниципальных образований, проведенного в феврале 2016 г., наиболее сложными вопросами в их работе в 2014–2015 гг. оказались недостаток бюджета и финансов (24,1 %), проблемы ЖКХ (24,1 %), привлечение инвестиций и инвесторов (22,2 %), строительство и содержание дорог (20,4 %), оптимизация учреждений социально-культурной сферы (18,5 %) и другие.

Наряду с традиционными факторами бедности сельского населения значительную роль в обнищании граждан играет также социально-экономический кризис. В целом половина населения при оценке общей социально-экономической ситуации в республике в текущем году отмечает ее ухудшение (36,2 % опрошенных отметили, что ситуация скорее ухудшилась, 13,3 % – существенно ухудшилась). Результаты других наших опросов подтверждают значительное влияние общей социально-экономической ситуации на уровень жизни сельчан [4; 5].

Интересным с точки зрения сравнения представляются ответы населения и экспертов о причинах бедности. Если само население упоминает объективные причины – низкие заработные платы (66,1 %), безработицу, отсутствие работы по специальности (35,5 %), то эксперты среди главных причин бедности называют, прежде всего, личностные особенности: пагубные привычки и лень, только потом уже причины, связанные с системным кризисом в экономике в целом и сельском хозяйстве в частности.

В то же время около 70 % экспертов считают, что размер населенного пункта влияет на материальное положение его жителей. Таким образом, ответы экспертов оказались неоднозначны. С одной стороны, они считают, что материальное положение жителей коррелирует с размером населенного пункта, с другой стороны, они видят причины бедности сельчан в самом их поведении, образе мыслей и жизни.

Необходимо отметить, что чувство безысходности, неверие в собственные силы – следствие хронических кризисных явлений на селе. С нашей точки зрения, на селе уже сформировался так называемый «порочный круг бедности», заключающийся в том, что низкий уровень жизни населения, с одной стороны, является следствием и конкретным проявлением социально-экономических проблем, характерных для современного села; с другой стороны, выступает как активный фактор, в свою очередь формирующий социальные проблемы населения.

Среди основных направлений решений проблемы бедности¹ на селе главы администраций муниципальных образований республики назвали следующие: государственная поддержка системы АПК, ЛПХ; разработка долгосрочной («минимум на 30 лет») программы развития села, в том числе с элементами ликвидации неперспективных сельских населенных пунктов; возрождение сельскохозяйственных предприятий (по типу колхозов);

¹ В анкете респондентам самим предлагалось написать предложения по сокращению сельской бедности.

создание новых КФХ, развитие предпринимательства; расширение программы поддержки малого и среднего бизнеса; организация системы закупок сельскохозяйственной продукции на местах и ее реализация в дальнейшем в городских населенных пунктах («95 % крупных торговых точек принадлежат крупному зарубежному капиталу, который поддерживает зарубежных фермеров»); обеспечение доступа к приобретению техники по лизингу; модернизация производства и системы сельского хозяйства («примитивный тяжелый труд отталкивает молодежь от села»); привлечение в сельские районы крупных индустриально направленных современных перерабатывающих производств аграрной специализации; создание новых производств; повышение привлекательности сельского труда и профессий; увеличение числа участников программы «начинающий фермер»; установление «хороших» цен на сельхозпродукцию. Многие главы считают, что среди сельских жителей высока доля тех, кто беден по причине собственной лени, пассивности, алкоголизма. Поэтому в ответах руководителей администраций муниципальных образований встречались такие предложения, как принятие решительных мер по борьбе с тунеядством, изыскание способов принудительного труда, лечения от алкоголизма («Ссылка на нехватку рабочих мест не должна быть основанием не трудиться. Сегодня в районе реальная нехватка рабочих мест. Пора каждому трудоспособному населению подавать декларацию, на что он живет»).

Таким образом, сокращение бедности возможно путем обеспечения устойчивого экономического роста и создания условий для наиболее полной реализации человеческого потенциала; проведения эффективной социальной

политики, направленной на содействие снижению безработицы и обеспечение государственной поддержки населения.

Бедность сельского населения – это не проблема отдельного региона, это проблема федерального уровня. Без ее комплексного решения на самом высоком уровне отдельный регион не может сильно продвинуться в решении этой сложной задачи, так как здесь нужны комплексные институциональные меры.

Литература

1. Голубенко И.В. Преодоление бедности: зарубежный опыт и российская практика: автореф. дис. ...канд. экон. наук. М., 2007.
2. Галин Р.А. Расселение сельского населения как фактор развития сельского хозяйства // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 5. С. 28–33.
3. Яппарова Р.Р. Бедность в зарубежных странах: методы измерения и пути преодоления // Бедность в трансформационный период: причины, проявления, последствия. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2008. С. 49–62.
4. Яппарова Р.Р. Особенности бедности сельского населения в условиях кризисных явлений в экономике // Антикризисная политика и опыт левых сил: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого, А.В. Овечкиной, И.В. Фроловой. Уфа : БАГСУ, 2015.
5. Яппарова Р.Р. Уровень жизни сельского населения в условиях кризиса российской экономики (по материалам социологических исследований) // Власть, политика, экономика в современной России: федеральный и региональный аспекты: коллект. моногр. /под ред. И.В. Фроловой. Уфа: БАГСУ, 2015.

Проблема архаизации социокультурной общности: критерии оценки

И.ДЕМИЧЕВ

Рассматривая архаизацию как специфический феномен «регрессии» в институционально-дискурсивной практике данной социокультурной общности, возникающий в силу исчерпания возможности воспроизводства структур «современности» и прежде всего структур «индустриального» типа общественного устройства, способного быть инициированным различными факторами, нельзя не ставить вопрос о критериях оценки уровня архаизации. Очевидна сложность выявления таких критериев, поскольку в условиях такого модернизационного кризиса формируются одновременно две тенденции: его преодоления на новом, более высоком уровне организации социальной системы, а также адаптация элементов ее к наличным, ухудшающимся условиям – причем обе эти тенденции будут неизбежно сочетаться с распадом существующих групп и отношений.

Особый интерес представляет, очевидно, вторая тенденция. Будучи адаптацией общностей к сокращающимся потокам социальных, материальных и культурных благ, деградации институционально-дискурсивной системы, она порождает иное состояние людей и их объединений [13]. Учитывая, что данные отношения складывались в условиях расширения потоков благ как в качестве их обеспечения, так и в качестве их использования, сокращение последних неизбежно будет образовывать тенденции указанного выше «регрессии», формированию отношений, типологически сходных с отношениями предыдущего, домодернизационного уклада социальной системы, в силу чего их и можно обозначить как «архаику», а процесс, соответственно, – как архаизацию. При этом следует отметить, что процессы архаизации могут развиваться довольно противоречиво и

неравномерно, в разных сферах общества и культуры, на разных уровнях общества – в разных формах и с разной скоростью.

Исходя из этого простой констатации распада текущей системы, ее институтов и общностей совершенно недостаточно для диагностирования процессов архаизации. Под архаизацией мы будем понимать просто формы, глубину и скорость протекания самого кризиса модернизации, но не будет давать картины изменений в социальных и культурных отношениях, компенсирующих распадающиеся. Последние могут иметь как «прогрессивный», так и «регрессивный» характер.

Так, например, усложнение информационных процессов и увеличение их масштабов при становлении индустриального общества сопровождалось формированием такого специфического феномена, как «публичная библиотека» [9, 20–23]. В каком-то смысле распространение публичных библиотек и увеличение частотности их посещения выступало определенным индикатором модернизационного процесса, отражающего одновременно комплекс параметров: рост грамотности, увеличение интереса к специальной и общей литературе и т.п. Однако будет ли в современных условиях сокращение количества публичных библиотек и их посетителей маркером архаизации? Не будет, поскольку с ростом объемов книг в домашних библиотеках, появление онлайн-библиотек и массовый доступ к сети Интернет в значительной мере сокращает потребность в библиотеках публичных – возможно, даже в большей мере, чем просто упадок грамотности и утрата возможностей или интереса к литературе. С другой стороны, и сам институт библиотек трансформируется в многофункциональные культурные центры [10, 21–29].

Демичев Илья Валерьевич, канд. филос. наук, научный сотрудник Центра социокультурного анализа Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: senmerv@mail.ru

Исследование проведено в рамках гранта РГНФ № 15-13-02001 а(р) «Архаизация российских регионов как социальная проблема (на примере Республики Башкортостан)».

Таким образом, для выявления критериев архаизации необходимо не только отслеживать сокращение базовых для социальной системы, входящей в ситуацию кризиса, параметров, но и рост параметров, которые характеризовали бы как модернизационные изменения, так и изменения архаизирующие.

Исчерпание возможностей эффективного функционирования текущего типа общества (индустриального общества, общества модерна и т.п.) означает, с одной стороны, сокращение объемов производства, распределения и потребления соответствующих социальных, материальных и культурных благ, упадок обеспечивающих их социальных, технических и управленческих систем. Соответственно, все существующие социальные общности, включенные в социальную систему, будут испытывать кризис – как в плане потребления благ, так и с точки зрения инкорпорирования в социальное целое. Это, в свою очередь, означает, с одной стороны, рост социальной конфликтности в целом, поскольку усиливается конкуренция за сокращающийся объем благ; с другой стороны, «выдавливание» проигравших конкурентную борьбу общностей из системы производства, распределения и потребления благ, что резко меняет их образ жизни – объемы и уровни потребления, формы взаимодействия, общий уровень культуры (знаний, умений, навыков; объемов и форм коммуникации и т.п., вплоть до этики отношений); с третьей – стремление некоторых общностей переформатировать социальные отношения и культурные установки на некоторых новых принципах, которые позволили бы не только скомпенсировать вызванные кризисом сокращения, но и расширить объем и повысить качество производимых и потребляемых благ.

Отталкиваясь от предположения о ресурсной недостаточности, инициированной рассматриваемым кризисом, можно сделать несколько заключений в отношении общей модели поведения общностей в составе социальной системы.

Ранее стабильная и воспроизводящаяся общность, по мере сокращения ее инкорпорирования в отношения производства, распределения и потребления благ, должна испытывать следующие процессы.

Во-первых, это, очевидно, сокращение количества ее членов, стабильно включенных в отмеченные выше отношения – общность разделяется на две неравные группы: выбывающих из процессов и остающихся в них. Это инициирует, с одной стороны, усиление внутренней конфликтности, поскольку растет конкуренция за соответствующий ей спектр социальных статусов, следовательно, с другой – усиление характеризующих эту общность идентичностей, фиксирующих соответствующие основные признаки члена общности. Как ни парадоксально, это не будет означать роста внутренней солидарности общности, поскольку в условиях внутреннего конфликта идентичности будут, скорее всего, фиксироваться результаты конкурентной борьбы: те, кто в ней побеждает, будут полагать, что они в большей степени соответствуют принципам общности; те, кто в ней проигрывает, будут считать, что победители искажают принципы общности, а носителей истинных ценностей вытеснили неподобающим образом.

Во-вторых, выбывающие из цепочек перетока благ части общности, в свою очередь, также разделяются на две неравные доли, различаемые по тому, в какие цепочки они встроились заново. Это могут быть те, кто встроились в цепочки, обеспечивающие сравнимый или повышенный, в сравнении с прежним, объем потребляемых благ, а также те, кто встроились в цепочки, обеспечивающие пониженный объем потребляемых благ [12, 3–19]. Причем следует отметить, что здесь также понимаются блага общего характера, материальные, социальные и культурные. Иными словами, возможны ситуации, когда новые статусы могут обеспечивать больший объем материальных благ, но меньший – социальных и культурных, и наоборот.

Наконец, в-третьих, из-за общего упадка структуры технических, коммуникативных и социальных связей, собирающей данную общность в единое целое, она будет иметь тенденцию распада на составляющие ее элементы социального или территориального характера, а также сама она по тем же причинам будет сепарироваться от остального социального целого.

Безусловно, важным параметром процесса будет скорость его протекания: чем интенсивнее

он протекает, тем больше негативных проявлений имеют место, поскольку сокращается период, в течение которого может происходить адаптация выбывающих групп к новым условиям и выработка соответствующих новых навыков и умений. Следовательно, возможности инкорпорирования в новые цепочки перетока благ сравнимого и большего объема при прочих равных условиях дополнительно сокращаются, а значит, большая часть будет инкорпорироваться в цепочки с меньшим объемом благ. Другим не менее важным параметром процесса будет выступать форма его организации, куда можно отнести, с одной стороны, существующий спектр «альтернативных» цепочек производства, распределения и потребления благ, как «повышенного», так и «пониженного» объема и качества, а с другой – принципы, в соответствии с которыми происходит инкорпорирование в них. Чем больше «повышенных альтернатив» и чем более эффективно организован процесс, тем быстрее и в большем объеме включаются в них члены кризисной общности, и наоборот.

Следует обратить внимание и на культурные изменения. Любая устойчивая общность неизбежно обретает устойчивые формы коллективного сознания – стереотипы поведения и обычаи, этические и дискурсивные принципы, обобщенный образ человека и т.п., становящиеся выражающими сущность этой общности маркерами принадлежности к ней, которые фиксируются в соответствующей идентичности. Соответственно, смена статуса, области занятости и объемов потребления благ сама по себе предполагает определенную конфликтность – тем большую, чем менее организован и эффективен процесс. Однако встраивание в новые цепочки перетока благ предполагает, помимо этого, и встраивание в соответствующую новую общность – либо уже существующую, либо только складывающуюся, что еще больше усугубляет конфликтность.

Исходя из рассмотренного процесса можно выделить ключевые характеристики основных его особенностей, позволяющие отличить упадок действующей социальной структуры и модернизационные трансформации, с одной стороны, и архаизирующие тенденции –

с другой. Это должны быть характеристики, наличие которых либо не может быть компенсировано любыми «инновационными» мерами и которые будут свидетельствовать либо о снижении объемов и качества потребляемых благ, либо о снижении объемов и ухудшении качества производства их.

Очевидно, что это будут характеристики образа жизни людей – уровней, объемов и качества потребляемых ими социальных благ. Их можно разделить на «витальные», жизненно необходимые, которые как раз и будут определять базовый уровень, отделяющий один образ жизни от другого. С другой стороны, это характеристики социальной системы, ее хозяйства, социального обеспечения, культурного пространства, управленческих структур, которые будут базовыми для данного типа организации общества, поэтому их отсутствие или невозможность доступа к ним будет означать иное, более низкое качество или более низкий уровень жизни. И те, и другие характеристики должны соответствовать друг другу, а их дисбаланс будет означать кризисные состояния исходя из следующей логики: наличие базового блага при его недоступности для потребления членами общества или общностями ведет, во-первых, к дефициту у последних – с вышеописанными последствиями, а во-вторых, к «кризису перепроизводства» этого блага, а следовательно, свертыванию производящих его структур.

Наконец, это должны быть характеристики целостности социальной системы, поскольку действующие структуры обеспечивают связность между элементами – а следовательно, «инновации», компенсирующие их упадок, должны обеспечивать связность на большем уровне. Тогда некомпенсированный ими распад социального единства будет означать переход на качественно более низкий уровень социальной организации, то есть архаизацию.

Исходя из этого к критериям архаизации как общности в целом, так и входящих в нее территориальных или региональных, а также профессионально-стратовых подобщностей или групп можно отнести характеристики, оценивающие внутреннюю связность: взаимный обмен благами, информацией и людьми, как в количественном, так и в качественном выражении.

Очевидно, что при данном технологическом укладе производство материальных, социальных и культурных благ предполагает вовлечение определенного объема людей – как участвующих в самом производстве, так и участвующих в их потреблении [1, 101–108]. Наглядным примером здесь выступает борьба за внешние рынки: со времен колониализма и до современного глобального хозяйства индустриальное производство требовало вовлечения все большего количества стран, их территорий и масс людей, причем это касалось не только обмена материальных благ. Вместе с товарами и капиталом на «внешние рынки» шли – в разном объеме и в разные страты, разумеется, – и социальные стандарты, политические практики, культурные установки и знания.

Следовательно, сокращение взаимных обменов между общностями либо разными общностями, либо внутри общности, будет указывать на упадок данной структуры разделения труда и всего уклада общества.

Этот процесс может характеризоваться качественным и количественным параметрами. Так, обмен благами невозможен без соответствующей инфраструктуры – транспортной, если речь идет о материальных благах, и информационной, если речь идет о благах культурных. Соответственно, упадок транспортной инфраструктуры в целом и с ранжированием внутри нее по составляющим – дороги, железнодорожные пути, воздушные и водные сообщения – будет характеризовать своего рода сокращение общей «пропускной способности» этих каналов обмена, а снижение объемов их использования – сокращение актуальных актов обмена, потребности в них. Аналогичная ситуация складывается и в отношении информационной инфраструктуры: наличие или отсутствие средств массовой коммуникации, соотношение их составляющих (печатные СМИ, радио и телевидение, сотовая связь и компьютерные сети), а также объем их использования будут характеризовать возможность и актуальное использование информационных обменов.

Следует отметить, что здесь также необходимо различать, с одной стороны, смену одних каналов и форм взаимодействия в пользу

других, а с другой – смену одних контрагентов в пользу других, которые не являются признаками архаизации, от сокращения самих каналов и их использования, которые говорить о ней будут. Иными словами, смена железнодорожного транспорта на автомобильный или смена радио на Интернет не характеризует ситуацию как снижение связности, в то время как выбытие объектов транспортной инфраструктуры в целом и, например, отсутствие Интернета – наоборот.

Структурная связность внутри общности предполагает взаимную зависимость ее элементов: перемещение благ между ними означает, что каждый элемент не может произвести все необходимое для обеспечения его жизнедеятельности на данном уровне потребления, а то, что производит, – избыточно для него. Элементы общности взаимодействуют друг с другом в рамках разделения труда, его специализации и кооперации, причем под трудом стоит понимать не только материальное производство, но и производство всех благ в целом, а также их распределение и потребление.

Соответственно, для описания состояния общности – устойчивого, модернизирующегося или архаизирующегося – нельзя не рассматривать структуру разделения труда и производство. Сокращение производства при данном технологическом уровне будет означать, что объем располагаемых общностью благ будет сокращаться, создавая базу для иницирующих рассматриваемые процессы ресурсной недостаточности [3, 22–26]. Однако следует обращать внимание на то, что само по себе это – слабый критерий: недостающие блага данная общность может получать из других общностей, входя в их структуру разделения труда, и тогда будет наблюдаться рост обмена благ между ними. Кроме того, необходимо учитывать и изменения технологического уровня: если он растет, то «традиционные» сектора экономики, управленческие структуры и создатели культурных благ в целом будут выходить из технологических цепочек, заменяясь новыми, а соответствующие профессиональные сообщества – в целом демонстрировать поведение, описанное выше, распадаясь и переориентируясь на новые отношения.

Тогда важными параметрами выступают, помимо трансграничной и внутренней связности, с одной стороны, производительность труда как интегральная характеристика хозяйственного, управленческого и культурного уровня общности, от которой зависит располагаемый общностью объем благ, а с другой – объем средств, вкладываемый в сохранение и развитие производственных мощностей и структур распределения, инвестиции. Падение производительности труда, вызванное любыми причинами (упадком технологий, свертыванием производственных мощностей, выходом значительных масс членов общества из производственных отношений и т.п.), означает, что общность в целом будет обладать меньшим располагаемым объемом благ, следовательно, будут складываться условия для формирования предположенных выше отношений, типологически схожих с отношениями более раннего общественного строя. Падение объемов средств, вкладываемых в поддержание и развитие производственных мощностей или инвестиций, означает, что эти мощности будут деградировать в целом как система. Распределение по этим показателям сфер общества, регионов и социальных страт позволит более точно выявить, где именно возникают условия для архаизации и каковы ее масштабы.

Следует отметить, что возникает важная методологическая проблема. Если в случае с хозяйством, то есть производством материальных благ, такие показатели в принципе существуют, то в случае с производством социальных и культурных благ они отсутствуют или в лучшем случае представляют собой некоторый вариант экономических благ – скажем, затраты на поддержание порядка или экономические показатели искусства и науки. Какую-то информацию могут дать внутренние критерии эффективности, скажем, в научном сообществе – квалификационные показатели, объемы цитирования и т.п., однако их надежность и эффективность остается под вопросом. Впрочем, можно выдвинуть в качестве критерия уровень внедрения научных разработок в хозяйственную и управленческую практику как интегральную оценку работы всей научной системы. В

отношении же искусства проблема остается нерешенной.

Помимо производства благ для оценки процесса архаизации, важно рассматривать и их потребление. Само по себе наличие благ не говорит о том, что они доходят до потребителя, а следовательно, участвуют в образовании уровня и качестве его жизни. В первую очередь, имеет смысл проанализировать доступ населения к базовым материальным, социальным и культурным благам, характерным для данного типа общественного уклада. Логично строить этот анализ, отталкиваясь от структуры расходов бюджетов домохозяйств, поскольку именно на их уровне происходит основное потребление общественных благ [11].

Надо сказать, что эта задача довольно нетривиальна, поскольку индустриальные общества были довольно разнообразно устроены в плане систем распределения и потребления благ. Так, в рамках советской модернизации сложились довольно специфические централизованные формы – фонды общественного потребления, наполняемые и распределяемые либо на государственном уровне, либо на уровне предприятий и территорий, и нормированные на единицу населения. Они были направлены на выравнивание уровней социально-экономического положения социальных слоев и групп населения, перекладывая расходы на определенный перечень общественных благ с бюджета домохозяйства на другие бюджеты. Однако было бы неправильным полагать, что отсутствие фондов общественного потребления означало бы архаизацию само по себе, хотя их сокращение в условиях коренных преобразований одновременно означало и сокращение доступа к общественным благам.

В этом смысле определенным критерием выступает распределение социальных функций на централизованные структуры или домохозяйства. Так, несомненное социальное благо – общественная безопасность, выступающая функцией от согласования интересов и потребностей социальных групп, с одной стороны, и эффективности системы управления вообще и обеспечения порядка в частности. С момента становления индустриального общества

функция обеспечения общественной безопасности – несомненная функция государства. Соответственно, упадок общественной безопасности, выраженный, во-первых, в росте социального насилия вообще и организованной преступности, в частности, а во-вторых, в росте значения самозащиты в жизни граждан и в деятельности социальных организаций, будет означать как дефицит доступа к этому социальному благу, а значит, архаизацию общественных отношений в собственном смысле, так и упрощение социальной структуры. Аналогичная ситуация с массовой медициной – несомненным отличием современного индустриального общества от общества аграрного, создающим специфическое качество жизни. Наличие массовой медицины как социального института само по себе не подвергается сомнению, однако доступ к медицинскому обслуживанию – больницам, медикаментам, формам профилактики и даже формам и средствам гигиены – значительно отличается, в зависимости от социальных страт, и чем беднее население, тем менее действен этот элемент современного образа жизни.

В общем виде можно выделить следующую градацию: наличие или отсутствие фондов общественного потребления, компенсирующих долю расходов бюджетов домохозяйств, а также сама структура этих расходов. Среди потребностей, на которые расходуются средства бюджетов домохозяйств, можно выделить витальные: очевидно, что чем большую долю в статье расходов они занимают, тем меньше средств остается на остальные и люди оказываются в ситуации простого жизнеобеспечения. Это означает, что на остальные потребности или возможности, предоставляемые обществом, у них не остается не только средств, сама потребность в них со временем деградирует – что уже можно обозначить как архаическое состояние. В еще большей степени это относится к категориям населения, выпавшим в своих расходах ниже «витального» уровня данного общества. В зависимости от генезиса этого состояния это будет либо не преодоленная архаика при становлении данного общества, либо новая архаика, складывающаяся в результате его дисфункции в результате дисфункций его структур.

Участие в разделении труда и социальных отношениях в целом предполагает комплекс требований, предъявляемых к личности члена общности. Это, в первую очередь, знания, умения и навыки, касающиеся профессии, занятости – очевидно, что чем выше технологический уровень, тем выше предъявляемые требования и выше роль образования, которое и формирует их. Однако аналогичные требования – знания, умения и навыки – требуются не только для профессиональной деятельности, но и для обычной жизнедеятельности в рамках социальной системы, от обыденного институализированного общения и, скажем, правил гигиены до участия в процессах управления, культуры и т.п. Можно утверждать, что существует некоторая корреляция между технологическим уровнем, уровнем развития культуры, социальных отношений и личности – хотя бы в самом общем смысле, а также о специфических отличиях между профессионально-стратовыми сообществами внутри общности при данном технологическом укладе [5, 13–15].

Соответственно, упадок технологий и структуры разделения труда, сопряженный с образованием архаических отношений в хозяйстве и обществе, будет иметь корреляцию с изменениями форм общественного и индивидуального сознания.

Становление современного индустриального общества сопровождалось в политическом плане становлением институтов гражданства, бюрократического государства и гражданского общества, а в культурном – национальных идентичностей, наукоцентристского мировоззрения и техникстских форм массового взаимодействия. Институт гражданства, гражданское общество (и, прежде всего, политические партии и профессиональные объединения) и национальные идентичности выражали универсальность культурного и политического пространства индустриального общества, бюрократическое государство и техникцизм социальных отношений – сложность, масштабность и организованность социального процесса, наукоцентризм общественного сознания обеспечивал его содержание и легитимность в глазах масс людей, обеспечиваясь системой массового

профессионального образования. И все это вместе обеспечивало существование, действенность и эффективность большой и сложной системы разделения труда и системы производства, распределения и потребления благ.

Нет оснований утверждать, что по мере становления некоторого нового, перспективного общества большие сложно организованные социальные структуры обязательно должны были бы распадаться на менее масштабные и сложные, хотя, очевидно, они будут приобретать некоторые новые формы. Наоборот, как раз проблематика наращивания сложности и масштабов управляемых систем породила развитие технологий автоматизации и информатизации всех сфер общественной жизни. Следовательно, процессы распада отмеченных выше институтов, как несовместимые с таким обществом, вполне можно трактовать как процессы архаизации.

Возникает проблема определения того, какие именно институты будут выступать маркером архаизации. Понятно, что развитие информационно-управленческих технологий, по аналогии с автоматизацией в промышленности, будет сокращать потребности в массовой бюрократии, государственной или корпоративной: созданная для исполнения рутинных функций, по мере перекладывания их на информационные системы, бюрократия будет сокращаться. Но это не будет означать утраты самих функций управления и их иерархического характера – вполне возможно, что, наоборот, они будут еще ужесточаться. С другой стороны, довольно проблематично идентифицировать упадок самих институциональных норм бюрократического аппарата, логики формализованного технологического управления, которая заменяется на логику кланово-групповую [8]. С этой точки зрения процессы в бюрократическом аппарате сами по себе будут слабым критерием архаизации, при всей его логичности.

Аналогичные претензии могут быть предъявлены к процессам в гражданском обществе, где можно отметить переход от массовых партий и движений к электоральным партиям и объединениям активистов.

Институт гражданства может дать несколько больше информации, если его рассматривать

не как формальный юридический статус, а как форму вовлечения населения в общественно-политический процесс в качестве ответственного субъекта. Если члены общности ощущают ответственность за протекающие в ней процессы и полагают, что могут на них как-то влиять, значит, институт гражданства сохраняет свое значение – в противном случае они оказываются связанными с общностью в целом и ее политической системой только законом и налогами, то есть оказываются на положении подданных. С этой точки зрения проанализировать состояние можно с привлечением, например, данных мониторинга состояния гражданского общества, осуществляемого Высшей школой экономики [6; 4], конкретно, по индикаторам «права и свободы в представлении россиян», «ответственность и возможность влиять на происходящее», а также «информированность, доверие», которые отражают представления граждан России о принципиальных установках гражданской ответственности и отношение к ним.

Другим критерием, характеризующим, с одной стороны, уровень распространения научного и технического знания, соответствующих представлений в широких слоях общества, а с другой – потребность социальной системы в подготовленных специалистах, может выступать охват молодежи системой профессионального образования, среднего или высшего, а также восприятие его как полезного и ценного. Хотя возможны довольно существенные разногласия относительно эффективности системы профессионального образования, внутренних ее дисбалансов, поэтому, возможно, следует учитывать и долю работающих по специальности, что показывает как эффективность подготовки специалистов, потому что они могут устроиться на работу, так и наличие соответствующих по размеру ниш в разделении труда – потому что их могут принять на работу.

Также необходимо отметить, что под системой профессионального образования следует понимать все ее элементы – то есть не только средние специальные и высшие профессиональные учебные заведения, но и повышение квалификации, переподготовки и т.п., включая действующие структуры оценки и подтверждения профессионального уровня.

Наконец, в сфере общественного сознания также можно выделить критерии архаизации, которые касаются форм мировоззрения и идентичности.

Распад или упадок связности универсального большого пространства общности не может не отражаться в коллективном сознании ее членов: он будет означать резкие изменения в содержании и даже в формальном выражении идентичностей. Здесь можно выделить два возможных направления изменения – это, с одной стороны, деградация представлений о социальном целом в пользу территориального или профессионально-стративного объединения, идущее параллельно самозамыканию последних. С другой стороны, это изменение в содержании идентичности, касающиеся образа соответствующего общества. Если в условиях модернизационного перехода – как от аграрного общества к индустриальному, так и возможного нового перехода от индустриальному к некоторому перспективному – в общественном сознании складываются общие прогрессистские установки, содержание идентичности сдвигается к образам будущего, которые легитимируют собой социальные трансформации, то противоположная, архаизирующая тенденция, возможно, будет сдвигать содержание идентичности к образам прошлого, которое позиционируется как некоторый «золотой век» [7, 306–344]. Причем здесь также важна будет динамика процесса: если на начальных стадиях такой сдвиг будет иметь характер простого постулирования «золотого века» в прошлом, то на более поздних – в силу уже достигнутой благодаря этой апелляции легитимности архаических отношений они будут в большей или меньшей степени реактуализироваться, сначала в некоторых частных сферах (например, в этике, сфере семейных отношений).

Параллельно с трансформациями содержания идентичностей необходимо будет вносить изменения в отношении науки как базового института и дискурса модерна. Если в стабильном состоянии современного общества наука выступала не просто институтом производства, распространения и использования знаний, но и эталоном мышления, а также общераспространенным культурным достижением, и

в целом оценивалась положительно, то в условиях архаизации можно предположить следующие изменения в отношении к ней. Во-первых, по мере самозамыкания социальных групп и подобностей, логично, что ученые, научная интеллигенция также будут сепарироваться от социокультурного целого [2, 98–101]. Это будет выражаться в том, что, с одной стороны, научное мышление и научные знания будут терять свой общераспространенный характер, становясь маркером, выделяющим научное сообщество относительно остальных, что будет сопровождаться формированием специфических стереотипов. С другой стороны, остальные подобщности социальной системы не только будут утрачивать соответствующие знания и формы мышления, но и проявлять некоторые специфические реакции в отношении маркеров научного сообщества. Во-вторых, по мере исчерпания дискурса модерна само отношение к науке и научному знанию будет меняться в пользу более прагматичного характера, а в наиболее радикальных группах – в пользу характера отрицательного. Здесь возможна аналогия отношения к религии при становлении общества модерна: если «золотой век» отнесен в будущее и связан с наукой, то «темный век» отнесен в прошлое и связан с религией, которая и отрицалась. В данном случае логика будет обратной: если «золотой век» отнесен в прошлое, он будет связываться с религией, а значит, «темный век» современности будет связываться с наукой, которая, на этом основании, будет отрицаться.

В заключение следует сформулировать выделенные критерии архаизации. Эти критерии будут в общем виде описывать упадок структуры разделения труда в рамках данной общности и ее последствий.

– упадок территориальной и информационной связности общностей внутри данной общности, который может быть оценен по сокращению уровня инфраструктуры и объемов ее использования;

– упадок эффективности институтов, который может быть оценен по уровню падения производительности труда, его эффективности и уровня инвестиций – как в социальной системе в целом, так и в ее отдельных сферах;

– снижение уровня жизни, которое может быть оценено через сокращение централизованных фондов общественного потребления, сдвигу домохозяйств к «витальных» расходам, а также массе населения, выпавших ниже уровня витальных потребностей;

– упадок системы образования, который может быть оценен путем охвата населения профессиональным образованием, соотношению специальностей и долей специалистов, работающих по специальности;

– упадок института гражданства, который может быть оценен через мониторинг уровня ответственности населения за общественно значимые и политические процессы, а также исходя из расчета индекса социального доверия;

– упадок идентичности, который может быть оценен через доминирование локальных и групповых идентичностей в сравнении с общенациональной, а также по шкале отнесения «золотого века», отнесенного в прошлое.

Необходимо отметить, что оценка уровня архаизации имеет внутреннее значение, она выстраивается не столько относительно некоторого эталонного уровня современности, сколько относительно определенного «достигнутого» уровня современности в данной общности, снижение которого и будет означать процесс архаизации.

Литература

1. Бияков О.А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 101–108.
2. Володарская Е.А. Имидж ученого современной российской науки // Имиджелогия: современное состояние и перспективы развития: материалы I Международного симпозиума «ИМИДЖЕЛОГИЯ–2003» / Под ред. Е.А. Петровой. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А.Шолохова, 2003. С. 98–101.
3. Вольский А.Н., Нечипоренко О.В., Энтрена Ф. Ренатурализация хозяйства как эффект рыночных реформ // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 22–26.
4. Гражданское общество в модернизирующейся России аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-nko.ru/files/OrgNewsItem/774/Files/2/civicus_russia_rus.pdf
5. Гусарова Е.Ю. Роль технико-экономических укладов в развитии институциональных структур // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 2. С. 13–15.
6. Индикаторы состояния гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/monitoring/mcs/indicators?_r=262611443782711.34033&__t=1974611&__r=OK
7. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 5-е изд. М., 2011. С. 306–344.
8. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
9. Матлина С.Г. Публичная библиотека как феномен культуры // Информационный бюллетень РБА. 2008. № 47. С. 20–23.
10. Сокольская Л.В., Руссак З.В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов? // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 1. С. 21–29.
11. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 86 с.
12. Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 3–19.
13. Хачатурян В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М. 2009.

Дорожные платежи в системе российских налогов и сборов

Я. ТРОФИМОВА

Развитие системы дорожных платежей и налога на транспортные средства обусловлено необходимостью выполнения государством функций по поддержанию и совершенствованию транспортной инфраструктуры страны и ограниченностью средств в бюджете. Кроме того, введение платы за пользование дорогами должно обеспечить достижение рыночного равновесия между спросом и предложением на сеть автодорог. С 2015 г. в России установлен новый платеж за пользование автодорогами, взимаемый с транспортных компаний-грузоперевозчиков. Поэтому актуальным становится вопрос об экономической сущности данного платежа, целесообразности его введения. Теме транспортных платежей и сборов посвящен ряд публикаций в научно-периодических изданиях, в частности, работы Ю.В. Гинзбурга, Н.В. Еремина, А.В. Чонка, вопросы специфики неналоговых платежей поднимаются в статьях С.В. Ануреева, Е.Л. Васяниной и др.

Эволюция транспортных платежей. Начиная с XIX в. в России применялись транспортные платежи – шоссейные сборы (1816 г.), носившие дифференцированный характер в зависимости от вида транспортного средства и времени года, предусматривавшие отдельные льготы – освобождения для местных жителей близлежащих населенных пунктов, войск, арестантов. Данный сбор по своей экономической природе рассматривался как плата за пользование общественными дорогами. Сбор имел исключительно фискальный характер, выступал стабильным источником доходов бюджета, что обусловило его существование вплоть до 1917 г. К негативным последствиям введения сбора следует отнести рост стоимости

товаров и препятствие свободному транспортному движению из-за наличия пунктов сбора шоссейных платежей. С экономической точки зрения шоссейные сборы – прообраз транспортного налога. Объектом обложения признавалось использование транспортного средства в специальных условиях – при проезде по шоссе, облагаемом сбором [2, 28].

Органы местного самоуправления в городах имели право на сборы в пользу города, в том числе сборы с экипажей, сборы за право пользования проездом и т.д. Население несло также разнообразные мирские повинности, к обязательным из которых относились повинности на содержание дорог.

В период НЭПа государство переходит к поимущественному налогообложению и сборы трансформируются: объектом налогообложения выступает само транспортное средство, субъектом – владелец транспортного средства. Поступления от сбора становятся постоянным источником доходов местных бюджетов. Сбор – по сути аналог государственной пошлины – взимается один раз при государственной регистрации транспортного средства. С 1991 г. сформировалась система финансирования дорожных фондов страны, включавшая налог с владельцев транспортных средств, налог на реализацию горюче-смазочных материалов, налог на пользователей автомобильных дорог, налог на приобретение автотранспортных средств, акцизов с продажи легковых автомобилей в личное пользование граждан (Закон РФ от 18.10.1991 № 1759-1 «О дорожных фондах в Российской Федерации»). С введением Налогового кодекса РФ с начала 2003 г. налоговое многообразие было преодолено в пользу транспортного

Трофимова Ярослава Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и анализа Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: tro1@mail.ru

налога как поимущественного, ежегодного, взимаемого дифференцированно в зависимости от вида транспортного средства и поступающего в полном объеме в региональный бюджет. Использование доходов от транспортного налога определяется региональными органами власти и не носит целевого характера. Проблему поддержки транспортной инфраструктуры должен решить вводимый дорожный платеж с грузовых автомобилей, перечисляемый в дорожный фонд страны.

Специфика сборов и их классификация.

Создание и поддержание транспортной инфраструктуры для общества проявляется как общественное благо (товар, будучи потребленным одним лицом, при этом остается доступным для потребления другим лицам, например, современная автодорога с шумозащитным эффектом, освещенностью и т.д.). Это товар и услуга, которые рыночная система вообще не намерена производить, поскольку их особенности резко противоположны особенностям товаров индивидуального потребления [5, 99]. Выгоды от общественных благ достаются обществу в результате производства таких благ, а не их покупки, как в случае с товарами индивидуального потребления.

Общественные блага имеют следующие особенности: неделимость (дорога не может быть продана индивидуальному потребителю), неисключаемость (никто из потребителей не может быть исключен из сферы потребления), предельные издержки для дополнительного потребителя равны нулю (построенная дорога позволяет любому новому производителю и/или потребителю пользоваться ею). При этом сохраняется общая проблема, характерная для пользования общественными благами, – проблема «фрирайдера» (free-rider problem) [9, 38], когда товаропроизводители готовы пользоваться общественными благами (транспортной инфраструктурой), но не готовы вкладывать средства в ее строительство, содержание и т.д. Решение проблемы «фрирайдера» возможно посредством государственного регулирования, то есть через систему мер, посредством которой государство воздействует на социально-экономическое развитие общества. Государство

должно обеспечить общество общественными благами, финансируя их производство с помощью системы принудительных взысканий в форме налогов и сборов. К части общественных благ применим принцип исключения, который означает возможность установления на них цен и обеспечения их производства частными компаниями. Однако рынок не станет производить общественные блага в достаточном количестве, и государство должно брать на себя их производство или финансирование (квазиобщественные блага), чтобы исключить дефицитное выделение ресурсов в эту сферу либо применить механизм частно-государственного партнерства.

Государство для покрытия расходов использует систему налогов и сборов, законодательно установленную в Налоговом кодексе РФ. Согласно кодексу под налогом понимается «обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований» [7]. Сбор – обязательный взнос, «взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в интересах плательщиков сборов государственными органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий)» [7].

Таким образом, в соответствии с Налоговым кодексом РФ выделяются две группы платежей: налоги и сборы, отличающиеся по ряду признаков. Так, обязательность в части налогов означает, что все юридические и физические лица, получающие доход, имеющие имущество, осуществляющие хозяйственные операции, должны принимать участие в формировании государственных и муниципальных ресурсов. Обязательность сборов носит ограниченный характер: они распространяются на определенные категории налогоплательщиков, которым

необходима конкретная услуга государства (например, на владельцев большегрузных транспортных средств, эксплуатирующих федеральные трассы). Предполагается использование собранных платежей на определенные цели, в том числе на поддержание автодорог.

Денежные средства в виде налогов в отличие от сборов не имеют целевого назначения. Они поступают в бюджет и направляются на нужды государства. Индивидуальная безвозмездность означает, что уплата налога не сопровождается прямым встречным исполнением какого-либо обязательства со стороны государства к конкретному налогоплательщику. Безвозмездность налоговых платежей является их юридической характеристикой. В то же время налоги связаны с финансированием коллективных и общественных благ, и обязательность их предоставления – функция государства и муниципальных образований. Обязанность налогоплательщика перед государством оборачивается обязанностью государства перед плательщиками в целом, но не индивидуально по отношению к каждому. Безвозвратность налога предполагает обезличенное получение налоговых платежей и невозврат их конкретному плательщику.

Сбор же носит возмездный характер. Он является условием совершения в отношении его плательщика определенных действий со стороны государства, включая предоставление определенных прав, разрешений, лицензий и т.д. По этому признаку дорожный платеж можно отнести к сбору, так как плательщик – транспортная организация получает разрешение на проезд по конкретной федеральной дороге, отвечающей определенным стандартам безопасности, удобства и т.д.

Налоги уплачиваются, как правило, периодически (ежегодно, ежеквартально и т.д.), а сборы в большинстве случаев представляют собой разовые платежи.

Принудительность налога проявляется в виде предписания налогоплательщику со стороны государства об обязательном налоговом платеже. Государство располагает аппаратом принуждения, опираясь на который изымает часть доходов с помощью налогов,

имеющих правовую форму в виде законов и нормативных актов (подзаконных норм), которые могут устанавливаться, вводиться, изменяться, отменяться государством. Сбор не имеет принудительного характера. Так, никто не обязывает грузовики ездить по федеральным дорогам, следовательно, платеж выступает в виде сбора, а не налога.

С точки зрения введения налоги устанавливаются только законодательством о налогах и сборах, а сборы – нормативно-правовыми актами налогового права (налоговым кодексом РФ), а также других отраслей права. Дорожные платежи введены согласно Федеральному закону от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016).

Сбор, как и налог, имеет фискальный характер, поскольку связан с обеспечением выполнения государством и муниципальными образованияами своих функций. Однако фискальная значимость налогов существенно выше, чем сборов.

Общепризнанная классификация неналоговых сборов отсутствует. Так, в зарубежной практике выделяют три разновидности неналоговых сборов: пошлины, взносы, сборы [4, 136].

Пошлина взимается за реально совершаемое действие со стороны государственного органа (например, пошлина за пользование автодорогами). В российском налоговом законодательстве самостоятельное определение пошлины отсутствует. В ст. 57 Конституции РФ указано, что «каждый обязан уплачивать законно установленные налоги и сборы». Понятие «сбор», введенное Налоговым кодексом РФ, объединяет сбор, пошлину и взнос. Так, к «сборам» относятся сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов, государственная пошлина.

Взносы – платежи для покрытия расходов публичного учреждения. Взнос осуществляют за потенциальную возможность пользоваться благами, предоставляемыми государственными органами, например, взносы за расширение

дорог, за освоение местности. Специальные сборы представляют собой платежи, которые не предполагают каких-либо встречных действий со стороны государства в пользу плательщика. Доходы от сборов поступают обычно в специальные фонды.

Согласно данной классификации вводимый платеж по системе «Платон» можно определить и как специальный сбор, поступающий в дорожные фонды, и как пошлину.

Другая классификация позволяет выделить две группы сборов: фискальные и парафискальные [1], различаемые по ряду критериев. Так, если анализировать содержание сборов в соответствии с субъектом сборов, следует отметить, что фискальные сборы взимаются с физических лиц и организаций, заинтересованных в получении от государства юридически значимых действий, парафискальные сборы – с субъектов предпринимательской деятельности, заинтересованных в развитии определенной хозяйственной отрасли. По признаку возмездности фискальный сбор всегда предполагает наличие возмездности, у парафискального сбора она отсутствует либо не очевидна. В соответствии с целью взимания фискальный сбор представляет собой покрытие расходов на осуществление возмездных действий и пополнение бюджета, парафискальный сбор – защиту прав и интересов определенной группы лиц. Согласно данному подходу можно определить дорожный платеж как фискальный сбор.

В отличие от налогов дорожные платежи выполняют несколько иные функции: во-первых, фискальную, поскольку государственные и муниципальные средства ограничены и путем платежей формируются региональные бюджеты, во-вторых, распределительную – собранные средства предназначаются в том числе для ремонта и содержания дорог, в-третьих, экологическую – через платежи государство воздействует на автовладельцев, дифференцируя систему оплаты с учетом класса экологичности транспортного средства, а также применяя налоговые льготы в части транспортного налога.

Государство через систему налоговых льгот также воздействует на потребителей, формируя экологическое поведение. Например,

немецкий бундестаг принял решение предоставить больше налоговых льгот покупателям электромобилей. С 2016 г. освобождение от налогов по таким транспортным средствам продлено на десять лет. Кроме того, законопроект освобождает от уплаты налога работодателей, предлагающих зарядную инфраструктуру [14].

Таким образом, налоги следует отличать от сборов, взимание которых носит не безвозмездный характер, а является условием совершения в отношении их плательщиков определенных действий. Инвестиционные проекты, связанные с транспортной инфраструктурой, выступающей в виде общественного блага, требуют огромных инвестиций, предполагают длительный срок окупаемости и низкую рентабельность вложений. В условиях ограниченности государственных и муниципальных средств частичное решение данной проблемы – это частно-государственное партнерство.

Зарубежный опыт применения дорожных платежей. В структуре финансирования автодорог в зарубежной практике основное место занимают акцизы на нефтепродукты, транспортный налог и акцизы на автотранспортные средства, среди которых наибольший удельный вес по приносимым доходам имеют косвенные налоги – акцизы на нефтепродукты (70–75 %) и акцизы на автотранспортные средства (около 10 %), остальное (20 %) – прямой налог (транспортный) [3]. Переход западных стран от автомобилей на бензиновом и дизельном топливе к электромобилям вызовет некоторые изменения в налоговой и бюджетной системе. Можно ожидать сокращения потребления нефтепродуктов, снижения зависимости от поставщиков данных энергоресурсов, сокращения внешнеторговых платежей стран – импортеров нефти, что в итоге приведет к уменьшению доходов от акцизов на нефтепродукты. Предоставление налоговых льгот при покупке электромобилей приведет к снижению доходов по транспортному налогу, что негативно отразится на доходной части бюджета европейских стран.

Кроме налогов, в систему налогообложения развитых стран входят специальные

сборы, например, с владельцев грузовых автомобилей. Практика взимания платы за проезд большегрузного транспорта основывается на принципе «пользователь платит». В странах ЕС были поэтапно реализованы директивы о взимании дорожных платежей (93/89/ЕС «О налогообложении автотранспортных средств, используемых для перевозок грузов, и о взимании сборов за пользование объектами транспортной инфраструктуры», 1999/62/ЕС «О взимании сборов с тяжелых грузовых автомобилей за пользование транспортной инфраструктурой» и др.). Так, Директива 1999/62/ЕС определила сбор с владельцев грузовых автомобилей и автопоездов с максимальной разрешенной массой не менее 12 тонн, а также сам механизм взимания платы. Были определены принципы установления ставок сборов: недискриминационный характер ставок сборов (единые ставки сборов для местных и иностранных перевозчиков); максимальные пределы ставок сборов, минимальные ежегодные размеры налогов на автотранспортные средства, средневзвешенная ставка сборов должна покрывать затраты на строительство, эксплуатацию и развитие дорожной сети; зависимость платежной базы от интенсивности использования дорожной инфраструктуры (период времени использования дорожной инфраструктуры либо километраж пробега); дифференциация ставок в соответствии с характеристиками автотранспортного средства (грузоподъемность и экологический класс). Согласно Директиве 2006/38/ЕС страны ЕС, которые уже имеют или хотят внедрить систему сборов платежей, обязаны взимать сборы со всех транспортных средств, чья масса превышает 3,5 тонны, при передвижении по дорогам, входящим в общеевропейскую автодорожную сеть TEN-R; страны ЕС с 2010 г. могут варьировать сборы в зависимости от дня недели, времени суток, класса автомобиля по выбросам, а также вводить сборы с пользователей для борьбы с перегруженностью и загрязнением, превышающие средневзвешенное значение. Повременная система сборов («Евровиньетт», user charge), созданная с целью гармонизации сборов в рамках ЕС, действующая в Бельгии,

Нидерландах, Люксембурге, Дании и Швеции, постепенно заменяется покилометровой системой сбора платежей (toll), которая функционирует в большинстве стран ЕС (Германии, Австрии, Италии и т.д.) и может быть реализована на базе беспроводных систем наземного базирования, с использованием технологии DSRC либо с применением спутниковых средств позиционирования (система «Toll Collect»). При покилометровой оплате начинает действовать принцип перераспределения платы конечного пользователя автомобильной дороги в зависимости от его воздействия на дорожное полотно.

Одна из первых систем взимания платы с грузовиков была введена в Австрии в 2004 г. При прохождении рамки со считывающего устройства, установленного на грузовике, снималась такса. В настоящее время в Австрии действует спутниковая система взимания платы TOLL2GO. В Белоруссии с 2013 г. введена система BelToll в отношении автомобилей общей массой более 3,5 т независимо от страны регистрации, а также автомобилей с общей массой не более 3,5 т, зарегистрированных за пределами Таможенного союза. Плата за проезд составляет от 0,04 до 0,145 евро/км. Платными в Белоруссии являются 1 189 км дорог. С 2005 г. в Германии введена система Toll Collect как плата за каждый километр, которая дифференцирована в зависимости от осей и категории выбросов транспортного средства (экологичности автомобиля) от 12,5 до 21,2 цента за километр. Федеральное правительство преследует цель улучшения финансирования федеральных дорог и обеспечения современной, безопасной и эффективной транспортной инфраструктуры в Германии, в том числе за счет самих пользователей дорог. Федеральное министерство транспорта и цифровой инфраструктуры (BMVI) планирует расширить систему платы Toll Collect с 15 тыс. км автобанов и федеральных дорог до 40 тыс. км [15].

Таким образом, в рамках ЕС происходит процесс перехода от системы «Евровиньетт» к более эффективным системам покилометровой платы, в том числе на базе спутниковых систем. Системы сбора платежей с грузовых

автомобилей за пользование дорожной инфраструктурой, отличающиеся страновым разнообразием, постепенно гармонизируют. Так, собранные средства направляются в том числе на финансирование развития экологичных видов транспорта; поэтапно повышаются ставки платежей для конечных пользователей автодорог; расширяется перечень плательщиков (платежи распространяются и на легкие грузовые и легковые автомобили); изменяется налоговое законодательство с целью поэтапного, по мере увеличения ставок дорожных сборов, снижения акцизов на топливо и налога на транспортные средства. Усиливается экологическая составляющая дорожных платежей наряду с их чисто фискальной функцией. Значению экологической функции налогов и платежей уделяется повышенное внимание в системе государственного регулирования среди стран ЕС. По мнению М. Манна, следующий глобальный кризис капитализма будет обусловлен нерациональной политикой в области окружающей среды [6, 51], избежать которого можно лишь при сокращении потребления, уменьшении производства и ужесточении регулирующей роли государства.

Транспортные выбросы в странах ЕС занимают второе место в общем объеме выбросов углекислого газа (составляют около 19 % в 2012 г. или рост на 14 % по отношению к 1990 г.) [13]. Динамика выбросов не стабильна: после пика в 2007 г. выбросы упали на 10 % в течение последующих пяти лет, что связано со снижением объемов пассажиро- и грузопотока в условиях рецессии и роста цен на топливо. Несмотря на повышение энергоэффективности и увеличения доли возобновляемых источников энергии, транспортный сектор сохраняет решающее значение в ограничении выбросов парниковых газов.

Развитие системы дорожных платежей в России. С ноября 2015 г. в РФ действует система взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого транспортными средствами, имеющими максимальную массу свыше 12 т, автомобильным дорогам общего пользования федерального значения (система «Платон» («плата за тонну»)) [10; 11], поскольку, по

данным статистики, 56 % от общего размера вреда федеральным дорогам наносит большегрузный транспорт. Дорожный сбор составляет 1,53 руб. за каждый километр пути. Оператор системы ООО «РТ-Инвест Транспортные системы» ведет реестр пользователей. В дорожный фонд РФ через систему «Платон» с момента ее ввода собрано около 14,5 млрд руб. (по состоянию на сентябрь 2016 г.). Действие системы распространяется на 50 тыс. км федеральных трасс на территории России, за исключением платных федеральных трасс государственной компании «Автодор». В Уфе за счет софинансирования, в том числе по системе «Платон» в сумме 1,5 млрд руб., построен мост через реку Белая за 4,8 млрд руб.

Введение дорожных платежей в размере 3,5 руб. (первоначальный вариант) должно было привести к минимальному росту цен, приросту инфляции от 0,36 % до 0,5 % в первый год с момента ввода системы, улучшению макроэкономических показателей (приросту ВВП – до 363 млрд руб. в 2024 г., росту налоговых поступлений, улучшению качества дорог и т.д.) и некоторому снижению чистой прибыли (на 0,5 %) у автоперевозчиков. Дополнительное развитие транспортной инфраструктуры, как предполагалось, позволит транспортным компаниям в дальнейшем экономить на переменных издержках.

Переход к системе «пользователь платит» временно позволил отказаться от увеличения транспортного налога, используя дифференцированный подход к пользователям автодорог. Согласно Федеральному закону № 249-ФЗ [12] владельцы большегрузов имеют право учитывать сумму платы, внесенной в систему «Платон», при исчислении транспортного налога. Сумма транспортного налога уменьшается на сумму дорожного сбора, уплаченного за соответствующий период. Если сумма платы в систему «Платон» оказалась равной исчисленной сумме транспортного налога или превышала ее, то транспортный налог не взимается. Уплаченный дорожный сбор учитывается в составе расходов, уменьшающих налогооблагаемую базу по налогу на прибыль.

Первые результаты по внедрению системы показали, что практически все субъекты предпринимательской деятельности разных сфер деятельности (производители сельскохозяйственной, пищевой и металлургической продукции, перевозчики и ритейлеры) отметили увеличение стоимости грузоперевозок большегрузами от 0,5 % до 25 %, а в отдельных случаях – на 46 %, «незначительное увеличение цены конечной продукции». В опросе участвовали НП СРО «Национальный союз мясопереработчиков», «Союзмолоко», ООО «Кока Кола Эйч Би Си Евразия», PepsiCo, ПАО «Трубная металлургическая компания» (ТМК), Ассоциация международных автоперевозчиков (АСМАП), X5 Retail Group, АО «Дикси Юг» и другие [8].

Отмечаемый спад грузооборота, снижение количества заключенных договоров, переход на собственный автопарк, изменение в маршрутах большегрузов из-за перестройки маршрутов движения в объезд федеральных трасс свидетельствуют о постепенном снижении экономической активности транспортных компаний, что объективно приведет к росту их удельных постоянных затрат.

Минэкономразвития предложило сохранить действующий тариф в системе «Платон» на уровне 1,53 руб. за километр до 2019 г., а также изменить методику расчета размера платы, скорректировав показатель среднего пробега. Одновременно в связи с ростом расходов бюджета обсуждается возможность поэтапного роста размера платы по системе «Платон» до первоначально запланированного уровня: 2,60 руб. за километр к февралю и 3,06 руб. за километр к июню 2017 г. Министерство предлагает проработать вопрос дифференциации платы или введения коэффициентов к базовому размеру платы в зависимости от текущего состояния дорог; интенсивности эксплуатации; наличия объездов; введения на отдельных участках временного ограничения движения транспортных средств [8]. Важный вопрос об экологической составляющей дорожных платежей не поднимается. Пока нет данных о положительной динамике макроэкономических показателей вследствие внедрения новой системы, а также

улучшения финансового состояния транспортных компаний.

В заключение отметим следующее. В России прослеживается общемировая тенденция сохранения имущественных налогов, в частности, налога с владельцев транспортных средств, и расширение системы специальных сборов, взимаемых государством для поддержания транспортной инфраструктуры и лишь частичного решения экологических задач. В странах ЕС создается единая взаимосвязанная система налогов и сборов, что, например, реализуется в части транспортного налога, акцизов и дорожных платежей. Введение специального сбора в России в отличие от зарубежных аналогов не предусматривает его экологической составляющей. Таким образом, происходит совершенствование сложившейся налоговой системы России, и можно предположить дальнейшие изменения в части дифференциации дорожных платежей путем расширения круга налогоплательщиков и учета экологического класса транспортных средств. Из-за объективной тенденции к росту государственных расходов государство будет вынуждено со временем отменить налоговые льготы по транспортному налогу, связанные с использованием системы «Платон», и повысить размер платежа.

Литература

1. Васянина Е.Л. Фискальные сборы: понятие, юридические признаки, виды // *Налоги и налогообложение*. 2007. № 7. С. 7–13.
2. Гинзбург Ю.В. Эволюция транспортного налога: от фискальной к экологической функции // *Финансовое право*. 2013. № 11. С. 27–31.
3. Еремина Н.В., Чонка А.В. Механизмы платы за пользование автомобильными дорогами: международный опыт // *Финансы*. 2011. № 7. С. 9–16.
4. Лыкова Л. Н. Налоговые системы зарубежных стран. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 428 с.
5. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. В 2 т. Т.1. М., 1996. 399 с.
6. Механик А. И у демократии есть темные стороны // *Эксперт*. 2016. № 42. С. 47–51.

7. Налоговый кодекс РФ от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ. Ч. 1. Ст. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/>

8. Тариф «Платона» предложено заморозить до 2019 года: грузоперевозки подорожали до 46 % [Электронный ресурс]. URL: <http://classic.newsru.com/russia>

9. Трофимова Я.В. Инновации как фактор экологизации экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 5. С. 33–40.

10. Федеральный закон 68-ФЗ от 6 апреля 2011 года «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112623/.

11. Федеральный закон № 257-ФЗ от 8 ноября 2007 г. «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/

12. Федеральный закон «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 03.07.2016 № 249-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200492/

13. Europe 2020 indicators – climate change and energy [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Europe_2020

14. Forderung der Elektromobilitat verbessert // Deutscher Bundestag, hib-Nr. 535/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datev.de/web/de/aktuelles/>

15. Lkw-Maut soll 2018 ausgeweitet werden [Электронный ресурс]. URL: https://www.toll-collect.de/de/toll_collect/rund_um_die_maut/mautausweitung_2018

Одноканальная бюджетная система в экономических реформах Китая 1979–1993 гг.: уроки для России

И. ЗУЛЬКАРНАЙ

К началу 1990-х гг. Россия имела высокоцентрализованную бюджетную систему, доставшуюся ей по наследству от времен СССР. Китай, кстати, до начала своих реформ в 1980-е гг. также имел высокоцентрализованную модель бюджетной системы, которая была построена по образу и подобию советской.

С 1992 г. Россия довольно быстро сломала советскую модель экономики, проведя экономические реформы (отпуск цен, приватизация), основанные на получившей в то время широкую популярность в мире монетаристской теории Милтона Фридмана и положительно оцени-

ваемой практики проведения реформ в странах Восточной Европы, прежде всего Польши.

Однако в области государственных и местных финансов реформы как таковые не проводились, а то, что происходило в этой сфере в 1990-е гг., являлось главным образом реактивными действиями на возникающие бюджетные проблемы. Из продуманных и существенных новаций можно упомянуть только налог на добавленную стоимость, не существовавший в советской бюджетной системе и введенный с 1 января 1992 г., одновременно с объявлением отпусков цен. Введение

Зулькарнай Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, заведующий лабораторией исследований социально-экономических проблем регионов Института экономики финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: zulkar@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00532а.

этого налога было рекомендовано тем же Мировым банком в составе общего пакета рекомендаций по проведению рыночных реформ, и целью этого налога была стабилизация доходов государства на фоне общего падения доходов, которые предсказуемо должны были быть следствием экономических реформ в краткосрочной перспективе.

Во всем остальном бюджетная система оставалась еще одно десятилетие копией советской. Ее отличительными чертами, кроме высокой централизации, была крайняя противоречивость налоговой системы, в которой практически каждый налог был расщепляемым, то есть поступал во все уровни бюджетной системы в разных долях. Только в 2000-е годы стал внедряться принцип «один налог – один бюджет», согласно которому каждый налог закреплялся за одним, максимум двумя уровнями бюджетной системы. Например, в настоящее время земельный налог поступает только в местные бюджеты, НДС – только в федеральный бюджет, а НДСФЛ – в региональные по нормативу 85 % налоговых сборов и в местные бюджеты по нормативу 15 %, а в федеральный бюджет не поступает. Также к новшествам экспериментального характера можно отнести кратковременный период в середине 1990-х гг., когда региональным властям было разрешено вводить местные налоги, что привело к чрезмерному росту налогового бремени, и этот эксперимент довольно быстро был прекращен. В целом же налоговая система оставалась крайне непрозрачной, запутанной и определенно не создавала стимулов к экономическому росту.

К реформированию бюджетной системы Россия приступила только в конце 1990-х гг., осуществив их в начале 2000-х гг. [8]. Таким образом, эти реформы были проведены намного позже начала собственно экономических реформ в России, тогда как в Китае реформы бюджетной системы осуществлялись одновременно с экономическими. Еще одним отличием российских реформ от китайских является то, что первые осуществлялись на базе рекомендаций западных специалистов и опыте стран Европы,

тогда как китайские реформы бюджетной системы, известные также под названием «одноканальной бюджетной системы» [3], были изобретены самими китайцами по аналогии с хозрасчетом, в одно время внедрявшимся в СССР.

Рассмотрим основные этапы китайских реформ бюджетной системы и наиболее важные их особенности. Непосредственным толчком для осуществления реформ бюджетной системы послужила стихийная ситуация, возникшая вскоре после начала экономических реформ. Так, предоставление широких прав государственным предприятиям на самоуправление в 1977–1978 гг. привело к тому, что они стали больше средств направлять на инвестиции и компенсации рабочим, что привело к падению налоговых доходов всех уровней бюджетной системы и, прежде всего, росту дефицита бюджета центрального правительства [2]. В этих условиях в качестве естественной реакции центра можно было бы ожидать усиление централизации государственных финансов – путь, по которому с конца 1990-х гг. идет Россия, даже в условиях профицита федерального бюджета.

Китайское центральное правительство поступило иначе: вместо наращивания централизации бюджетной системы оно пошло на децентрализацию, предоставив субнациональным уровням государственного управления широкие бюджетные полномочия. Целью этой политики было стимулировать региональные и местные власти к увеличению доходов и сокращению расходов, что разгрузило бы центр от необходимости оказывать им финансовую помощь.

Характерными чертами этих реформ было резкое снижение доли всей бюджетной системы в ВВП страны, а также резкое снижение доли доходов центрального бюджета в консолидированном бюджете страны [6]. Таким образом, было в существенной степени снижено налоговое бремя для экономики, что, как известно, само по себе является фактором стимулирования экономического развития.

Кроме того, собственно основным фактором стимулирования экономического развития явилось внедрение системы, получившей в

англоязычной литературе название «заключение фискальных контрактов» (Fiscal contracting system) [6]. Суть ее заключалась в установлении между центром и субнациональными правительствами соглашений о пополнении бюджетов, которые не менялись несколько лет и тем самым создавали стимулы увеличивать налогооблагаемую базу, в силу прогнозируемости ожидаемых результатов. Основным принципом этих соглашений было то, что субнациональное правительство должно было удерживать достаточно средств, чтобы покрыть основные бюджетные расходы, которые определялись на основе ситуации, сложившейся в предыдущие годы. То есть необходимо было достигнуть высокого уровня вертикального баланса бюджетов, который означает соответствие собственных доходов и расходов (тогда как низкий уровень вертикального баланса характеризуется дефицитом бюджета, который необходимо покрывать за счет дотаций из вышестоящего бюджета).

В этой системе фискальных контрактов центр устанавливал правила разделения бюджетных доходов между собой и провинциями, а также автономными районами, непосредственно стоящими ниже центрального правительства в административно-территориальном делении страны. Провинции устанавливали правила между собой и нижестоящим уровнем – префектурами, и так далее до самого нижнего уровня бюджетной системы. Тем самым достигалась высокая автономия субнациональных правительств в построении отношений с нижестоящими уровнями административной и бюджетной систем, что само по себе также являлось фактором стимулирования экономического развития, поскольку позволяло учитывать местные особенности и создавало в стране многообразие форм взаимодействия субнациональных бюджетов по вертикали. Последнее позволяло выявлять лучшие практики для последующего распространения по всей стране. В этой связи всю историю реформ бюджетной системы Китая начиная с 1979 г. можно рассматривать как движение от большого разнообразия форм к их унификации, которая наблюдается с 1994 г. по настоящее время.

Период реформ 1980–1993 гг., к которому исследователи относят термин «одноканальная бюджетная система», характеризовался экспериментами, которые, впрочем, носили эволюционный характер, что позволяет выделить 3 этапа реформ: разделение доходов и расходов, государственное обеспечение по уровням (1980–1984), разделение различных видов налогов, утверждение доходов и расходов, государственное обеспечение по уровням (1985–1987), государственное финансовое обеспечение (1988–1993) [1, 74].

Первый этап реформ в 1980–1984 гг. был этапом экспериментального поиска нового дизайна межбюджетных отношений, суть которого состояла в том, что нижестоящие органы власти заключали с центром соглашения, в соответствии с которыми в течение 4 или 5 лет сохранялись основные параметры бюджетных отношений [6]. На первом этапе реформ субнациональные уровни бюджетной системы вовлекались в процесс реформирования поэтапно, а формы этих отношений отличались наибольшим многообразием. Например, города центрального подчинения Пекин, Тяньзинь и Шанхай начали реализацию реформ позже других, а в провинциях Гуандун и Фуцзянь впервые была применена новая форма бюджетных отношений. Выплаты этих провинций в центр устанавливались на уровне отчетов за 1979 год и практически не менялись в течение 5 лет. Все остальное оставалось в распоряжении провинций, что создало мощные стимулы для них в плане наращивания налоговых доходов на своих территориях.

В отношениях между центром и субнациональными уровнями, устанавливалось три вида бюджетных доходов: поступающие в центральный бюджет, поступающие в субнациональные бюджеты и расщепляемые (совместные) бюджетные доходы, которые в этот период делились между центром и нижестоящими бюджетами в среднем в пропорции 80 % к 20 %, варьируясь от провинции к провинции. При этом сама система налогов, налоговых баз и ставок была установлена центром. В результате в распоряжении провинций оставался

единственный путь увеличения налоговых поступлений – это увеличение налогооблагаемой базы, для чего властям необходимо было создавать благоприятные условия для предприятий.

Кроме того, в самом начале реформ, когда все предприятия были государственными, бюджеты получали свои доходы в форме доходов предприятий, а не только в виде налогов. Переход от изъятия доходов предприятий к сбору налогов с доходов предприятий происходил постепенно, с начала 1980-х гг. Доходы центрального бюджета состояли из доходов предприятий, непосредственно подчиненных центру. А исключительные доходы субнациональных бюджетов состояли, соответственно, из доходов предприятий, подчиненных непосредственно этим уровням государства [1, 192]. Поскольку доходы предприятий и налоги с предприятий местного подчинения поступали в местные бюджеты в полной мере, субнациональные правительства создавали предприятия местного подчинения, то есть способствовали развитию малого и среднего бизнеса.

В наиболее систематизированном виде новая система межбюджетных отношений предстала на втором этапе реформ (1985–1987 гг.), когда применялись три четко разделяемые модели отношений центра с провинциями. Согласно первой модели, которая применялась в 13 провинциях, в их распоряжении оставался определенный процент налоговых сборов от совокупности местных и расщепляемых доходов на их территории, а остальная часть передавалась в центр. Этот процент был либо постоянным на 3 года, либо менялся очень незначительно. Например, Пекин (Beijing) удерживал 48,20 % в 1985 г. и 49, 55 % в 1986–1987 гг., а провинция Шанкси (Shanxi) удерживала все три года на своей территории 97,5 % от суммы собственных и расщепляемых доходов. В последнем случае обращает внимание, что эта провинция оставляла в своем распоряжении практически все расщепляемые (совместные) налоги.

Согласно второй модели провинция выплачивала центру не определенный процент доходов, а определенную абсолютную сумму,

которая определялась соглашением. Так, провинция Гуандон (Guangdong) направляла в центральный бюджет 772 млн юаней в 1985 году и по 778,08 млн в 1986–1987 гг., то есть практически одну и ту же сумму все три года. Все, что она собирала на своей территории свыше этой «дани», оставалось в ее распоряжении и распоряжении нижестоящих уровней бюджетной системы [4, 88].

Таким образом, большинство провинций и автономных районов покрывали свои расходы своими собственными доходами и частью разделяемых с центром доходов, то есть не получали дотаций. Дотации получали только те провинции, которые не могли покрыть свои расходные обязательства получаемыми доходами. Но и для них устанавливались жесткие бюджетные ограничения: они получали установленную дотацию, которая не менялась годами и не подлежала пересмотру, если даже дотации не хватило бы для покрытия дефицита бюджета. Например, провинция Джилинь (Jilin) оставляла на своей территории расщепляемые доходы наряду с местными и еще получала из центрального бюджета 397 млн юаней в 1985 г. и по 396,62 млн в 1986–1987 гг., то есть практически одну и ту же сумму дотаций все три года [4, 89]. Увеличение поступлений от местных и расщепляемых доходов не приводило к уменьшению дотаций, но и в случае уменьшения собственных доходов дотация не подлежала пересмотру в сторону увеличения. Это создавало для этой и подобных дотационных провинций стимулы развивать местную налогооблагаемую базу.

На третьем этапе реформ, в 1986–1993 гг., система фискальных контрактов стала более сложной, но соответствующей возросшему у всех уровней государственного управления пониманию ее стимулирующей роли в ходе применения простых ее форм (фиксированная доля всех доходов, фиксированная сумма передаваемых в центр доходов, фиксированная дотация из центра). Всего в эти годы применялось уже шесть моделей межбюджетных контрактов [6].

Согласно первой модели доходы в размере доходов 1987 г. устанавливались в качестве

базовых. Также устанавливался процент роста доходов, весь доход с учетом установленного роста распределялся между центром и провинцией в определенной, индивидуальной для каждой провинции пропорции. У провинции был стимул превысить этот процент роста, так как доходы выше установленного процента роста оставались в распоряжении провинции. Эту модель применяли 10 провинций. Например, Пекин оставлял 50 % собираемых доходов, и для него был установлен ежегодный рост доходов на 4 %.

Согласно второй модели, применяемой в трех провинциях, в их распоряжении оставался определенный процент совокупных доходов, а все остальное передавалось в центр. Стимул заключался в увеличении роста общей суммы доходов, так как установленная доля оставалась в распоряжении провинции. Например, в провинции Тяньцзинь 46,5 % доходов оставалось на местах, а в провинции Шаньси – 87,55 %, остальная часть доходов передавалась в центральный бюджет.

В третьей модели стимулирующий эффект был несколько ниже. Доходы текущего года в размере доходов предыдущего года распределялись в той же пропорции, что и в прошлом году. А рост доходов также распределялся в другой пропорции. Этот метод применялся в трех субпровинциальных городах: Далянь, Циндао и Ухань. Например, Ухань удерживал в своем бюджете 17 % собираемых доходов в размере базисной величины и 25 % от прироста доходов.

Четвертая модель схожа с первой моделью в том, что 1987 г. был выбран за базовый на несколько лет, но выплаты в центр этого года брались за базовые в абсолютном выражении и по отношению к ним устанавливался процент роста выплачиваемых в центр доходов. Например, провинция Гуандун в 1987 г. выплачивала в центр 1,413 млрд юаней, а в последующие годы эта сумма возрастала на 9 %. Все, что провинция собирала свыше выплачиваемых по этому правилу в центр доходов, оставалось в ее распоряжении. Этому правилу следовали всего три провинции.

В пятой модели устанавливались суммы доходов и расходов провинции в качестве базисных. Если у провинции доходы превышали расходы, то она выплачивала в центр определенную фиксированную на следующие годы сумму. Например, Шанхай выплачивал 10,5 млрд юаней, а все превышение доходов над суммой установленных базисных расходов и этой фиксированной «дани центру» оставалось в его распоряжении.

Шестая модель применялась к дотационным провинциям, но дотации оставались неизменными на несколько лет.

Все эти модели третьего этапа реформ и модели предыдущих этапов создали большое разнообразие стимулов экономического роста для субнациональных уровней государственного управления, специфичное для каждой территории. Как известно, все это привело к началу бурного роста экономики Китая [1, 3], продолжавшегося более 30 лет, что позволило этой стране выйти на второе место в мире по ВВП и на первое место по ВВП с учетом паритета покупательской способности (ППС).

Если говорить о реформах, реализуемых в России, следует отметить, что у нас в стране экономические реформы начались позже китайских более чем на 10 лет, и к началу 1990-х гг. было известно, что бюджетные реформы являлись важной составляющей частью китайских экономических реформ. Соответственно, были сторонники «китайского» пути для проведения реформ в России. Однако в силу политических причин, значительного влияния МВФ на российских реформаторов в федеральном центре стал преобладать подход, отторгающий китайский опыт. В регионах же России, наоборот, сторонники эволюционного проведения реформ, наподобие китайских, имели более сильные позиции. Проявлением этого стали попытки, предпринимавшиеся Республикой Башкортостан и Республикой Татарстан выстроить в 1992–1993 гг. отношения с центральным бюджетом по принципам «одноканальной системы». Однако, как мы знаем, эти попытки не реализовались в полной мере в эти годы, а позже все их следы были стерты реформами 2000-х гг.

Причины того, что «одноканальная бюджетная система» не прижилась в России, кроются не только в традиционной склонности российского государственности к централизации управления, не только в боязни администрации Ельцина потерять контроль над финансами страны, но и в том, что китайский опыт бюджетных реформ подвергался жесткой критике со стороны западных экспертов, к которым тогда российская высшая власть прислушивалась.

Так, американские ученые Роу Болл и Кристина Уоллиш в 1995 г. писали: «В Китае начиная с середины 1980-х гг. многим провинциям были дарованы специальные права и привилегии. Фискальные соглашения, по которым провинции ежегодно поставляли в центр фиксированный на пять лет размер доходов, позволял этим провинциям удерживать возрастающую долю доходов, которую они собирали... Это аналогично системе, которую Башкирия обсуждает с федеральным правительством России» [5, 385]. В этой цитате обращает внимание тот факт, что зарубежные ученые следили за ситуацией и в России, вплоть до знания деталей отношений отдельных регионов с федеральным центром, в частности, усилиями, которые предпринимал Башкортостан. Однако, говоря об этом, эти ученые указывают на неприемлемость для России такой системы на примере Китая: «Хотя эти процессы были выгодны для провинций с этими специальными условиями, это наносило ущерб центральному правительству, ... подрывая его способность проводить фискальную политику по финансовой стабилизации» [5, 385].

Впоследствии, в конце 1990-х гг., эти ученые были в группе американских специалистов, разработавших план бюджетных реформ для России, которые были осуществлены в 2000-е гг. Таким образом, влияние западных консультантов в отсутствие у российских реформаторов в центре собственного мнения определило как тот факт, что китайская модель

«одноканальной системы» не прижилась на российской почве в 1990-е гг., так и архитектуру формульно обоснованной бюджетной системы, которая была внедрена в 2000-е гг. и действует до сих пор.

К опыту китайской модели межбюджетных отношений имеет смысл обратиться в настоящих условиях, когда Россия столкнулась с экономической стагнацией, внешними экономическими санкциями и остро нуждается во внутренних стимулах экономического роста.

Литература

1. Жуджунь Дин, Ковалев М.М., Новик В.В. Феномен экономического развития Китая. Минск: Изд. центр БГУ. 2008. 446 с.
2. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство. 2016. 386 с.
3. Лавров А., Христенко В. Экономика и политика российского бюджетного федерализма. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=4850&order_4=M_DATE&dir_4=DESC&page_4=825
4. Bahl R. Fiscal Policy in China: Taxation and Intergovernmental Fiscal Relations. Ann Arbor: University of Michigan Press. 1999. 237 p.
5. Bahl R. Wallich C. Intergovernmental fiscal relations in the Russian Federation. In Decentralization of the Socialist State: Intergovernmental Finance in Transition countries Washington, DC: World Bank, 1995. 356 p.
6. Chunli Shen, Jing Jin, Heng-fu Zou. Fiscal Decentralization in China: History, Impact, Challenges and Next Steps. Annals of Economics and Finance, 2012. Vol. 13. Issue 1. Pp. 1–51.
7. Lin J.Y., Lou Z. Fiscal Decentralization and Economic Growth in China, Economic Development and Cultural Change. 2000. Vol. 49. № 1. Pp. 1–21.
8. Martinez-Vazquez J., Boex J. Russia's transition to a new federalism. Washington DC: World Bank. 2001. 99 p.

О книге А.И. Селиванова «Развитие объектов. Наука управления будущим» (М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 848 с.)

Труд известного российского ученого-философа Александра Ивановича Селиванова посвящен научному анализу становящейся реальности – вступлению человечества в шестой технологический этап своего развития.

В книге А. Селиванова предпринимается попытка на основе рациональной материалистической философии и системы научного познания осмыслить феномен развития, онтологические и культурологические основания познания конкретных развивающихся объектов – от Метагалактики до человеческих сообществ и личностей. Большое внимание уделяется анализу роли и места русской культуры в освоении будущего, в поиске сокровенных смыслов и высоких целей человечества. Рассматривается задача формирования нового социального слоя планетарного масштаба – «класса развития», который должен включать в себя все новые интеллектуально-профессиональные группы в научной, политико-властной и управленческой сферах специалистов различных стран и культур, несущих в себе различные метафизические смыслы и цели.

Автор отмечает, что перед современным человеком стоит комплексная задача создания методологии и инструментария для того, чтобы уметь заглянуть в будущее, попасть в него до его наступления, конструировать будущее, создавать и управлять им. Шарлатанство и ремесленничество, разного рода спекуляции в этой сфере должны быть отброшены, а на смену им должны прийти систематические и социально ответственные разработки. Наиболее эффективной методологической платформой является обладающая мощным потенциалом философия диалектического материализма. Именно в силу этого она либо замалчивается, либо целенаправленно уничтожается ее оппонентами. Сегодня наблюдается растерянность материализма перед лицом агрессивных оппонентов, которую предстоит преодолеть, поскольку именно на материалистической основе человеку откроются новые

горизонты в развитии, в созидании будущего, формировании нового качества человеческого в человеке. Только на основе сочетания истинности знания и ответственности действия строительство будущего перестанет быть чередой волонтаристских и авантюрных проектов, а превратится в осмысленное, научно обоснованное и ответственное движение вперед.

Автор справедливо отмечает, что в последние годы стало модно говорить о развитии, само это понятие стало обиходным («научно-технический прогресс», «технологическое развитие», «устойчивое развитие», «экономический рост» и т.д.). Любое государство, в том числе Россия, ставит целью развитие в сфере экономики, внешней политики, обеспечения национальной безопасности. Страны (в том числе развитые), их культуры столкнулись с тупиками смыслов дальнейшего движения вперед, с серьезными проблемами управления сложными развивающимися системами, с ростом числа кризисных ситуаций.

В этих условиях логично было бы полагать, что проблема развития как фундаментального и прикладного направления научных исследований будет активно разрабатываться.

Однако вопреки этому и в мире, и в России фундаментальные и прикладные исследования проблем развития, наоборот, свертываются или вообще прекращаются. Например, в нашей стране подобного рода работы не ведутся уже более 20 лет. Как следствие – в России отсутствуют научные школы, остались лишь единицы специалистов по теории развития, а сама проблема ушла на далекую периферию науки. В результате в общественном сознании (в том числе у научных работников и аналитиков-практиков) доминирует представление о развитии, сложившееся в рамках объективного идеализма и материализма середине XIX века с некоторыми интерпретациями.

Более того, в условиях жесткой конкуренции за будущее, в том числе в сфере науки и

образования, со стороны Запада предпринимаются яростные атаки выдавливания российской науки и образования из высокотехнологических отраслей и других сфер, определяющих горизонты будущего.

Все это придает особую актуальность и своевременность выхода в свет труда А. Селиванова.

В первой части рецензируемой книги *«Концепция развития как культурно-мировоззренческая ценность»* автор раскрывает понимание процессуальности больших масштабов в различных культурах и субкультурах – особенно культур «стрелы времени» (европейской, русской, мусульманской, иудейской), «вечности» (китайской), «вечного круговорота» (индийской), мистических концепций; показывает место и роль метафизики процессуальности в комплексе природно-социально-духовных оснований функционирования, развития и конкуренции культур и цивилизаций, в особенности – реальность и перспективы «культур развития» в бытии человечества.

Во второй части *«Онтология развития объектов»* А. Селиванов исследует базовые положения онтологии развивающихся объектов, основания которой были заложены автором в его предшествующих работах, в частности, в работе *«Бытие и постижение развивающихся миров»* (Уфа, 1998). Большое внимание в рецензируемой работе уделено раскрытию феноменологии и системы детерминации процесса развития. Автор предлагает свою версию реляционной концепции времени, которая в дальнейшем может стать основой формирования новых подходов в футурологии.

В третьей части работы *«Познание развития и развивающихся объектов»* изложены метафизические основания и научная система познания развития и развивающихся объектов, выявлены современные тренды их эволюции. Принципиальным является то, что А. Селиванов разграничивает познание сложных развивающихся

объектов и познание стационарных и более простых объектов, подчеркивает необходимость сочетания рациональных и иных (этических, эстетических, интуитивных) компонентов познания для углубления познания объектов такого типа и достижения истины.

Четвертая часть работы *«Бытие и постижение будущего развивающихся объектов»* посвящена формированию основания футурологии на базе методологии конкретных развивающихся объектов, изложению основания онтологии, метафизики, гносеологии познания будущего, формированию основы фундаментальной и прикладной футурологии.

В пятой части *«Освоение будущего»* А.И. Селиванов излагает авторское видение принципов и основных аспектов строительства будущего и управления им, продвижения человека в будущее. Ученый убежден, что путь спасения человечества перед лицом будущего лежит через освоение времени и управления будущим. Без активного и осмысленного научно обеспеченного комплексного подхода к строительству будущего, направленного выделения ресурсов человечество обречено на исчезновение даже при условии сохранения приемлемых условий жизни на планете Земля. По мнению А.И. Селиванова, будущее является более (не менее) ценным, чем настоящее. Именно на этой платформе необходим поиск ценностно-парадигмального единения человечества.

Книга А. Селиванова *«Развитие объектов. Наука управления будущим»* по масштабу рассмотренных актуальных проблем и выдвинутых фундаментальных идей является заметным вкладом ученого в развитие теории и практики познания сложных объектов, прежде всего такого важнейшего из них, как «будущее человечества».

В.К. Петров, канд. филос. наук, советник генерального директора ООО «Газпром трансгаз Уфа»

Р. МИЯНОВ. Россия в глобальной экономике: конкурентоспособность и современные вызовы

В статье рассматриваются вопросы современного глобального развития, прогнозные сценарии развития мировой экономики и экономики России в условиях глобальной нестабильности и неопределенности, конкурентоспособность России в рейтингах ведущих международных организаций. Раскрыты стратегические цели и основные направления повышения глобальной конкурентоспособности страны, экономического роста и модернизации экономики России.

Ключевые слова: глобальная экономика, экономический рост, торгово-экономическое сотрудничество, конкурентоспособность, ведение бизнеса, внешнеэкономическая стратегия.

R. MIYANOV. Russia in the Global Economy: Competitiveness and Current Challenges

This article discusses the current global development, forward-looking scenarios for the world economy and the Russian economy in conditions of global instability and uncertainty, Russian competitiveness in the rankings of the leading international organizations. There are disclosed strategic objectives and main directions of improving the global competitiveness of the country's economic growth and modernization of the Russian economy.

Key words: global economy, economic growth, trade and economic cooperation, competitiveness, doing business, foreign economic strategy.

Р. АХУНОВ, А. ЯНГИРОВ, Ю. ТОКТАМЫШЕВА, А. РАБЦЕВИЧ, А. МУХАМЕТОВА.

Проблемы формирования сбалансированного пространства Республики Башкортостан

В статье приводятся результаты оценки дифференциации территориального развития Республики Башкортостан, исследуются причины образования этой дифференциации. Предложен управленческий механизм сбалансированного развития муниципальных образований через их взаимодействие (М2М) в рамках экономических зон.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, муниципальные образования, дифференциация, сбалансированное пространство, взаимодействие муниципальных образований, экономические зоны.

R. AKHUNOV, A. YANGIROV, Yu. TOKTAMYSHEVA, A. RABTSEVICH, A. MUKHAMETOVA.

Problems of Balanced Space of the Republic of Bashkortostan Formation

The article presents the results of evaluation of differentiation of territorial development of the Republic of Bashkortostan, the causes of this differentiation are investigated. Management tool of sustainable development of municipalities through their interaction (M2M) within the economic zones was suggested.

Key words: Republic of Bashkortostan, municipalities, differentiation, balanced space, interaction of municipalities, economic zones.

Р. АМИРОВА. Оценка инновационного развития экономики

В статье в качестве значимого фактора инновационного развития экономики рассматриваются критерии и показатели инновационного развития. Сложность рассматриваемой проблематики связана с тем, что в настоящее время нет общепринятой методики оценки инновационного развития. Предлагается рассмотреть в качестве критерия уровень интеллектуальной собственности, в форме показателей рассмотреть динамику заявок, выдачу патентов и созданных технологий, а в соответствии с критерием ресурсной обеспеченности науки – показатель потенциала воспроизводства кадров высшей квалификации.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, глобальный индекс инноваций, инновационный потенциал, патентная активность, инновационная активность.

R. AMIROVA. Evaluation of Innovation Development of Economy

In the article as a significant factor of innovative development of economy is considered criteria and indicators of innovation development. The complexity of the issues related to the fact that there is currently no generally accepted methodology for assessing innovative development. It is suggested to consider as a criterion for the level of intellectual property in the form of metrics to consider the dynamics of applications for patents and established technologies, and in accordance with the criterion of resource provision of science – an indicator of the capacity of reproduction of highly qualified personnel.

Key words: scientific and technological progress, global innovation index, innovation potential, patent activity, innovation activity.

V. ХАСАНОВА, М. КАРИМОВ. Обоснование устойчивого развития Республики Башкортостан

В статье рассматривается возможность использования новых подходов, заложенных в концепции «Цели развития на пороге тысячелетия» и «Цели устойчивого развития», для обоснования индикаторов оценки социально-экономического развития регионов на примере Республики Башкортостан.

Ключевые слова: устойчивое развитие, интегральные индексы, индикаторы устойчивого развития, цели развития тысячелетия, цели устойчивого развития, индекс человеческого развития, индекс скорректированных чистых накоплений.

V. KHASANOVA, M. KARIMOV. Substantiation for Sustainable Development of the Republic of Bashkortostan

The article discusses the possibility of using new approaches embodied in the concept of «Development objectives of the Millennium» and «Sustainable development goals», to support the evaluation of the indicators of socio-economic development of regions on the example of the Republic of Bashkortostan.

Key words: sustainable development, integrated indices, indicators of sustainable development, Millennium development goals, sustainable development goal, human development index, adjusted net savings index.

М. ВАСИЛЬЕВ. Республиканский центр кадрового тестирования: решение стратегических задач

В представленном материале дан системный анализ эффективности функционирования модели центра кадровой оценки, лежащей в основе Республиканского центра кадрового тестирования и его место в системе кадровой политики государственных органов Республики Башкортостан. Автором подробно рассмотрены перспективы развития РЦКТ в аспекте нового этапа реформы государственной гражданской службы в России.

Ключевые слова: государственная кадровая политика, государственная служба, Республиканский центр кадрового тестирования, реформа.

M. VASILJEV. Republic Center of Personnel Testing: the Strategic Objectives

In the submission given to the system analysis of efficiency of functioning of the model of personnel evaluation, the underlying of the Republic center of personnel testing and its place in the system of personnel policy of the authorities of the Republic of Bashkortostan. The author considers the prospects of development this center in the aspect of the new stage of the reform of the civil service in Russia.

Key words: state personnel policy, public service, Republic center of personnel testing, reform.

Ш. ШАРИПОВ. Энергетическое стратегирование в регионе

В статье рассматриваются содержание «Энергетической стратегии развития России до 2035 года», подпрограммы, а также основа и методология соответствующего проекта. Выделяются региональные особенности, которые необходимо учитывать при разработке стратегии. Предлагаются меры, реализация которых будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию Республики Башкортостан.

Ключевые слова: стратегия, энергетический менеджмент, распределенная энергетика, импортозамещение, энергетическое машиностроение, кооперация и партнерство, координационный совет.

Sh. SHARIPOV. Energy Strategizing in the Region

In the article are considered the content of the «Russian Energy Strategy to 2035», the sub-program and the basis and methodology of the project concerned. Regional features that should be considered in the process of strategy developing were distinguished. Measures, the implementation of which will contribute to the sustainable socio-economic development of the Republic of Bashkortostan are suggested.

Key words: strategy, energy management, distributed energy, import substitution, power engineering, cooperation and partnership, coordination council.

Е. РОДИНА. Новые инициативы – требование времени

В статье затрагиваются актуальные инициативы в области жилищного и инфраструктурного законодательства – такие как ГИС ЖКХ, управление многоквартирными домами, лицензирование транспортных перевозок и т.п.

Ключевые слова: «ГИС ЖКХ», многоквартирные дома, управляющие организации, лицензирование перевозок, законодательная деятельность, жилищная политика, инфраструктура Республики Башкортостан.

E. RODINA. New Initiatives – the Requirement of Time

The article considers current initiatives in the field of housing and infrastructure legislation – such as «GIS housing and public utilities», management of apartment buildings, the licensing of transportation, etc.

Key words: «GIS housing and public utilities», apartment building managers organizations, licensing transportation, legal activities, housing policy, infrastructure of the Republic of Bashkortostan.

Н. РАФИКОВА, А. ХАЗИЕВА. Анализ показателей производства продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота в разрезе зон Республики Башкортостан

В статье представлен анализ показателей производства продукции выращивания крупного рогатого скота в разрезе зон Республики Башкортостан. Проведены типологические группировки районов с учетом направления развития скотоводства и предложенной системы показателей. Выявлены существенные зональные и межрайонные различия, определены резервы и даны рекомендации по повышению эффективности развития скотоводства.

Ключевые слова: анализ, зональное размещение, типологические группировки, направления развития скотоводства, показатели, резервы, производство продукции выращивания крупного рогатого скота.

N. RAFIKOVA, A. KHAZIEVA. Analysis of Production Growing and Fattening Cattle in the Context of the Republic of Bashkortostan Zones

The article presents an analysis of indicators of production rearing cattle in the context of the Republic of Bashkortostan areas. Typological grouping areas with the development direction of animal husbandry and the proposed system of indicators are conducted. Significant zonal and inter-regional differences identified reserves and recommendations to improve the efficiency of animal husbandry were revealed.

Key words: analysis, zonal arrangement, typological groups, the development of cattle breeding areas, indicators, reserves, production cattle breeding.

О. КОМАРЕВЦЕВА. Новая модель экономики региона: простая программа или путь к развитию?

Данная статья посвящена оценке эффективности Программы развития Орловской области на 2014–2024 годы. На основе проведенного анализа выявлены проблемы функционирования экономики региона. По мнению автора, предложенная в Программе модель развития является недостаточно результативной. При этом автором разработана фундаментальная модель развития экономики Орловской области на основе взаимодействия приоритетных направлений, объектов, субъектов и ресурсов.

Ключевые слова: региональная экономика, модель экономического развития, потребление, инвестиции, промышленность, управление изменениями.

O. KOMAREVTSEVA. New Model of the Regional Economy: a Simple Program or Path to Development?

This article is devoted to assessing the effectiveness of the Orel Region Development Program for 2014–2024 years. On the basis of analysis the problems of functioning of the regional economy were revealed. According to the author's point of view, proposed in the Program of development model is not sufficiently effective. The author developed a fundamental model of economic development of the Orel Region through on the basis cooperation priority directions, objects, actors and resources.

Key words: regional economy, model of economic development, consumption, investment, industry, change management.

Р. ГАЛЛЯМОВ. Основные барьеры на пути развития женского предпринимательства в современной России и способы их преодоления (по материалам социологических исследований)

На основе компаративного анализа результатов нескольких репрезентативных региональных социологических опросов определяются основные барьеры и способы их преодоления на пути развития женского предпринимательства в современной России.

Ключевые слова: предпринимательство, женское предпринимательство, барьеры и способы их преодоления в развитии женского бизнеса.

R. GALLYAMOV. The Main Barriers to the Development of Woman's Entrepreneurship in Modern Russia and Ways to Their Overcoming (On Materials of Sociological Research)

On the basis of comparative analysis of the results of several regional representative opinion polls identifies the main barriers and ways to their overcoming in the way of women's entrepreneurship development in modern Russia.

Key words: entrepreneurship, women's entrepreneurship, barriers and ways to overcome them in the women's business development.

Е. БЕГЛОВА, С. НАСЫРОВА. Безработица молодого поколения как подавляющий фактор человеческого развития

В статье на основе статистических данных раскрываются причины неконкурентоспособности молодых специалистов на рынке труда и социально-экономические последствия повышенной социальной напряженности на рынке труда молодого поколения, что вызывает опосредованное подавление человеческого развития.

Ключевые слова: безработица, молодежь, рынок труда, трудовые ресурсы, человеческое развитие.

E. BEGLOVA, S. NASYROVA. Unemployment of the Young Generation As the Overwhelming Factor of Human Development

In the article on the basis of statistical data revealed reasons for lack of competitiveness of young specialists in the labor market and socio-economic results of increased social tensions on the labor market of the young generation that is caused suppression of human development.

Key words: unemployment, youth, labor market, labor resources, human development.

Р. МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ, Т. НАДЫРШИН. Религиозные символы в конструировании позитивного имиджа Башкортостана

В статье рассматривается религиозный ландшафт Республики Башкортостан, который представляет собой важную составляющую имиджа региона. Также дана попытка раскрыть основные направления возможностей использования церквей и мечетей как ресурсов образовательной и воспитательной деятельности.

Ключевые слова: религиозный ландшафт, имидж, Республика Башкортостан, толерантность, православие, ислам, молодежные религиозные организации.

R. MUKHAMETZYANOVA-DUGGAL, T. NADYRSHIN. Religious Symbols in the Construction of a Positive Image of Bashkortostan

In the article was considered the religious landscape of the Republic of Bashkortostan, which is an important component of the region's image. There is attempted to reveal the main directions of the possibilities of using the churches and mosques as a resource of education and educational activities.

Key words: religious landscape, the image of the Republic of Bashkortostan, tolerance, Christianity, Islam, youth religious organizations.

Р. КАРИМОВА, Р. ЯППАРОВА. Сельская бедность в регионе: специфика, причины и пути сокращения

В статье на основе результатов статистических обследований и социологических исследований населения и экспертов раскрываются некоторые специфические особенности, причины и пути сокращения бедности на селе.

Ключевые слова: бедность, уровень жизни, сельское население, сельская территория, безработица.

R. KARIMOVA, R. YAPPAROVA. Rural Poverty in the Region: Specificity, Causes and Ways of Reducing

On the basis of the results of statistical surveys and sociological studies of the population and the experts reveal some specific features, causes and ways to reduce poverty in rural areas.

Key words: poverty, living standards, rural population, rural area, unemployment.

И. ДЕМИЧЕВ. Проблема архаизации социокультурной общности: критерии оценки

В статье рассматривается проблема выявления критериев оценки уровня архаизации социокультурной общности и параметры протекания процесса архаизации. Выделяются и сопоставляются традиционный, модернизирующийся и архаизирующийся сегменты общности, скорости и направленность их динамики. Критериями определены связность социокультурного пространства общности, эффективность институтов, уровень жизни, состояние системы образования, состояние института гражданства и идентичностей.

Ключевые слова: социокультурная общность, традиция, модернизация, архаизация, институционально-дискурсивная структура.

I. DEMICHEV. The Problem of Socio-Cultural Community Archaization: Assessment Criteria

The problem of identifying for assessing the level of archaism socio-cultural community and the parameters of the process flow of archaization criteria was considered. There are determined and compared traditional, modernized and archaizing segments of community, the speed and direction of their dynamics. The criteria defined by the connection of community socio-cultural space, the effectiveness of institutions, quality of life, the state of the education system, the state of citizenship and identities are defined by criteria.

Key words: socio-cultural community, tradition, modernization, archaization, institutional and discursive structure.

Я. ТРОФИМОВА. Дорожные платежи в системе российских налогов и сборов

Статья посвящена рассмотрению места и роли дорожных платежей в системе налогообложения. Проанализирован исторический и зарубежный опыт применения данных платежей. Выделена экологическая составляющая дорожного сбора.

Ключевые слова: транспортный налог, дорожные платежи, фискальный сбор, экологическая функция сбора.

Ya. TROFIMOVA. Traffic Payments in Russian Taxes and Fees System

The article is devoted to considering of the place and role of road payments in the tax system. There were analyzed the historical and international experience of the application of these payments. The ecological component of road collecting is distinguished.

Key words: vehicle tax, road payments, fiscal collection, the collection of environmental function.

И. ЗУЛЬКАРНАЙ. Одноканальная бюджетная система в экономических реформах Китая 1979–1993 гг.: уроки для России

Статья посвящена анализу роли и места реформ бюджетной системы Китайской народной республики, в экономических реформах этой страны. Показана сущность и роль одноканальной бюджетной системы, формировавшейся с 1980-го года и действовавшей в период до 1993 г., в стимулировании всех уровней государственного управления и местного самоуправления, в развитии экономики, поощрении экономической активности населения.

Ключевые слова: бюджетная система, бюджетные реформы, Китай, китайские реформы.

I. ZULKARNAI. Single Channel Budgetary System in the Economic Reforms in China 1979–1993 Years: Lessons for Russia

This article analyzes the role and place of the reform of the budget system of the People's Republic of China, in the economic reforms in this country. It is shown that the nature and role of the single-channel budget system, configured with 1980 and in force during the period until 1993, the year in encouraging all levels of public administration and local government in economic development, the promotion of economic activity of the population.

Key words: fiscal system, fiscal reform, China, Chinese reforms.

	№
Экономическая политика: стратегия и тактика	
АГЗАМОВ Р. Инвестиционный портфель роста: опасность игнорирования инновационной деятельности	5
АМИРОВА Р. Оценка инновационного развития экономики	6
АХУНОВ Р., ЯНГИРОВ А., ТОКТАМЫШЕВА Ю., РАБЦЕВИЧ А., МУХАМЕТОВА А. Проблемы формирования сбалансированного пространства Республики Башкортостан	6
БИКМЕТОВ Р. Стратегия социально-экономического развития градообразующих предприятий в условиях санкций	1
ВАСИЛЬЕВ М. Республиканский центр кадрового тестирования: решение стратегических задач	6
ГИЛЯЗЕТДИНОВА Е., САБИРОВ Р. Интеграция бизнес-структур как фактор социально-экономического развития Российской Федерации	1
ЕРЕМЕЕВА Л. Республика Башкортостан: текущие тенденции развития и стратегия экономического роста	5
ЖИЛИН В., ЖИЛИНА Е. Развитие предпринимательства в муниципальных образованиях как основа экономической конкуренции и муниципальной демократии	5
ИОМ ДИН Г., ЮНУСОВА А. Экспертные оценки агропромышленных проектов на Южном Урале: применение метода анализа иерархий	5
МАЛИКОВ М. Концептуально-правовые основы социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года	2
МИЯНОВ Р. Россия в глобальной экономике: конкурентоспособность и современные вызовы	6
НОВИКОВ С. Проектирование Стратегии развития на муниципальном уровне: этапы и специфика реализации	2
ТРОФИМОВА Я. Инновации как фактор экологизации экономики	5
ФОМИНА Е., ЗЫРЯНОВА Ю. Экономическое обоснование инвестиций в обновление оборудования	5
ХАСАНОВА В., КАРИМОВ М. Обоснование устойчивого развития Республики Башкортостан	6
Экономический форсайт Башкортостана: от теории к стратегии (интервью с Е.В. Мавриным)	5

Государственное и муниципальное управление

АРАБАДЖИЙСКИ Н. Развитие электронной демократии на уровне местного самоуправления в Республике Болгария	4
БЕЗВИКОННАЯ Е. Проблемы развития Комитетов территориального общественного самоуправления городского округа г. Омск	4
ИСХАКОВ Р. Институт муниципальной службы Республики Башкортостан: сценарий успешной модернизации	5
КАБАШОВ С. Перемены в философии государственной и муниципальной службы: от «сильного государства» к «сервисному государству»	5
РЫСАЕВ И. Муниципальная управленческая парадигма в современной России: мифы и реальность	5
РЫСАЕВА Э. Между централизацией и регионализацией: развитие муниципальной демократии в современной Европе	4
ТРОФИМОВА И. Гражданское участие и развитие муниципальной демократии в современной России	4

ФИЛИППОВА Н. Основные направления и методы развития социальной активности населения в осуществлении местного самоуправления	4
ХАБИБРАХМАНОВА Э. Региональные практики вовлечения граждан в местное самоуправление	5
ХАЛИКОВ М. Современные управленческие технологии вовлечения населения в решение вопросов местного значения	4

Региональная экономика

БАРНОВАЛОВ М. Современные проблемы энергетической безопасности регионов России	3
ЖИЛИН В. Экономические и экологические проблемы развития пчеловодства в муниципальных образованиях	4
КОЗЛОВА Ю., САЛИМГАРЕЕВА Э. Управление имиджем территориальных образований Крайнего Севера как средство улучшения социально-экономической обстановки в регионе	3
КОМАРЕВЦЕВА О. Новая модель экономики региона: простая программа или путь к развитию?	6
ЛУЧИННИНА О. Возможности и угрозы реализации гособоронзаказа в новых экономических условиях (на примере машиностроительных предприятий Псковской области)	3
РАФИКОВА Н., ХАЗИЕВА А. Показатели самообеспеченности мясом и мясопродуктами и пути развития скотоводства в Республике Башкортостан	4
РАФИКОВА Н., ХАЗИЕВА А. Анализ показателей производства продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота в разрезе зон Республики Башкортостан	6
РОДИНА Е. Новые инициативы – требование времени	6
Социально-экономическое развитие Республики Башкортостан как объект научных исследований и стратегического планирования (<i>интервью с Д. КОТОВЫМ</i>)	3
ШАРИПОВ Ш. Энергетическое стратегирование в регионе	6

Политические процессы

Восточный вектор внешней политики России на современном этапе (<i>интервью с В. ТРУБНИКОВЫМ</i>)	1
ДОРОЖКИН Ю. Специфика муниципальной демократии и проблемы ее становления в современной России	5
ДОРОЖКИН Ю., САБИТОВ М. Политические факторы протестной активности в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России	1
КАГАРЛИЦКИЙ Б. Применим ли для нас опыт западного «муниципального социализма»?	5
КРАСУЛИНА О. Влияние геоэкономики и геополитики на мировое развитие	3
МАРДАНОВ М. Проблематика религиозной идентичности в светском обществе современного Башкортостана	5
ОЧКИНА А. Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития	4
Российская политология сегодня: универсальные тенденции и региональная специфика (<i>беседа с О.Б. ПОДВИНЦЕВЫМ и П.В. ПАНОВЫМ</i>)	4
САЙФУТДИНОВА В. Совет Федерации в системе политико-властных отношений современной России	3
СОЛОДКАЯ М. Электоральные процессы в Оренбургской области на локальном уровне: динамика явки и социально-политической репрезентации	4

ТОЛКАЧЕВ К. Законодательная власть в России и субъектах Федерации: история и современность	5
ЮНУСОВА А. Имамы – слабое звено российского ислама (к вопросу о духовных ресурсах безопасности)	5

Человек. Экономика. Общество (Актуальные проблемы развития экономики и общества)

АВETИCЯН П., АВETИCЯН А. Рынок образовательных услуг Армении в контексте интеграционных тенденций	3
АХУНОВ Р., ЗУЛЬКАРНАЙ И., ИCЛАКАЕВА Г. Стратегические вызовы системе высшего образования: взгляд экономистов	4
БЕГЛОВА Е., НАCЫРОВА С. Безработица молодого поколения как подавляющий фактор человеческого развития	6
ГАЛЛЯМОВ Р. Особенности женского предпринимательства в современной России	3
ГАЛЛЯМОВ Р. Основные барьеры на пути развития женского предпринимательства в современной России и способы их преодоления	6
ГАНЦЕВ Ш., НИКОНОРОВ С. Институциональные основы сотрудничества России и стран ШОС в сфере инноваций	4
ГАРЕЕВ Э., КОСТЫЛЕВА Е. Средний класс как элемент устойчивости социальной иерархии российского общества	3
ДЕМИЧЕВ И. Проблема архаизации социокультурной общности: критерии оценки	6
КАРИМОВА Р., ЯППАРОВА Р. Сельская бедность в регионе: специфика, причины и пути сокращения	6
МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Р., НАДЫРШИН Т. Религиозные символы в конструировании позитивного имиджа Башкортостана	6

Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан – 25 лет

Поздравление Руководителя Администрации Главы Республики Башкортостан С.А. МОЛЧАНОВА	5
МАХМУТОВ А. В борьбе за создание Башкирской академии государственной службы и управления: неизвестные страницы истории	5
АЮПОВ М. Академия всегда была инновационным вузом	5
ЛАВРЕНТЬЕВ С. Гордость БАГСУ – выпускники	5
КОЛОБОВА Г. Наша цель – создание вуза нашей мечты	5

Вопросы теории

АВДЕЕВ П. Современный подход к пониманию структуры компетенций	2
БАГРАТЯН Г. Мегаэкономика как новая область исследования экономической науки	1
ЖУКОВ Д. Приложение теории самоорганизованной критичности к исследованию социополитических процессов	1
МИНАКОВ П. Институционализация публичной власти: теоретические проблемы	2
ХАКИМОВА К. Методический подход к формированию механизма разработки инновационно-инвестиционной стратегии предприятия	2

Менеджмент и маркетинг (Социальная сфера)

АВДЕЕВ П. Современный подход к пониманию адаптивного управления	1
АВДЕЕВ П. Руководство и лидерство: теоретико-сравнительный анализ понятий	4
АГЗАМОВ Р. Контекст как актив стратегического маркетинга	1
АГЗАМОВ Р. Соотношение целевого воздействия и механизмов социальной регуляции в процессе управления	2
АЛЛАЯРОВА А., БАКИЕВА М., КАДЫРОВ С. Основные факторы здоровья населения Республики Башкортостан	1
ГАЛИН Р. Анализ воспроизводства населения в муниципальных образованиях Башкортостана	1
ГАНИЕВА А. Оценка конкурентоспособности вузов на основе рейтинговой модели	2
МАХОВ А. и др. Особенности адаптации иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России	2
САМОЙЛЕНКО В. Бизнес-модели нефтесервисных услуг и эффективность нефтяных компаний	4

Государство: власть и общество (Государственная служба)

ДАУТОВА А., БЕЛЯЕВ Е. Концептуальные проблемы реализации национальной политики в Республике Башкортостан	2
КАБАШОВ С. Государственная служба в Европе: ретроспектива и современные проблемы	2
МИННИГУЛОВА Д. Административная ответственность государственных гражданских служащих: законодательные коллизии	2
НИКИФОРОВ А. Реформа партийной системы России: от монопартийности к многопартийности	2
РАЯНОВ Ф. Гражданское общество: проблемы понимания и соотношения с правовым государством	2
ФАТИХОВ Р. Меритократическое правовое государство как политологическая концепция	2

Правовой аспект

ГИБАДУЛЛИН Р. Вопросы правоприменительной практики по расследованию мошенничества в сфере предпринимательской деятельности	3
ЗИНУРОВ Т. Юридические факты в финансовом праве	1
РУСАКОВ В. Институт уполномоченного органа в сфере государственно-частного партнерства: мировой опыт и российские реалии	1
РУСАКОВ В. Правовые аспекты соглашения о государственно-частном партнерстве	3

Земельная реформа

РАФИКОВА Н. Актуальные проблемы использования земельных ресурсов сельскохозяйственными организациями Республики Башкортостан	2
СТАФИЙЧУК И., ГУБАЙДУЛЛИНА Г. Земельные преобразования в России в 1991–2015 гг.	2

«Круглый стол»

- Повышение качества кадрового документирования работы с персоналом – актуальная задача модернизации управления (Т. Быкова, С. Глотова, А. Ермолаева, С. Кабашов, Л. Маслова, Л. Фионова) 3

Финансы

- ЗУЛЬКАРНАЙ И. Одноканальная бюджетная система в экономических реформах Китая 1979–1993 гг.: уроки для России 6
- ТРОФИМОВА Я. Дорожные платежи в системе российских налогов и сборов 6

Статистика

- РАФИКОВА Н. О Международной научно-практической конференции «Статистика в экономических и гуманитарных науках» 1
- Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в 2015 году 1

Рецензии. Юбилей

- АХМЕТВАЛЕЕВ И. Об учебном пособии С.Ю. Кабашова «Организация работы с обращениями граждан в истории России» 3
- Об управленце, экономисте, преподавателе (М.Ш. Минасову – 65 лет) 2
- ПЕТРОВ В. О книге А. Селиванова «Развитие объектов. Наука управления будущим» 6
- РОССИНСКАЯ Г., СКРЯБИНА Я. Монография Р.А. Галина «Демографическое развитие населения Республики Башкортостан в условиях рыночной экономики» 4

Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан

Редактор А.В. Морозова

Адрес редакции:

450057, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6, 1-й подъезд, к.402
Тел. (347) 273-87-32
E-mail: ekonuprav@ufanet.ru
<http://bagsurb.ru/about/journal/>

Подписано в печать 12.12.2016. Усл. печ. л. 14.
Формат 60x84/8. Тираж 500 экз. Заказ № 301.

Отпечатано в издательстве БАГСУ

450057, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6. Тел. (347) 272-25-91
E-mail: izdatbagsu@mail.ru